

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Игумнов Дмитрий Александрович

**Общественно-политическая полемика на страницах изданий
«Гражданин» и «Новое время» (1894–1904)**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Ф.А. Гайда

Москва – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Либерализм и консерватизм в истории	26
1.1. Россия.....	26
1.2. Европа.....	50
Глава 2. Власть, управление и самоуправление	71
2.1. Самодержавие.....	71
2.2. Бюрократия.....	96
2.3. Земство.....	112
Глава 3. Общественные группы	139
3.1. Дворянство.....	139
3.2. Интеллигенция.....	163
3.3. Студенчество.....	181
3.4. Народ.....	197
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	222
Библиография	227

Введение

Научная значимость и актуальность. Рубеж XIX – XX вв. был временем оживлённых дискуссий в русском обществе. Предметом споров становились многие вопросы внутренней жизни страны, общественной и политической сфер. Полем для дискуссий являлись страницы печатных изданий. В исследовании рассматривается отношение к проблемам общественно-политической жизни, выраженное в двух органах русской печати – издававшейся А.С. Сувориным газете «Новое время» и выпускавшемся князем В.П. Мещерским журнале «Гражданин», – в период первого десятилетия правления Николая II (1894–1904).

Открытая дискуссия в печати по общественно-политическим вопросам – яркая черта российской жизни в период после проведения Великих реформ Александра II. Резкие изменения русской жизни вызывали различные и даже противоположные оценки, на их фоне происходило разделение лагерей либерального и консервативного. Эта характеристика вполне относится и к рубежу XIX – XX вв.

Возможность параллельного рассмотрения изданий князя В.П. Мещерского и А.С. Суворина обусловлена их постоянным взаимодействием. Оба они публиковали материалы по актуальным для своего времени вопросам и, высказываясь о них, ссылались друг на друга. При этом до сих пор не было предпринято исследований, посвящённых сравнению и сопоставлению этих печатных органов. Также не изучалось их влияние на общественное мнение. Основой для рассмотрения и сопоставления публицистики Суворина и Мещерского является и то, что они оба в историографии стойко воспринимаются как представители консервативного направления, несмотря на явные разногласия между ними. Это позволяет поставить вопрос о том, насколько неоднородным и многоплановым является консервативное направление, и в частности – консерватизм в России на рубеже XIX – XX веков.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является

консервативное направление общественно-политической мысли в его конкретных проекциях в практическую деятельность по формированию определенного и вместе с тем неоднородного мировоззрения в периодической печати. Предмет изучения – это дискуссии по вопросам общественно-политического характера в материалах изданий «Гражданин» и «Новое время» за первое десятилетие правления Николая II.

Хронологическими рамками исследования являются октябрь 1894 г. (смерть Александра III) и январь 1904 г. (начало Русско-японской войны). Нижняя хронологическая граница для монархического и тем более самодержавного государства является очевидной, так как знаменует собой начало нового этапа в жизни страны. Верхняя граница также представляется оправданной, так как с началом войны на Дальнем Востоке обострились внутренние проблемы империи, которые в конечном итоге привели к революционным событиям 1905–1906 гг.

Территориальные границы исследования связаны с его объектом и предметом и обусловлены местонахождением редакций рассматриваемых изданий, то есть локализуются преимущественно Санкт-Петербургом.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является выявление и сравнение позиций изданий «Гражданин» и «Новое время» в отношении власти и общества в 1894–1904 гг. В соответствии с указанной целью необходимо решить следующие исследовательские задачи:

– рассмотреть представления «Гражданина» и «Нового времени» о проблеме взаимоотношений либерализма и консерватизма в России и на Западе;

– выявить позиции обоих изданий в отношении власти, в том числе самодержавия, административных структур и бюрократии, а также земского самоуправления;

– проанализировать восприятие «Гражданином» и «Новым временем» российского общества в целом, а также таких его сегментов, как дворянство, интеллигенция, студенчество и народ, под которым понимается прежде всего

крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения Российской империи;

– оценить возникавшие между изучаемыми изданиями дискуссии, проясняющие их исходные идейные позиции, случавшиеся расхождения и допустимые компромиссы, раскрывающие сложносоставной характер консервативной идеологии.

Методологическая основа исследования. Диссертация написана на основе индуктивного, компаративного, проблемно-тематического и проблемно-хронологического методов. Для сопоставления позиций исследуемых изданий по заявленным проблемам материалы «Гражданина» и «Нового времени» рассматриваются параллельно. Отбор материалов идет в соответствии как с их тематикой, так и с хронологической последовательностью. Указанные принципы дополняют друг друга.

Важным методологическим подходом, использованным в диссертации, является типологизация консерватизма. А.С. Карцов в своей диссертации предложил следующие варианты такой типологизации: по отношению к направленности и темпам социальных изменений, по отношению к уникальности культурно-государственного пути и по отношению к равенству составляющих общество социальных групп¹. В настоящем исследовании данный подход применяется к публицистике «Гражданина» и «Нового времени», благодаря чему удастся выяснить, в какой степени она соответствует приведенным критериям.

Степень изученности темы. Как отмечалось, на сегодняшний день отсутствуют работы, специально посвященные сравнению изданий «Новое время» и «Гражданин». В целом периодизация историографии о деятельности Суворина и Мещерского выглядит следующим образом. Первый этап приходится на время от публицистики В.И. Ленина до 1970-х гг. Затем в советской историографии предпринимаются попытки отдельно рассмотреть

¹ Карцов А.С. Проблема общественного идеала в русском консерватизме: второй половины XIX – первой пол. XX вв.: дисс. канд. филос. наук. СПб., 1998. С. 28–29.

издателей, выявить их мировоззрение и роль в общественно-политической жизни. Современный этап, начавшийся с 1990-х гг., характеризуется появлением исследований, посвящённых биографиям, мировоззрению и публицистической деятельности Суворина и Мещерского.

Свои взгляды на Суворина и Мещерского выразил в посвящённых им статьях В.И. Ленин². Ленинскую публицистику скорее можно отнести к источникам, нежели историографии, поскольку он был современником исследуемых издателей. Однако данные им оценки Суворина и Мещерского закрепились в советской историографии, стали основой выраженных в ней взглядов, и поэтому тексты Ленина в настоящей работе рассматриваются в контексте историографии.

В исследованиях советского периода встречались упоминания и даже целые статьи, посвященные как Мещерскому³, так и Суворину⁴. Впоследствии к деятельности первого подробно обращался П.А. Зайончковский, в своих исследованиях показавший участие князя во внутренней политике Александра III и проводимых в его время контрреформах⁵. Также эти темы рассматривал и Ю.Б. Соловьёв⁶.

Неоднократно о «Гражданине» и «Новом времени» упоминал С.С. Ольденбург в своём труде «Царствование Николая II». Мещерского он относил к течению, которое «стремилось к укреплению правящих сословий, к установлению известной иерархии в государстве»⁷ и называл «Гражданин» «правым органом», а «Новое время» – «наиболее распространённой

² Ленин В.И. О русском управлении и о русских реформах // Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 24. С. 20–21; Ленин В.И. Карьера // Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 22. С. 43–44.

³ Чужой К. Из закулисных влияний. Князь В.П. Мещерский и А.В. Кривошеин // Русское прошлое. Кн. 5. М.; Пг., 1923. С. 77–80; Цейтлин А. Гражданин // Литературная энциклопедия: в 10 т. Т. 7. М. 1934. С. 294.

⁴ Гордон Г. Дневник Суворина // Печать и революция. 1924. № 1. С. 68–71; Заславский Д.О. Дневник А.С. Суворина // Былое. 1924. №4. С. 281–283; Роскина Н.А. Суворин Алексей Сергеевич // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 7. М., 1972. Стб. 243–244.

⁵ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970.

⁶ Соловьёв Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973; Он же. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981.

⁷ Ольденбург С.С. Царствование Николая II. М., 2008. С. 15.

умеренной газетой»⁸.

Из исследователей постсоветского времени необходимо отметить И.Е. Дронова, защитившего диссертацию о взглядах Мещерского⁹ и опубликовавшего ряд исследований о нём¹⁰. В них историк прослеживает жизненный путь князя, становление его взглядов, рассматривает его связи при дворе и влияние на политическую жизнь, используя и переписку Мещерского, и материалы «Гражданина», и другие источники. Дронов уверенно говорит о Мещерском как о консерваторе, но при этом не согласен с его трактовкой как «реакционера». Мещерский учитывал реалии своего времени, не призывал к восстановлению крепостного права и выступал против бюрократии, считая её носителем либерализма – такой вывод делает Дронов.

Биографии и деятельности Мещерского касается Н.В. Черникова в своих исследованиях – диссертации¹¹ и статьях¹². Она проводит параллели между взглядами Мещерского и его деда по матери Карамзина, находя у князя «вкрапления либерализма» даже до призывов к гражданским свободам. Также Черниковой принадлежит монография, посвящённая жизненному пути князя¹³. Эта работа затрагивает многообразные аспекты – личные, творческие и политические; рассматриваются личные взаимоотношения Мещерского с современниками, его убеждения и издаваемый им «Гражданин». По мнению автора, неизменным идеалом Мещерского «было единение государя с народом и самодеятельность общества», а авторитарно-самодержавная система, за спасение которой он выступал, была способна, по его мнению, «на диктуемую

⁸ Там же. С. 25.

⁹ Дронов И.Е. Разработка консервативной концепции развития России в творчестве В.П. Мещерского: дисс. канд. ист. наук. М., 2007.

¹⁰ Дронов И.Е. Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. №10. С.57–84; Он же. Путь консерватора // Князь В.П. Мещерский. Гражданин консерватор. М., 2005. С. 8–84.

¹¹ Черникова Н.В. Князь Владимир Петрович Мещерский в общественной жизни России. Последняя треть XIX – начало XX века: дисс. канд. ист. наук. М., 2001.

¹² Черникова Н.В. Русский консерватизм от Карамзина до Мещерского: взгляд через столетие // Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 395–414.

¹³ Черникова Н.В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017.

временем эволюцию»¹⁴.

К мировоззрению и деятельности Мещерского обращался и А.С. Карцов, посвятивший князю-консерватору диссертацию¹⁵ и монографию¹⁶, а также затронувший его деятельность в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук¹⁷.

В своей монографии Карцов рассматривает взгляды Мещерского на социальные и политико-правовые вопросы, на правительственную политику и вопрос о его вневедомственном влиянии. Для темы диссертации важны выводы Карцова о месте Мещерского в дореформенном консерватизме, о представлениях князя о власти и дворянстве.

Карцов уверенно причисляет Мещерского к консерваторам, при этом называя такие особенности его мировоззрения, как этатизм, «крайнюю репрессивность», «абсолютизирование роли насилия и принуждения в управленческой практике»¹⁸. Автор утверждает даже, что «для Мещерского человек как таковой – не более чем эгоистическое животное»¹⁹, и «в этатистской системе координат В.П. Мещерского человек уподобляется малой частице, входящей в состав гигантского механизма под названием «государство»»²⁰.

«Консерватизм на полпути к правому радикализму»²¹ – так Карцов называет в целом мировоззрение Мещерского. Князь до конца отстаивал сильную власть и интересы среднепоместного дворянства, противостоя не только либералам, но и более умеренным консерваторам. В то же время автор

¹⁴ Черникова Н.Е. Указ. соч. С. 468.

¹⁵ Карцов А.С. Общественно-политическая деятельность кн. В.П. Мещерского, 1860–1890-е гг.: дисс. канд. ист. наук. СПб., 2000.

¹⁶ Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004.

¹⁷ Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма (вторая половина XIX – начало XX веков): дисс. докт. юрид. наук. М., 2008.

¹⁸ Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (князь В.П. Мещерский).

¹⁹ Там же. С. 81.

²⁰ Там же. С. 83.

²¹ Там же. С. 118.

признаёт за бескомпромиссным консерватизмом прозорливость: «Русская “правая” показала большую историческую зоркость, нежели либеральное течение... правые столь опасались ослабления самодержавия оттого, что чётче либералов предвидели всю разрушительность вторжения масс, совсем недавно наделённых личной свободой, в политику при отсутствии какого бы то ни было укоренения ценностей либеральной демократии на русской почве»²².

Ещё более негативные оценки Мещерский получил в коллективной монографии о русском консерватизме XIX в.²³ Шестая глава этого исследования, содержащая сведения о князе, показывает его реакционером, требовавшим «жёсткой политики в отношении всех недовольных и инакомыслящих», которого «в последовательности... упрекнуть никак было нельзя» и который «был не столько теоретиком консервативно-реакционной мысли... сколько флюгером, поворачивающимся под действием ветра то в одну, то в другую сторону». Значение князя и его издания было обусловлено исключительно связями с властью: «Немудрено, что такой угоднический орган, как “Гражданин” мог существовать только на субсидии правительства, а В.П. Мещерский иметь какую-то силу и влияние только в меру своей близости к Николаю II»²⁴. Однако такие отрицательные оценки – редкость в современной историографии.

Также можно назвать работы, посвящённые салону князя Мещерского, его взаимоотношениям с патронами. Эта тема затрагивается в монографии Д.И. Стогова «Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века)»²⁵ и в статье М.М. Леонова²⁶. Обе работы останавливаются на вопросе о степени политического влияния салона

²² Там же. С. 415.

²³ Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М., 2000. С. 390–393.

²⁴ Там же. С. 392–393.

²⁵ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007.

²⁶ *Леонов М.М.* «Духовные сыновья»: интимный патронат в салоне В.П. Мещерского // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 2. С. 52–55.

Мещерского. Стогов пришёл к выводу, что «салоны так и не смогли стать значимой политической силой»²⁷, Леонов же, со своей стороны, признал, что «интимные связи служили особым каналом рекрутирования в те элитарные круги, которые пользовались внушительным влиянием в России рубежа столетий»²⁸.

В западной историографии князю Мещерскому посвящена статья У. Мосса «Имперский фаворит: В.П. Мещерский и “Гражданин”»²⁹. Этот автор писал о придворном влиянии Мещерского и отражении в его журнале стремлений помещного дворянства. По словам Н.В. Черниковой, «Мещерский в изображении Мосса превратился во второстепенного журналиста, уступавшего по значению М.Н. Каткову и А.С. Суворину, но в то же время игравшего при дворе роль, сравнимую с ролью Гр. Распутина»³⁰. Также укажем на публикацию писем Мещерского И.И. Виноградовым³¹ и работы Доминика Ливена, в которых упоминается деятельность князя³². Из общих работ, посвящённых положению Российской империи перед революцией и упоминающих о князе Мещерском, надо указать на книги Б. Пэrsa³³ и Х. Вилан³⁴.

О «Новом времени» писал в монографии о дореволюционной российской прессе А.Н. Боханов³⁵. Во многом он повторил ленинские взгляды, рассуждая о Суворине как первоначально «умеренном» журналисте,

²⁷ Стогов Д.И. Указ. соч. С. 292.

²⁸ Леонов М.М. Указ. соч. С. 55.

²⁹ Mosse W.E. Imperial Favourite: V. P. Meshchersky and the *Grazhdanin* // The Slavic and East European review, 1981. Vol. 59. No. 3. P. 529–547.

³⁰ Черникова Н.В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017. С. 23.

³¹ Vinogradoff I. Some Russians Imperial Letters to Prince V.P. Meshchersky // Oxford Slavonic Papers. 1962. Vol. 10. P. 105–158.

³² Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven; London, 1989; Lieven D. Nicholas II: Emperor of All the Russias. London, 1993.

³³ Pares B. The Fall of the Russian Monarchy. New York, 1939 (2nd ed.: London, 1988).

³⁴ Wheelan H. Alexander III and the State Council. Bureaucracy and Counter Reform in Late Imperial Russia. New Jersey, 1982.

³⁵ Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1984.

превратившем «Новое время» «из либерального издания в орган консервативно-погромных сил, неустанно проповедовавших черносотенные идеи национализма и шовинизма». Суворин, по Боханову, выступал против не только революционных, но и против либерально-буржуазных идей³⁶. Но при этом Боханов утверждал, что шло обоюдное взаимодействие «Нового времени» и правящей бюрократии, и из-за чтения газеты царским окружением министры стремились заручиться её поддержкой.

Единственная статья советского времени до перестройки, всецело посвящённая мировоззрению Суворина и его газеты, принадлежит И. Соловьёвой и В. Шитовой³⁷, опубликованная в «Вопросах литературы» в 1977 г. По мысли авторов, Суворин выражал мировоззрение и интересы среднего класса, обывателя. Ничего излишнего, рискованного, вызывающего, комфорт, конформизм и уют – таковы ценности «Нового времени». «Духовность, по Суворину, связана с “не-нормой”. Для среднего человека при оптимальных условиях она чужеродна»³⁸.

Ориентацию «Нового времени» как массовой газеты отмечала и Л.П. Макашина³⁹. В противоположность исследованиям советского времени и А.Е. Динерштейну, она стремится показать личность Суворина в исключительно положительном освещении, однако другие исследователи – С.М. Санькова⁴⁰, а также А. Рейтблат и Ф. Тарасова⁴¹ – указывают на значительные недостатки её работы.

Автором наиболее подробного на сегодняшний день исследования о Суворине⁴² является А.Е. Динерштейн, им же опубликован ряд других

³⁶ Там же. С. 43-45.

³⁷ Соловьёва И., Шитова В. А.С. Суворин: портрет на фоне газеты // Вопросы литературы. 1977. №2. С. 162–199.

³⁸ Там же. С. 177.

³⁹ Макашина Л.П. Вокруг Суворина: Опыт литературно-политической биографии. Екатеринбург, 1999.

⁴⁰ Санькова С.М. Два лица «Нового времени». А.С. Суворин и М.О. Меншиков в зеркале историографии. Орёл, 2011. С. 37–38.

⁴¹ Рейтблат А., Тарасова Ф. Рец.: Макашина Л.П. Вокруг Суворина. Екатеринбург, 1999 // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 386–389.

⁴² Динерштейн А.Е. А.С. Суворин: человек, сделавший карьеру. М., 1998.

исследований⁴³. Динерштейном был весьма тщательно описан жизненный путь Суворина, описаны связи с его видными современниками, но в твёрдых убеждениях ему Динерштейн явно отказывает. Суворин не принадлежал ни к одной из существовавших в его время партий и сформированных идейных направлений, в чём-то сочувствовал социализму, в чём-то – либерализму и при этом поддерживал, имея от этого выгоду, определённых политических деятелей. Такой портрет издателя даёт Динерштейн. Но следует сказать, что книга Динерштейна посвящена именно Суворину, а не его газете как таковой.

Резко отрицательные оценки можно видеть в учебном пособии «История русской журналистики XIX века» Б.И. Есина⁴⁴. Мещерский тут «монархист ещё более злобный, чем Катков», «ярый реакционер». «Гражданин» «поставил своей целью бороться не только с революционными, но и с либеральными органами печати», при этом он «нередко выбалтывал заветные мысли монархистов». Суворин «некоторое время... вёл “Новое время” в либерально-оппозиционном духе... но постепенно разбогатев, изменил позицию и превратил газету в реакционный орган». Его газета была готова «держат нос по ветру и служить стоящим у власти», а после 1905 г. «стала одним из органов черносотенцев»⁴⁵.

Существующие исследования о Суворине и о Меньшикове подробно рассмотрены в работе С.М. Саньковой⁴⁶. Исследовательница показывает, что историография об обоих деятелях весьма немногочисленна, а оценки, данные им исследователями, зачастую имеют отрицательный характер, восходя к современникам публицистов. Сама Санькова относит Суворина и Меньшикова к направлению, называемому ею «государственным национализмом», которое, в свою очередь, относится к более широкому либеральному консерватизму. Смысл здесь тот, что и Суворин, и Меньшиков были настроены консервативно,

⁴³ *Динерштейн Е.А.* Публицист «крайних убеждений»: Путь А.С. Суворина к «Новому времени» // *Лица*. № 6. 1995. С. 238–276.

⁴⁴ *Есин Б.И.* История русской журналистики XIX века. М., 2008.

⁴⁵ Там же. С. 261–263.

⁴⁶ *Санькова С.М.* Два лица «Нового времени». А.С. Суворин и М.О. Меньшиков в зеркале историографии.

но ради сохранения консервативных ценностей были готовы приветствовать осторожные и постепенные либеральные реформы. Главной ценностью при этом считались приоритеты государствообразующей нации (то есть русских), связанные с общегосударственными интересами.

Также Саньковой принадлежит статья, посвящённая национальному вопросу в суворинской публицистике⁴⁷. «Национализм» Суворина исследовательница трактует как призыв к единству поверх сословных различий, выраженному в стремлении к просвещению и развитию: «Он на страницах своего издания всевозможными способами пропагандировал идею единства русской нации. Это единство понималось им таким образом, что каждый гражданин должен заботиться не только о благе государства, но и друг о друге... Развивайся сам и помогай развиваться другому – вот призыв Суворина, обращённый к так называемому высшему обществу, с которого, в силу его положения, был особый спрос, так как этим положением оно было обязано труду и терпению простого народа, которому настала пора отдавать долги»⁴⁸.

Неоднозначные оценки Суворина по различным аспектам его публицистики и деятельности содержатся в диссертации Л.М. Хуторовой⁴⁹. Исследовательница предлагает современные Суворину определения характеристик «либеральный» и «консервативный». Либерал – «сторонник осуществления реформ, имеющих целью свободу личности и общества», скептик в отношении религии, сторонник конституционных взглядов и местного самоуправления, полового равноправия, отмены сословных привилегий. Консерватор – «охранитель старых учреждений в социальной и политической жизни»⁵⁰.

⁴⁷ Санькова С.М. А.С. Суворин: в поисках национального единства // Национальные приоритеты России. 2012. № 2 (7). С. 15–19.

⁴⁸ Там же. С. 19.

⁴⁹ Хуторова Л.М. Алексей Сергеевич Суворин, 1834–1912 гг.: судьба и взгляды: дисс. канд. ист. наук. Казань, 2001.

⁵⁰ Там же. С. 7–8.

Позицию Суворина Хуторова описывает следующим образом: «Либерал – во взгляде на свободу печати и вопросе о народном образовании; либеральный консерватор – по отношению к проблеме государственного устройства; ярый русофоб и антисемит – в решении национального вопроса; ретроград – в истории студенческого движения»⁵¹. В итоге автор приходит к выводу о «сложности, противоречивости, эклектичности» взглядов Суворина, «на эволюцию которых наложили отпечаток личностные особенности и события в пореформенной России»⁵².

В западной историографии работ, посвящённых Суворину, совсем немного. «Имя Суворина, как правило, если и упоминается в работах зарубежных исследователей, то в связи с цитированием его статей или дневника в качестве наглядных иллюстраций, призванных подтвердить те или иные положения авторов»⁵³. В качестве примеров западных работ о Суворине назовём монографию Э.К. Амблер⁵⁴, в которой позиция Суворина рассматривалась как переход от нигилизма к либерализму, и статью британского литературоведа Дональда Рейфилда «Король Лир из Санкт-Петербурга»⁵⁵. В последней публикации взгляды и деятельность Суворина автор рассмотрел в контексте не общественно-политической истории или идеологической борьбы, а психологии самого издателя. По мысли Рейфилда, внутренняя травма Суворина из-за убийства жены, самоубийства сына Владимира, плохих отношений с другим сыном Алексеем привела его к мысли о глубокой порочности всех людей, а также – к агрессивной и «реакционной» позиции «Нового времени».

В историографии русского консерватизма важной вехой можно назвать выход в свет энциклопедии «Русский консерватизм середины XVIII – начала

⁵¹ Там же. С. 215–216.

⁵² Там же. С. 216.

⁵³ Санькова С.М. Два лица «Нового времени». А.С. Суворин и М.О. Меншиков в зеркале историографии. С. 39.

⁵⁴ Ambler E.K. Russland Journalism and Politics. The Career of A.S. Suvorin. 1861–1881. Detroit, 1972.

⁵⁵ Рейфилд Д. Король Лир из Санкт-Петербурга // Персона. 1999. № 11.

XX века» под редакцией В.В. Шелохаева⁵⁶. В это издание вошло множество статей, посвящённых как персоналиям, так и понятиям, политическим и общественным структурам, органам печати. В результате энциклопедия представляет русский консерватизм как «сложное составное явление, в формировании которого приняли участие светские и религиозные мыслители, учёных разных специальностей, писатели, поэты, публицисты, журналисты», и позволяет получить «общее представление о сложной и неоднозначной истории российского консерватизма на всём протяжении его существования»⁵⁷. Авторы признали, что консерватизм «никогда не являлся универсальной идейной конструкцией с чётко оформленной системой взглядов»⁵⁸. Такой подход позволяет уйти от узкого понимания консерватизма как «реакции», борьбы против прогресса, и подчеркнуть его неоднородный характер. Примечательно, что энциклопедия включает в себя статьи как о Мещерском, так и о Суворине. Это обстоятельство – восприятие обоих деятелей в рамках одного, хотя и весьма широкого, идейного направления – позволяет сравнить и сопоставить их друг с другом.

Другим примером комплексного подхода к русскому консерватизму является уже упомянутая работа авторского коллектива под руководством В.Я. Гросула, вышедшая в 2000 году. В ней авторы признавали, что консерватизм в России «никогда не был единым, внутренне непротиворечивым и общепризнанным», что в нём «уже в первое время зарождения... наметилось несколько оттенков, а затем и несколько внутренних течений»⁵⁹. Из всего многообразия черт, «характерных для консерватизма в области морали и политики, религии и философии», авторы выделили две основные – «отношение к социальной системе и к государственному устройству

⁵⁶ Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010.

⁵⁷ Шелохаев В.В. От составителей // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 5.

⁵⁸ Минаков А.Ю., Репников А.В. Консерватизм в России // Там же. С. 18.

⁵⁹ Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М., 2000. С. 14.

страны»⁶⁰. В то же время они разделяли консерватизм, готовый ради сохранения ценностей идти на реформы, от реакции, которая основывалась сугубо на противодействии реформам.

Подытоживая разработанность связанных с Мещерским и Сувориным тем, надо сказать, что в литературе, хотя и небольшой по объему, получили освещение и личная жизнь, и общественная деятельность, и идейные взгляды обоих деятелей. Устоялось причисление Мещерского и Суворина к консервативному лагерю, но остается открытым и требующим дальнейшей разработки вопрос об изменениях их взглядов, их приложении к конкретным проблемам общественно-политического характера. Остается нерассмотренным вопрос о взаимодействии Мещерского и Суворина друг с другом, а также об их отношении к понятиям «либеральный» и «консервативный», как и об особенностях использования этих понятий на страницах «Гражданина» и «Нового времени».

Источниковая база исследования. Источники настоящего исследования подразделяются на публицистику – выпуски «Гражданина» и «Нового времени», выходявшие в свет с 1894 по 1904 гг., – и источники личного происхождения, такие, как переписка, дневники и воспоминания.

Сначала следует остановиться на публицистике. Журнал «Гражданин» издавался Мещерским с 1872 г. Периодичность выпусков менялась, в частности, с 1888 по 1897 гг. он издавался ежедневно, с 1897 по 1909 гг. – два раза в неделю. «Новое время» выходило ежедневно. Таким образом, общее количество выпусков обоих изданий, вышедших за период со смерти Александра III до начала Русско-японской войны, весьма велико: приблизительно полторы тысячи выпусков «Гражданина» и приблизительно три с половиной тысячи – «Нового времени». При этом материалы, имеющие отношение к сформулированным исследовательским задачам, встречаются в этом временном диапазоне довольно регулярно.

⁶⁰ Там же. С. 417.

Внутренняя структура «Гражданина» и «Нового времени» схожа. В обоих изданиях существовали постоянные рубрики, в «Гражданине» – «Мысли консерватора», «Маленькие мысли» и «Дневники», в «Новом времени» – «Маленькие письма», «Научные письма», «Письма к ближним». Стоит отметить тенденцию к личному, даже интимному, разговору с читателем – она характерна в целом для прессы того времени. Статьи писались в форме как монолога, так и диалога между двумя и более собеседниками.

И в «Гражданине», и в «Новом времени» статьи чаще всего подписывались псевдонимами, нередко и публикации с отсутствием подписи. Для установления авторов использовались данные из словаря псевдонимов И.Ф. Масанова. По тематике из авторов наибольший интерес представляют как сами издатели (Мещерский в «Гражданине» публиковал «Дневники», Суворин в «Новом времени» – «Маленькие письма»), так и некоторые другие публицисты. Для «Гражданина» это, например, Д.М. Бодиско и И.И. Колышко (псевдоним «Серенький»), для «Нового времени» – М.О. Меньшиков и С.Н. Сыромятников (псевдоним «Сигма»).

Наличие различных авторов позволяет поставить вопрос: возможно ли говорить о тождестве позиции «Гражданина» с позицией лично князя Мещерского и позиции «Нового времени» – с позицией Суворина? Ознакомление с материалами показывает, что о таком тождестве можно говорить достаточно уверенно. Хотя и то и другое издание могли публиковать статьи с различными мнениями, противоречий между ними наблюдается немного, и они в целом не вступают в конфликт с позицией издателей. Особенно это заметно в «Гражданине». О «Новом времени» известно выражение Суворина, что его газета – «не есть собрание истин, но собрание мнений»⁶¹. Плюрализм здесь действительно виден больший, чем в журнале Мещерского, но сохранялось и общее направление. Как будет показано далее, Суворин мог и не пропустить в печать «мнение», которое ему не нравилось.

⁶¹ Письмо А.С. Суворина В.В. Розанову от 14 сентября 1899 г. // *Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 22. Признаки времени. (Статьи и очерки 1912 г.). М., 2006. С. 295.*

О позиции Суворина по вопросу допуска на страницы «Нового времени» материалов с позицией, противоречащей взглядам издателя или же большинства в редакции, многое говорит его фраза из письма В.В. Розанову, отправленного в августе 1893 г.: «О согласии или несогласии с Вами редакции, конечно, не может быть речи, ибо у Вас есть имя»⁶². То есть позиция Суворина как издателя была более ситуативной, нежели принципиальной: в каждом конкретном случае он мог ориентироваться на различные обстоятельства.

По словам Н.В. Черниковой, «о “Гражданине” Мещерского можно говорить, только подразумевая его главенствующую роль в издании – в той же мере, как о “Вестнике Европы” М.М. Стасюлевича, “Московских ведомостях” М.Н. Каткова, “Голосе” А.А. Краевского, “Новом времени” А.С. Суворина и проч. Но с другой стороны, в том, что журнал воспринимался как его alter ego, виноват был только сам князь»⁶³. И далее, о ситуации после ухода Ф.М. Достоевского с поста редактора «Гражданина» в 1874 г.: «Кто бы ни подписывал номер к печати, кто бы ни был официальным лицом журнала, на истинном положении вещей это никак не отражалось. В периодике того времени определяющая роль принадлежала издателю периодического органа – именно он оплачивал все расходы, обеспечивая таким образом материальную сторону издания, а этим неизменно занимался князь Владимир Петрович»⁶⁴.

Что касается тональности и направленности, то «Гражданин» всегда поддерживал образ себя как борца с теми, кто понимался в качестве врага и разрушителя. В текстах журнала чувствуется напряжённость, они призывают к защите устоев. «Новое время» в этом плане сильно отличалось, его стилем был мягкий доверительный разговор с читателем.

Выше уже приводилась цитата Мещерского о взаимоотношениях издателей. В целом в указанный период эти отношения выглядят конфликтными, но Мещерский проявлял готовность к примирению и

⁶² Письмо А.С. Суворина В.В. Розанову от 17 августа 1893 г. // Там же. С. 291.

⁶³ Черникова Н.В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. С. 149.

⁶⁴ Там же. С. 153.

взаимоуважению. В «Дневниках» по случаю 25-летия своей публицистической деятельности он писал: «Одной телеграммы не доставало: от издателя “Нового времени” г. Суворина... Будь я на его месте, и будь он мною, я бы непременно послал телеграмму князю Мещерскому с благодарностью за то, что 25 лет Суворину-Незнакомцу и Суворину “Нового времени” я поставил столько пицци для всех видов его творчества, начиная с самого злого и кончая кротким»⁶⁵.

Однако, в «Новом времени» он и его журнал оставались мишенью претензий, зачастую откровенно уничижительного характера. «Чего же и ждать от князя Мещерского, который сам себя так откровенно и удачно аттестовал уродом... в журнальной семье»⁶⁶, – сообщалось в рубрике «Среди газет и журналов» 29 сентября 1893 г. «Прислужнически-вздорная газета “Гражданин” и прислужнически-посредственные беллетристические кропанья князя Мещерского»⁶⁷, – писал постоянный автор «Нового времени» В. Буренин в марте 1894 г. Складывается впечатление, что в суворинской газете «Гражданин» представлялся символом всего тёмного и реакционного. Характерна фраза С.Н. Сыромятникова из фельетона от 3 марта 1902 г.: «Пропивание безграмотными старшинами народных денег не может быть защищено никем, даже кн. В.П. Мещерским»⁶⁸.

По собственному признанию Мещерского, журнал он создавал именно в противовес либеральному направлению: «Так как направления противоположного, то есть консервативного, в петербургской печати представителя не было, то я и возымел мысль основать орган консервативный в защиту церковного авторитета, самодержавия и в обличение всех увлечений либерализмом». К либералам Мещерский здесь же причислил и Суворина, который «царил» с «либеральным задором» в Санкт-Петербургских ведомостях и проводил политику «шалую нигилистическую»⁶⁹. В целом

⁶⁵ Дневники // Гражданин. № 2. 2 января 1897. С. 20.

⁶⁶ Среди газет и журналов // Новое время. 29 сентября (11 октября) 1893. № 6317. С. 3.

⁶⁷ Буренин В. Критические очерки // Новое время. 4 (16) марта 1894. № 6470. С. 2.

⁶⁸ Сигма. Дома // Новое время. 3 (16) марта 1902. № 9337. С. 2.

⁶⁹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 371.

можно сказать, что для Мещерского тематика либерализма и связанных с ним вопросов была значима в большей степени, чем для Суворина.

Если говорить об источниках личного происхождения, то в настоящей работе были использованы такие материалы, как воспоминания Мещерского, на протяжении долгого времени публиковавшиеся в «Гражданине» и опубликованные в трех томах в 1912 г. (в последнее время опубликованы в одном томе в 2003 г.). Изданы такие важные документы, как дневник Суворина, воспоминания о нем В.В. Розанова и других лиц⁷⁰, переписка Суворина с Розановым⁷¹ и Чеховым⁷², наконец, очень любопытное письмо Суворина С.Ю. Витте⁷³. Также были использованы источники личного происхождения из фонда А.С. Суворина в РГАЛИ (Ф. 459).

От Мещерского осталось значительное количество источников личного происхождения. Уже упомянутый Колышко в воспоминаниях высказался, что Мещерский «написал больше Вольтера и Руссо вместе взятых... в день он отмахивал по полпечатного листа»⁷⁴. Сохранилось множество писем князя к великому князю Александру Александровичу, впоследствии – императору Александру III. Послания Мещерского являлись не только выражением личных чувств или дружеских симпатий. Путём переписки князь пытался влиять на наследника и государя, реализовывать своеобразную политическую программу. После кончины наследника Николая Александровича в 1865 году целью Мещерского стало «сделать из совершенно неподготовленного к роли самодержца цесаревича великого государя, что предполагало вполне сознательное и постоянное влияние в двух сферах: формирование личности и политическое воспитание»⁷⁵. Эти обстоятельства определили направленность

⁷⁰ Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине // *Розанов В.В. Собрание сочинений*. Т. 22. Признаки времени. (Статьи и очерки 1912 г.). С. 259–291.

⁷¹ Там же. С. 259–368.

⁷² Переписка А.П. Чехова. В 3 т. Т. 1. М., 1996.

⁷³ Письмо А.С. Суворина С.Ю. Витте // *Витте С.Ю. Избранные труды*. М., 2010. С. 529–534.

⁷⁴ Колышко И.И. Великий распад: воспоминания. СПб., 2009. С. 166.

⁷⁵ Черникова Н.В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. С. 79.

переписки, обусловили её насыщенность общественно-политической проблематикой.

Воспоминания Мещерского также посвящены преимущественно общественно-политическим проблемам. По словам историка и писателя Б.Б. Глинского, планом работы было «показать борьбу разных общественных элементов с дворянскими принципами дореформенной России и нарождение ряда карикатурных лиц, через посредство которых, под знаменем вредного либерализма, дорогой авторскому сердцу патриархальный строй рухнул, и какое зло отсюда для России произошло»⁷⁶. Автор писал о воспоминаниях князя с явной недоброжелательностью (одним из основателей «Исторического вестника», на страницах которого была опубликована цитированная статья, был, кстати говоря, Суворин), но сама характеристика представляется точной.

Как уже было сказано, свои воспоминания оставил и сотрудник князя Мещерского И.И. Колышко, публиковавшийся в «Гражданине» под псевдонимом «Серенький». Рукопись с названием «Великий распад» была создана автором в эмиграции, во Франции, в начале 1930-х годов. Сам Иосиф Иосифович имел далеко не лучшую репутацию, его воспринимали как протеже Мещерского, не имевшего собственной значимости. «Вас ещё кадетиком взял к себе князь Мещерский... благодаря ему вы делали свою карьеру... за взятки, будучи чиновником, проводили дела»⁷⁷, – в лицо Колышко говорил писатель В.П. Крымов, предлагая ему написать воспоминания.

Можно сказать, что в своей книге Колышко фактически перечёркивал те идеалы, которые с его помощью отстаивал Мещерский в «Гражданине». «Задача, поставленная им перед собой, – показать причины краха самодержавной России – выродилась, по сути, в обличение старого строя, его порядков»⁷⁸. Об этом говорит и название книги. Последние десятилетия

⁷⁶ Глинский Б. Кн. Владимир Петрович Мещерский. Мои воспоминания. Часть первая (1850–1865 гг.). СПб., 1897 // Исторический вестник. 1898. Т. 79. С. 1073.

⁷⁷ Крымов В. Портреты необычных людей. Париж, 1971. С. 155–156.

⁷⁸ Лукоянов И.В. Иосиф Иосифович Колышко и его «Великий распад» // Колышко И.И. Великий распад: воспоминания. С. 15.

Российской империи для Кольшко – это «распад русских государственности и общественности, русских политики, экономики и этики»⁷⁹, время, когда оказались несостоятельными и православие, и самодержавие, и народность. Сам Мещерский, по мнению Кольшко, был способным человеком, который «был весь вымощен добрыми намерениями, осуществить кои не позволяли ему и страсти, и люди... Он безмерно больше выиграл бы в союзе с общественностью против власти, чем в заговоре с властью против общественности... Не будучи либералом, Мещерский исповедовал кучу либеральных догм: веротерпимость, самодеятельность, миролюбие и прочее»⁸⁰.

Что же касается источников личного происхождения о Суворине, то это, в первую очередь, его дневник и сохранившаяся переписка. В дневнике и письмах Суворин высказывал те мысли, которые не могли быть опубликованы в прессе. Ещё в 1923 г. в предисловии к первому изданию суворинского дневника говорилось, что его автор, «записывая в свои тетрадки день за днем и не рассчитывая на опубликование своих записей, как бы отводил душу после своей повседневной службы – защиты в прессе сановников, старой политики и гнилого уклада, словом, всего того, что положение А.С. Суворина обязывало его защищать, но что он как умный человек и даровитый публицист не мог в сокровенности не презирать»⁸¹. Именно дневнику Суворина, видимо, во многом обязано своим существованием мнение об издателе как человеке лицемерном и беспринципном. Однако можно сказать и по-другому: мы видим публициста, глубоко критично относившегося к окружавшим его порядкам, ожидавшим прихода чего-то нового, но понимавшего, что оно может быть достигнуто не революцией и разрушением «отжившего», но общей созидательной работой.

В целом состояние источников представляется вполне достаточным для

⁷⁹ Там же. С. 16.

⁸⁰ Там же. С. 174.

⁸¹ Дневник А.С. Суворина / Редакция, предисловие и примечание Мих. Кричевского. М.; Пг., 1923. С. 5.

работы, но имеются и лакуны. Так, неравномерно сохранилась переписка Суворина: большинство писем принадлежит личностям, писавшим ему. Писем, отправленных Суворину, насчитывается около 5100, писем, отправленных самим Сувориным, – больше 200.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые сопоставлены позиции изданий «Гражданин» и «Новое время» за 1894–1904 гг. по вопросам общественно-политической проблематики. Автор диссертации использовал компаративистский подход к изучению публицистики консервативного направления и показал сложность, неоднозначность и многомерность российского консерватизма исследуемого периода, наличие в нем различных, зачастую взаимоисключающих представлений по ряду вопросов. Диссертация на примере исследованных автором изданий показывает, что восприятие консерваторами тем самодержавной власти, либерального и консервативного направлений мысли, проблем различных общественных групп могло варьироваться и изменяться в зависимости от ситуации и контекста.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней изложены положения и выводы, благодаря которым может быть осуществлено приращение знания по политической истории России рубежа XIX–XX вв., которая, в отличие от представлений о более раннем и более позднем периодах, остается гораздо менее изученной, тем более что расклад в консервативном лагере в указанное время непосредственно влиял на тенденции развития страны и общества.

Практическая значимость. Выяснение и сравнение между собой позиций «Гражданина» и «Нового времени» по общественно-политическим вопросам позволяет лучше понять процессы и проблемы российского государства и общества на рубеже XIX–XX вв., а также сопутствующие им идейные разногласия. Выводы диссертации могут быть использованы, помимо исследования жизни и мировоззрения Мещерского и Суворина, в таких областях, как история русской прессы, история общественно-политических

идей в России, общественно-политическое положение в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Достоверность исследования обеспечивается широтой источниковой базы, которая состоит из многочисленных публикаций «Гражданина» и «Нового времени», а также документов личного происхождения, принадлежащих А.С. Суворину, В.П. Мещерскому, С.Ю. Витте, М.О. Меньшикову, А.П. Чехову, В.В. Розанову и др.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и положения работы изложены в 8 научных работах автора общим объемом 5 п.л., в том числе в 5 публикациях общим объемом 2,5 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, трех глав, которые разделены на параграфы, посвященные конкретным проблемам в рамках каждой главы, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. И «Гражданин», и «Новое время» можно считать изданиями консервативного направления, что не отменяет их расхождений между собой. «Новое время» также можно отнести к органу идеологии государственного национализма, который стремился охранять интересы титульной нации (русских) через сильную имперскую власть. Указанные издания показывают большое внутреннее разнообразие русского консерватизма, его неоднозначность и неоднородность, присутствие в нем широкого спектра мнений по ряду вопросов.

2. Главным различием изданий явился вопрос о приоритетах в жизни и

развитии общества: вертикальная иерархия («Гражданин») или расширение общественной самодеятельности («Новое время»). Главной ценностью «Гражданина» было сохранение неограниченного самодержавия, общественного строя с господством дворянства и в целом того состояния общества, которое основывалось на личном единении царя с подданными и получило в дальнейшем наименование патернализма. Главной ценностью «Нового времени» было повышение уровня жизни русского общества, понимаемого как в духовном (труд, культура, просвещение), так и материальном (благосостояние) плане.

3. В освещении общественно-политической проблематики в «Гражданине» и «Новом времени» выделяются повторяющиеся темы. Для «Гражданина» это были вопросы политики (сохранение самодержавного строя в условиях вызова) и морали (верность традиции), для «Нового времени» – общественное развитие и национальные интересы. Вместе с тем у обоих изданий не сложилось законченного и цельного отношения к проблеме взаимодействия либерального и консервативного начал.

4. И «Гражданин», и «Новое время» соглашались с фактом прогресса и необходимостью модернизации России. Но если князь Мещерский в своем журнале связывал изменения с сугубо практическими нуждами страны и народа, то «Новое время» в некоторых материалах показывало прогресс как безусловную и не зависящую от людей силу, которой необходимо подчиниться.

5. И «Гражданин», и «Новое время» видели в самодержавии двигатель прогресса и реформ, но издание Мещерского показывало царя как дарителя благих реформ для народа, а «Новое время» – как пример государственной работы и трудолюбия. «Гражданин» рассматривал царя как священный образ, стоящий выше истории и не подчиняющийся прогрессу, в то время как источники личного происхождения дают возможность видеть, что для Суворина самодержавие существовало в рамках исторического развития и должно было меняться соответственно ему.

Глава 1. Либерализм и консерватизм в истории.

1.1. Россия

Говоря о представлении истории общественной мысли и взаимодействии либерализма и консерватизма в России по «Новому времени» и «Гражданину», можно выделить три периода: до Великих реформ Александра II, сами реформы и после них.

Нетрудно заметить, что для обоих изданий эпоха Великих реформ была рубежной в восприятии русской истории. Именно с ней связывался конфликт либералов и консерваторов. Князь Мещерский прямо говорил, что либералы в России появились только в указанный период. Их существованием мы обязаны «увлечениям и веяниям шестидесятых годов». В противоположность этому, при Николае I «не было иной партии в России, кроме Родины», а «о либералах никто не говорил». Либерал же – тот, для кого высшую ценность представляет его доктрина, а Россия для него – «только большая зала для делания в ней разных опытов применения политических доктрин, с полным равнодушием к вопросу: пострадает или выиграет от этого родина». Либералов такого рода Мещерский считал «чисто французским элементом», при чём они «ничего общего» не имеют «с либералами Англии, например»⁸².

Чем являлись для «Гражданина» «французский» и «английский» либерализм, мы рассмотрим далее. Здесь же остановимся на том, что в приведённом тексте он вполне отказывает либералам – точнее, определённому роду либералов – быть «русскими», утверждая их полную чуждость своей Родине.

В других текстах Мещерский приводил несколько иные временные рубежи существования либерализма и либералов в России. Например, он писал в «Дневниках» 25 января 1898 г.: «Сколько за эти 40 лет написано было и книг и прочитано лекций для просвещения жаждущего света россиянина», но начало попыток создания русского либерала тут же отодвигалось дальше в

⁸² Дневник // Гражданин. №19. 19 января 1895. С. 3.

прошлое: «почти столетие русский цивилизованный человек пытается, например, применить к России европейский либерализм и создать тип русского либерала»⁸³. То же говорилось и в «Дневниках» от 9 января 1903 г.: «сто лет иноземные гастролёры вмешиваются в сословия, стараясь расшатать сословные связи... сто лет нарождающаяся интеллигенция вталкивает в Россию без разбора европейскую цивилизацию»⁸⁴.

В июле 1902 г. «Гражданин» в неподписанной статье «Мысли дворянина» указал сразу несколько этапов развития либерализма в России. Столетие назад из Европы появились либералы: «100 лет назад Европа впихнула в Россию инструкторов либерализма; 100 лет они бесплодно бьются привить свою науку». Полстолетия как либералы пытались повлиять на народ: «50 лет либералы жалуются «за народ», причитают одно и то же, тщатся его чему-то научить, выбиваясь из сил проникнуть своим словом в деревню». Наконец, «тяжёлым кошмаром, первыми пятнами в истории России прошло полвека наиболее интенсивной деятельности либерализма с 60-х годов»⁸⁵. Последние два указания можно, наверное, отнести совместно к эпохе Великих реформ, хотя с 60-х гг. до времени публикации прошло не полвека, а чуть больше сорока лет. В дальнейшем мы ещё столкнёмся с публицистической небрежностью относительно временных расчётов в «Гражданине».

В «Новом времени» и длительность существования либерализма в России, и перечень относимых к либерализму явлений оказывались совсем другими. Хорошую информацию на этот счёт даёт «Маленькое письмо», которое Суворин посвятил объявившему о своей борьбе против либерализма В.А. Грингмуту. Начав с упрёка Грингмуту в отсутствии такта, Суворин говорил, что поздно объявлять о какой-то «борьбе с либерализмом», поскольку и либерализм, и борьба с ним – явления уже весьма старые для России. Насколько старые? «Если подходить к началу, то придётся сказать, что

⁸³ Дневники // Гражданин. № 7. 25 января 1898. С. 15.

⁸⁴ Дневники // Гражданин. № 3. 9 января 1903. С. 15.

⁸⁵ Мысли дворянина // Гражданин. № 50. 4 июля 1902. С. 3–4.

либералы впервые появились ещё в Смутное время, после убийства названного царя Дмитрия, когда польская конституция возымела влияние на некоторых бояр, желавших управлять государством и ограничить царскую власть».

К «либеральным» явлениям Суворин относил и земские соборы, имеющие «некоторое подобие с представительным собранием». Сама самозванщина – «явление, пожалуй, либеральное», в старообрядческом расколе «много совершенно либеральных течений», далее – Карамзин (называвший себя «республиканцем»), Сперанский, Александр I и те же декабристы. Принципом, объединяющим этот перечень явлений, можно назвать попытки ограничить верховную власть. Раскол, возможно, Суворин также упоминал как протестное явление.

Развивая свою мысль, далее Суворин утверждал, что либерализм вовсе необязательно связан с «разрушением устоев» и вообще существует на уровне «личного мнения», образовавшегося в результате жизненного опыта: «личные мнения, образовавшиеся под влиянием воспитания и среды, личный характер совсем не исключают чувства верноподданства и глубокого уважения к основам государственной жизни». Всё это у нас есть давно, всем это известно и не надо устраивать шума по этому поводу, уверял Суворин. «Если либерализм, либеральное направление существует давно, то и борьба с либерализмом существует давно... Поэтому г. Грингмут открывает Америку, объявляя, что либерализм существует и что он будет с ним бороться, как с врагом». А обвинять всё либеральное направление в революционности и измене власти – плохой приём, ведь «“Русск[ие] Ведом[ости]” и «Вестник Европы», оставаясь либеральными, как их постоянно называли и называют, могли бы искренне и прямодушно сказать: “Да, мы верноподданные русского самодержавного царя”»⁸⁶.

Ещё более широкий очерк относимых к либерализму явлений предложил впоследствии М.О. Меньшиков. В январе 1902 г., в своей рубрике «Из писем к

⁸⁶ Суворин А. Маленькие письма // «Новое Время». № 7482. 24 декабря 1896. (5 января 1897). С. 2.

ближним» он писал о совпадавших юбилеях князя Мещерского и журналиста О.К. Нотовича, высказавшись по этому случаю и о сосуществовании в России либерализма и консерватизма. Меньшиков писал, что эти два явления должны и могут сосуществовать, не мешая друг другу, и каждое может принести пользу. Оба они – «сама природа», они имеют корни в глубинном устройении человека: «консерватизм вытекает из природы человека, как и всякая долговременная партия... но тоже и либерализм: раз он существует с незапамятных времён, раз это темперамент, ничем не истребимый, то и он – природа» – утверждал Меньшиков так же, как и Суворин в вышеприведённом «Маленьком письме».

Как далее писал Меньшиков, «либерализму мы обязаны призванием князей, т.е. принятием культурной европейской государственности. Либерализму мы обязаны принятием христианства и письменности. Ему же мы обязаны свержением татарщины, нашей политической реформацией при Петре I и социальной при Александре II». Этот перечень ещё более широк и уходит ко временам ещё более дальним, чем приведённый выше перечень Суворина. Создаётся впечатление, что в него Меньшиков включил всё, представлявшееся ему «прогрессивным», способствовавшим изменению и расширению культурной, политической, общественной сфер жизни.

Различие между либерализмом и консерватизмом Меньшиков при этом провёл в сфере не политических идей, а человеческого темперамента и духовных устремлений: «либерализм – как нравственное начало покаяния, как стремление к лучшему, как мужественное решение хоть сколько-нибудь продвинуться к идеалу, проходит красной нитью сквозь историю всякого живого народа»⁸⁷.

Перед нами сразу три различных попытки кратко очертить историю либерализма в России. Каждая из них следует определённому принципу. Князь Мещерский обращал внимание на разрушение устоев и продвижение чуждых

⁸⁷ Меньшиков М.О. Из писем к ближним. Ч. VII // «Новое время», 27 января (9 февраля) 1902. № 9303. С. 3.

России доктрин, Суворин – на расширение участия в государственной жизни, Меньшиков – на прогресс и развитие в самом широком смысле. Хотя указанные авторы высказывали суждения столь различные даже на уровне подхода к вопросу, но взгляд обоих публицистов «Нового времени» был очевидно сочувственнее позиции Мещерского. И для Суворина, и для Меньшикова либерализм оказывался, во-первых, прогрессивен, связан с положительным развитием в культуре, государстве и обществе, а во-вторых – традиционен, укоренён как в русской истории в ряде её фактов, так и в жизни каждого деятеля.

Из фактов истории России до 1860-х гг. в изданиях часто упоминалась петровская эпоха. Мещерский говорил о Петре и его времени не так часто, как о Николае I или Александре II, но эти упоминания были неоднозначными. С одной стороны, Пётр представлялся сильным правителем, который собственной волей стремится в поставленной цели. Характерен символ-ассоциация его правления – дубина. Александр II «провинился» перед интеллигентами в том, что «не с дубиною в руках учил либерализму, как учил цивилизации Пётр Великий, а с кротостью, с любовью к человеку, и с верою в его душевные лучшие свойства, звал к себе в сотрудники»⁸⁸. В качестве параллели можно указать «Дневник» в «Гражданине» за 31 декабря 1887 г., в котором Мещерский писал о необходимости «палки» для ограничения «неразумной свободы», и эта палка должна была быть «физической» – «дубинкой Петра Великого»⁸⁹.

В «Речах консерватора» от 20 января 1902 г. проводилось сравнение того, «какая гармония была... между неизмеримой силой воли Петра Великого и его любовью к России, и в противоположность ему, какая роковая связь была между слабой волей иного из Его преемников и той мечтательностью, которая принимала вид любви к России»⁹⁰. «Иным преемником» в данном случае, по

⁸⁸ Дневники // Гражданин. №17. 4 марта 1901. С. 15.

⁸⁹ Дневник // Гражданин. №91. 31 декабря 1887. С. 3.

⁹⁰ Икс. Речи консерватора // Гражданин. № 6. 20 января 1902. С. 2.

всей видимости, назывался Александр II.

С другой стороны, то, что продвигалось Петром, в «Гражданине» не обязательно одобрялось. «Все Петровские реформы, при кажущемся национальном характере их, клонились к разжижению национальной идеи» - говорилось в «Маленьких мыслях» в марте 1902 г., при сравнении Петровских реформы с реформами Витте. «Гений Петра стремился из центра к окраинам», его реформы «растягивали быт России, растягивали и материю, и дух её». Он «раскатал» «слой древне-русского быта», и по получившемуся «блину» «можно было надрезать любые узоры». Пётр – «опасный талант для государства», он – гений без системы, которого «швыряет» туда и сюда. После «раскатывания» «пришла пора собирать Россию». Как раз этим и занимались Александр II и Витте. Реформы последнего «направлены к концентрации русского духа», ими «ослабляется связь с Европой, завязанная при Петре»⁹¹.

Таким образом, из того, как в «Гражданине» был представлен образ Петра I, можно сделать вывод и о том, какие положительные и отрицательные качества носителя верховной власти в целом отмечал журнал. Правитель должен был быть сильным, но его сила ценна не сама по себе, а в связке с «национальной идеей» и «системой». Пётр и Александр II в восприятии «Гражданина» являли собой два этих аспекта – силу и системность, а в зависимости от ситуации приоритет мог отдаваться либо тому, либо другому.

Но особое почтение Мещерский питал к Николаю I. Этот правитель рисовался на страницах «Гражданина» близко к идеалу, что зачастую приобретало характер полемики, поскольку и в либеральных, и славянофильских кругах он оценивался преимущественно отрицательно. Так, в марте 1883 года Мещерский иронично писал, что словом «николаевщина» обозначают «эпоху, давшую гению Пушкина развиться... породившую Гоголя, родившую Льва Толстого, породившую Тургенева, Гончарова, Глинку, Брюллова... давшую России... сильных волей, умом и личностью русских

⁹¹ *Серенький*. Маленькие мысли // Гражданин. № 6. 20 января 1902. С. 4.

людей».

Причина этого, по мнению Мещерского, крылась в том, что «николаевщина, будучи олицетворением мысли, воли и власти... вызывала, следовательно, всякий ум к подчинению с одной стороны, и к борьбе с препятствиями – с другой стороны»⁹². Здесь, таким образом, парадоксально в заслугу государю ставилась его жёсткость в отношении «свободомыслия», поскольку эта жёсткость провоцировала развитие через преодоление преград.

Что касается Суворина, то он также склонен был видеть в Петре силу и мощь самодержавного государя, но восторга этот образ у него явно не вызывал. Очень жестко он оценивал его деятельность в «Маленьком письме» от 9 января 1895 г. Отвергая мнение «одного ежесельника» о нём как о «величайшем преобразователе», Суворин утверждал, что «надо совсем не знать русскую историю, чтоб желать жить под властью Петра хотя бы и Великого, видеть казни стрельцов, видеть самого Петра с топором в руках, отсекающего головы, видеть пытки, бритьё бород, стрижку на барабане, видеть преследования старообрядцев, сжигание целых общин, отбирание бумаги и чернил, чтобы никто не смел написать что-нибудь против его преобразований, видеть эти безмерные кутежи, грубость, распутство, падение нравов, принижение единичной и общественной личности и т.д.» И «чем далее от Петра, тем яснее всё то хорошее, что было в допетровской жизни и что погребено было им на многое множество лет, после которых начало возрождаться в новых формах, но со старым же содержанием».

То «кое-что европейское», что началось при Петре, было «за счёт настоящего народного рабства, которое при нём началось «очень ярко». Пётр – «представитель просвещённого деспотизма, воспитатель служилого, правящего класса за счёт рабов». В противоположность этому, до Петра были «начала разумной общественности, самоуправления». Суворин признал и то, что Пётр был «завоеватель, русский великий полководец», но и это признание

⁹² Письма консерватора // Гражданин. №11. 13 марта 1883. С. 1–4.

не выглядело похвалой. В том же предложении говорилось, что этот полководец только «приготовил, но совсем не обработал огромную ниву для великой русской монархии»⁹³.

Ранее, в 1881 г., в статье «Характер прожитых реформ», вышедшей несколько дней спустя после убийства Александра II, Суворин дал краткую характеристику различным изменениям, происходившим в России в период с петровского времени до Великих реформ. В этой статье высказаны схожие идеи о том, что «борьба Петра со старой Русью... была странно жестокой и деспотичной». Это «были первые шаги к развитию», но император «на народ... не обращал ни малейшего внимания; или, лучше сказать, он закрепил его окончательно своей переписью за помещиками, во имя интересов государства». Главное в том, что и при Петре, и весь, по мнению Суворина, XVIII и начало XIX вв. «народ оставался при прежнем положении»⁹⁴.

Если «Гражданин» выражал недовольство тем, что при Петре сделалась «связь с Европой», то Суворин писал, что эта связь оказалась неправильной, не только не менявшей к лучшему основы русской жизни, но и перечёркивающей то доброе, что в ней было. Прозвучала здесь и тема общественности, которую, по словам Суворина, Пётр губил. Такой взгляд, как мы увидим, был очень характерен для «Нового времени» в целом.

Прямо о своём сочувствии к допетровским порядкам Суворин заявил в «Маленьком письме» от 23 декабря 1895 г., заодно пытаясь отделиться сразу и от либералов, и от консерваторов: «я принадлежал и принадлежу доселе к тем нелибералам и неконсерваторам, которые имеют склонность уважать и ценить так называемые политические и общественные явления допетровской России, за что насмешники называли меня «самобытником»»⁹⁵.

Как и Мещерский, Суворин сравнивал Александра II с Петром в «Маленьком письме» по поводу установки памятника царю Александру. Здесь

⁹³ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 9 (21) января 1895. № 6776. С. 1–2.

⁹⁴ Суворин А. Характер прожитых реформ // Новое время. 8 (20) марта 1881. № 1805. С. 2.

⁹⁵ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 23 декабря 1895. (4 января 1896). № 7120. С. 2.

оценки менее резкие. Александра «царствование начало собою новую жизнь, как новая жизнь началась царствованием Петра Великого». И хотя «Пётр был гений, Александр II не был гением», но при последнем «русская земля была гениальнее и восприимчивее, чем при Петре». Реформы Петра не стали подлинным восприятием европейской жизни. «Пётр поднимал Россию на дыбы, насильно тянул её в Европу, тянул мерами иногда жестокими, оскорбительными», он делал это «слишком поспешно и круто». К Петру Суворин отнёс слова немецкого историка Теодора Моммзена о Бисмарке, что «настоящий государственный человек не может не быть деспотом и революционером», Александр же «не мог класть своё обширное государство на наковальню и тяжёлым молотом ковать его, как ковал Пётр». Пётр велик, но это – величие деспота. И Суворин, признавая это, предпочтение здесь отдавал «мягкому, человечному, благожелательному» Александру⁹⁶.

Впрочем, в суворинском «парламенте мнений» звучали и другие оценки личности и деятельности Петра. В статье «Недуги культуры» в номере от 14 сентября 1895 г. Пётр назывался «гением свободной человеческой инициативы» и приводились примеры того, что он готов был пренебречь формальным исполнением указания рады пользы – «лучше ходить в неформенном мундире, чем совсем без оногo». И хотя такой подход автор считал «службой положительному добру», но замечал тут же, что «в петровском положительном добре мало было истинной добродетели и Монтион остался бы им до крайности недоволен»⁹⁷.

Великие реформы Александра II – один из наиболее часто упоминаемых исторических периодов на страницах как «Гражданина», так и «Нового времени». Здесь, очевидно, сказывалось и общественное настроение, для которого это время всё ещё оставалось актуальным, и личная память о нём обоих деятелей.

Мещерский признавал полезность и нужность реформ, но понимал их

⁹⁶ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 16 (28) августа 1898. № 8070. С. 2.

⁹⁷ А-т. Недуги культуры // Новое время. 14 (26) сентября 1895. № 7020. С. 2.

как «испорченный» либералами благой дар царя. «Те, которые работали для осуществления великой идеи Александра II, освобождения крестьян, были именно либералы». Результатом стало то, что «Бог дал нам пережить страшно грустный период постепенного разрушения и обеднения того крестьянского быта, во благо и счастье коего была поднята царём великая работа его освобождения». Стремления царя и либералов были противоположны: «Русский царь из любви к своему народу хотел сделать из русской деревни ниву для всхода народного благосостояния на свободе, а либералы захотели только сделать, из любви к своим идеалам, из русской деревни арену для своих либеральных опытов»⁹⁸.

Князь не раз обращался в своём журнале к этой трагической для него теме сосуществования в 1860-х гг. доброй воли царя и злой воли либералов. Последние ставили своей целью оторвать народ от царя и от традиции, разрушить то единство и те предания, на которых Россия стояла до сих пор. Они «заботились о том, чтобы не образа и не портреты царя составляли главное украшение этой (народной) школы, а непременно кирпичики и скелет для наглядного обучения». Ими «в область народной школы пущена была ядовитая рознь между земскою, казённою и церковною народною школою», ими с «всеобщеею ненавистью» «был принят институт земских начальников, созданный покойным государем, с целью поставить власть ближе к народу». Реформам надо вовремя поставить точку – такой была идея знаменитой статьи «Вперёд или назад», вышедшей в январе 1872 г. и поссорившей Мещерского с либеральным лагерем. Спустя 30 лет князь писал, что никогда уже не оставлял этой идеи: «тот же «Гражданин» неизменно настаивает на том, что та же точка должна быть поставлена к реформам»⁹⁹.

В выпуске от 4 марта 1901 г. Мещерский так рисовал картину расклада общественных сил в годы реформ и после: «Миллионы простого малограмотного русского народа, получившего свободу из рук царя и

⁹⁸ Дневник // Гражданин. №19. 19 января 1895. С. 3.

⁹⁹ Дневники // Гражданин. №1–2. 8 января 1902. С. 43.

дворянства, дали миру чудесное и прекрасное зрелище спокойствия, тишины и порядка, а на вершинах этого малограмотного многомиллионного народа тысячи интеллигентов под лицемерным предлогом служения народу, им чуждого по духу, пользуются свободой, им данною, с доверием к их призванию работать на благо народа, чтобы работу созидания превращать в работу разрушения»¹⁰⁰. Эти слова можно рассматривать как краткое и ёмкое отношение автора к теме.

В своих «Воспоминаниях» Мещерский высказывался о реформах спокойнее, но при этом лично называл тех, на кого возлагал обвинение в антидворянской (что у Мещерского являлось, можно сказать, одной из особенностей русского либерализма) направленности реформирования. Такими деятелями, по его мнению, были великий князь Константин Николаевич, Н.А. Милютин, Ю.Ф. Самарин, Черкасский и Ростоцкий. Они были «в таком настроении, будто бы кроме реформы им предстояла задача победить какого-то всесильного врага в лице земельного дворянства». Из-за них «вся реформа приобрела тенденциозный и политический антидворянский характер, которого она могла бы не иметь, и от отсутствия которого самое дело и вся последующая эпоха чрезвычайно много бы выиграли в духе спокойного прогресса»¹⁰¹.

Посмотрим, какова была позиция в отношении Великих реформ Суворина и его издания. Мещерский признавал, что проводимые царём реформы несут народу благо, и могли бы ещё больше блага принести при надлежащем выполнении. Суворин делал на этом вопросе больший акцент, неоднократно подчёркивая, что до 1861 г. крестьяне были – как он прямо это говорит – рабами, а их освобождение, соответственно, явилось освобождением от рабства. Это освобождение – «идейная реформа, глубоко идейная. Дело шло о той свободе, без которой не только жить нельзя, но стыдно жить». Со стороны тех, кто чем-то жертвовал ради этой реформы - это жертва на «алтарь» даже не

¹⁰⁰ Дневники // Гражданин. №17. 4 марта 1901. С. 15.

¹⁰¹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 95.

только отечества, но человечества¹⁰² – говорил Суворин в «Маленьком письме» за 10 апреля 1896 г. «Освободив раба, дворянин стал больше человеком и затем прежде всего человеком, подданным своего государя, сыном своей родины»¹⁰³ – продолжал он 16 мая 1897 г.

Наконец, в упомянутом выше сравнении времени императоров Александра и Петра он так оценивал время реформ первого из них: «Впервые с царствования Александра II мы зажили европейскою жизнью и вместе с тем стали осознавать себя... Истинная европейская волна проникла к нам только с той весной». Но «не принеси эта весна свободы рабам – она ничего бы не принесла». Именно благодаря этой свободе стали возможны и другие реформы: «свобода рабам принесла и новый суд, и земство, и умножение великих школ и дорог и, главное, умножение духа самосознания».

Но при этом Александр, бывший, по мнению Суворина, «человечнее» Петра, оказался в то же время «беден... истинно даровитыми сотрудниками, людьми с убеждениями искренними и непреклонными». Среди его сотрудников «не было таких «властителей дум», таких ярких талантов, таких искренних и одарённых людей, которые понимали бы и душу царя, и душу своего отечества»¹⁰⁴.

Недостатки у времени Великих реформ, конечно, существовали и для Суворина. Он указывал на неподготовленность общества к реформам. «С одной стороны, реформы порождали массу недовольных, с другой – поправки их рождали другую массу недовольных... никто не стоял на высоте тех задач, которые были затронуты». Славянофилы «с их возвратом к прежнему, с их земскими соборами, с их идеями о церкви, о веротерпимости, о полной свободе слова, о знаменитом “средостении”, о самобытном развитии» желали постепенного и непрерывного, но главное – самобытного развития, «чтобы реформы непосредственно затягивали в себя народ, чтобы народ вырастал и

¹⁰² Суворин А. Маленькое письмо // Новое время. 10 (22) апреля 1896. № 7224. С. 1.

¹⁰³ Суворин А. Маленькое письмо // Новое время. 16 (28) мая 1897. № 7620. С. 2.

¹⁰⁴ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 16 (28) августа 1898. № 8070. С. 2.

приближался к тому, что называется образованным человеком».

Но общество оказалось чуждо идеальным стремлениям и обсмеяло идеи как конституционные, так и славянофильские, ему «хотелось более всего севрюжины, удовольствия, ничегонеделанья, празднословия, праздномыслия». На этом фоне получили развитие утопические социалистические идеи «алюминиевых дворцов». При этом никто не задумывался о пользе таких утопий для народа, о том, «что при этих алюминиевых дворцах мужик играл бы только роль банщика, водовоза, чистильщика, полового с салфеткой и т.д.». Теперь, то есть в 1890-х гг., на помощь может прийти «самый опыт жизни», опыт жизни при происшедших изменениях, чего не было «и не могло быть» в 1860-х. «Мы выше этих годов, образованнее, разумнее и устойчивее»¹⁰⁵.

Здесь Суворин воспользовался образами из русской литературы того времени, которое он описывал. Слова о «севрюжине», как он прямо указал, были взяты из наследия Салтыкова-Щедрина. В сатире «Культурные люди» им был представлен либерал, который не знал, что ему хотелось: «не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать». А вот «алюминиевые дворцы» очевидно восходили к «снам Веры Павловны» из «Что делать» Чернышевского. Примечательно, что ещё в 1879 г. Суворин признавался, что из романа ему запомнились именно дворцы: «Я не читал романа всего... а лишь отрывками, да и то 15 лет назад. Тогда роман показался мне скучным, деланным; помню только, что хвалили изображение матери Веры Павловны и все смеялись над алюминиевыми дворцами»¹⁰⁶.

Здесь видна близость мысли с Мещерским, но стоит отметить два момента. Во-первых, Мещерский жёстко утверждал, что реформам надо «поставить точку», пока общество не станет готово к ним; Суворин приходил к похожему мнению, но о «точке» всё же не говорил, противопоставляя описанной неразберихе самобытное развитие «в русском стиле». Для

¹⁰⁵ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 9 (21) января 1895. № 6776. С. 1–2.

¹⁰⁶ Незнакомец. Недельные очерки и картинки // Новое время. 11 (23) марта 1879. № 1089. С. 2.

Мещерского избавление от негативных последствий реформ – в хранении традиции, в верности самодержавию, для Суворина – в духе «допетровской свободы». Во-вторых, Мещерский конкретно обозначает отрицательных персонажей: это либералы. Суворин обозначил их сначала как «любителей севрюжины» из Щедрина, а затем говорил о социализме и даже коммунизме (впрочем, как увидим далее, для Мещерского либерал – это по сути и есть социалист). Но одна тема общая у обоих авторов: равнодушие и «любителей севрюжины», и «интеллигентов-либералов» к народу, к тому, что с ним будет при либо либеральных экспериментах (Мещерский), либо в «алюминиевых дворцах» (Суворин).

Другая тема, оценки которой в «Гражданине» и «Новом времени» значительно расходятся, – участие царской власти в реформах. Мещерский вполне уверенно утверждал, что инициатором реформ был именно Александр II, пожелавший улучшить жизнь своих подданных и преданный на этом пути либералами. «Новое время», как мы могли выше видеть, не отрицало роли царя в то время, но при этом ставился акцент на независимое от чьей-либо личной воли «развитие». Об этом говорят, например, вышеприведённые слова Суворина о земле, которая была «гениальна и восприимчива».

Эти позиции проявились в том, как изданиями была встречена установка памятника Александру II в Москве в 1898 г. Мещерский по этому поводу выразил сожаление, «что при составлении церемониала открытия памятника Императору Александру II забыты славные ветераны его царствования, известные под доблестным историческим именем: мировые посредники первого призыва», – по его мнению, «лучшие русские люди тогдашней эпохи»¹⁰⁷. Суворин же, заканчивая своё «Маленькое письмо» со сравнением Александра и Петра, писал, что памятник первому – «символ её [Руси] непрерывного обновления в духе русской свободной народности, верной своим царям, своей вере и всем лучшим заветам своей истории»¹⁰⁸. Сравнение

¹⁰⁷ Дневники // Гражданин. № 59. 30 июля 1898. С. 12.

¹⁰⁸ Суворин А. Маленькие письма // Новое Время. 16 (28) августа 1898. № 8070. С. 2.

очень характерное: если Мещерский желал бы видеть увековечивание памяти слуг государя, исполнявших его волю, то Суворин – «обновление в духе свободной народности». Это противопоставление обостряется и приведённым выше указанием Суворина на отсутствие талантливых руководителей при Александре. Да, народность обновляется, в том числе и благодаря верности царям, но кто первичен – она или цари? Мы ещё сможем убедиться, что для Суворина и, видимо, редакции в целом самодержавие отнюдь не стояло на первом месте.

Мы уже несколько раз приводили цитаты из суворинского «Маленького письма» об Александре и Петре. Не лишним будет упомянуть и отзыв В.В. Розанова на этот текст, столь богатый сведениями о понимании Сувориным русской истории. Розанов в личном письме Суворину согласился с мнением о «гениальности эпохи» и недостатке у императора сотрудников. Далее он размышлял о том, как пригодилось бы той эпохе твёрдое руководство: «этой гениальной по свежести эпохе, этой бы весне – да такт «матушки Екатерины», её умение схватить настроение и властительно повести людей за собою, царственно их повести, а не демократически поплестись «в толпе» за вожаками толпы же». Но понятие Суворина о «рабстве» Розанов нашёл излишним: «только слово «рабство» я не употребил бы: было ли у нас «рабство»? Мягкость – сверху и ширь – снизу русской природы не допускала, кажется никогда рабства в западных, в американских или в римских формах»¹⁰⁹.

Впрочем, если Суворин называл положение русских крестьян до 1861 г. «рабством», то печатавшийся в его газете под псевдонимом «Фингал» публицист и писатель Игнатий Потапенко прямо сравнил их со скотом. В фельетоне «Разговор» он писал о шестидесятих годах, что тогда «десятки миллионов, до тех пор прозябавшие в роли вьючных животных, вдруг громогласно, с высоты, были объявлены людьми. Какое это должно было

¹⁰⁹ Розанов – Суворину, август 1898 г. // *Розанов В.В. Собрание сочинений. Том 22. Признаки времени. (Статьи и очерки 1912 г.).* М., 2006. С. 341.

произвести потрясение, какой страшный подъём общественных сил, – это надо было видеть, а рассказать нельзя»¹¹⁰.

Наконец, в неподписанной статье «Лишняя напраслина о реформах Александра II» в «Новом времени» от 21 сентября 1895 г. понимание этих реформ вполне смыкалось с идеями, существовавшими и в дореволюционной историографии (например, в «Курсе истории России XIX века» А.А. Корнилова), а впоследствии ставшими официально признанными в историографии советской, а именно – что Великие реформы явились вынужденным следствием пороков существовавшей до них системы, проявившимися в полной мере в Крымской войне.

Автор статьи писал о «господстве капитала» в пореформенной России. «Необходимость», как он выражался, этого господства породили не реформы, «а породила её та самая сила вещей, которая в современных условиях обязывает государство, в интересах самосохранения, строить железные дороги, покровительствовать развитию промышленности и торговли, держать наготове миллионную армию, строить колоссальные военные корабли... Как наглядно доказал урок крымской кампании, с одной сословной честью нельзя одолеть ни собственного бездорожья, ни превосходства вооружения противника и т.д. Россия, дорого заплатив за этот урок, не могла не принять его к сведению и руководству, и именно отсюда ближайшим образом вытекли все те условия для подъёма экономических сил страны и её культурности, которые не могли не поднять силу и значение капитала»¹¹¹.

Всё это не только отличается, но и, можно сказать, по духу противоположно взглядам Мещерского. Никакого «дара царя» – всё жёстко и прагматично: сила вещей, капитал, подъём экономических сил.

Более личностный подход к роли государей в истории России показал А.В. Амфитеатров в фельетоне из цикла «Этюды», подписанном «Old

¹¹⁰ *Фингал*. Разговор // Новое время. 18 февраля (2 марта) 1897. № 7536. С. 2.

¹¹¹ Лишняя напраслина о реформах Александра II // Новое время. 21 сентября (3 октября) 1895. № 7027. С. 1.

Gentleman». Этот фельетон был помещён в том же выпуске газеты, что и приведённое выше «Маленькое письмо». Как и Суворин, Амфитеатров подчеркнул «человечность» Александра в контрасте с образом Петра I: ««Человек на троне» – вот лучшая характеристика императора Александра II... Пётр – чудо истории, стоящее в ней совершенно одиночку; это – чернорабочий бог, топором и молотом сколотивший Русь в европейское государство... Деяниями Александра II создано нечто особое, может быть, не столь от мира сего, как плоды трудов Петра и Екатерины, но не менее возвышенное: созидалась человечность в государстве». Этой человечности, а не «истории» или «силе вещей», Амфитеатров отдавал приоритет в деле реформирования: «Настойчивость в добре, свойственная кротким характерам, часто творит подвиги гораздо большей решительности, чем проявляют умы жёсткого закала»¹¹².

Представления Суворина и Мещерского о времени с Великих реформ до современного им момента во многом связаны с представлениями о самих реформах, изложенными выше. Это время стало переживанием, осмыслением совершённого, поиском пути в сложившихся обстоятельствах. Император Александр III явился при этом положительной фигурой для обоих издателей. Можно сказать, что в монархическом государстве они не могли бы оценивать его по-другому, но здесь интересны акценты, которые они озвучивают.

Так, Мещерский видел в Александре III государя, который победил «либеральную смуту» и вернул Россию к её традиции. «Полный порядок, полное спокойствие и надёжный мир явились результатами неусыпных и неустанных трудов императора, и что особенно знаменательно – это то, что всё это было достигнуто без всяких репрессивных и даже экстраординарных мер, – единственно твёрдою волею и неукоснительным выполнением своих тяжких обязанностей»¹¹³. У Суворина Александр III главной заслугой имеет скорее не то, что он что-то победил, а примирение различных направлений,

¹¹² *Old Gentleman*. Этюды // Новое время. №8070. 16 (28) августа 1898. С. 2.

¹¹³ Под первым впечатлением // Гражданин. № 291. 22 октября 1894. С. 2.

существовавших в обществе: «Император Александр III миротворец не потому только, что он держал мир в Европе, но и потому, что в его царствование примирились и внутренние партии и даже та рознь, которая была между западниками и славянофилами, конституционалистами и, так сказать, земскособорниками, сгладилась». Этот государь «подготовил примирение допетровской Руси с новой Русью, и стало ясно, что было хорошего, жизненного до Петра, что и теперь не потеряло своего значения, и что нехорошего было и есть в этой новой Руси»¹¹⁴.

Современный Мещерскому либерализм в «Гражданине» часто определялся как явление разрушительное. Этому были посвящены «Речи консерватора» в номере от 23 апреля 1898 г., так и называвшиеся: «О либерализме». «Никто, исполняя требование либерализма, не дерзал задавать себе предварительного вопроса: согласуется ли это требование с потребностью жизни или интересом государства?» – писал «Гражданин». Требования русского либерализма «всегда в противоречии с народными нуждами» потому, что они достигают, «без всякой нужды кому бы то ни было, ослабления государственного авторитета монархизма»¹¹⁵.

Оценки эпохи Великих реформ в «Гражданине» и «Новом времени» отличается также и общим впечатлением, которое создаётся о связанных с преобразованиями трудностях и проблемах. Для Мещерского и его журнала самоволие либералов, их «эксперименты» по воплощению доктрины были трагедией, гибельным путём, на который Россия попала в 1860-е гг. и который, по счастью, был пресечён Александром III. В «Новом времени» проблемы представляли неприятными, болезненными, но не трагическими. Вместе с ними происходит подъём освобождённого народа, возврат к давно утерянным «общественным началам». Можно сказать, что в материалах «Гражданина» просматривается логика государственническая, а в «Новом времени» – эволюционистская, или прогрессистская.

¹¹⁴ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. № 6776. 9 (21) января 1895. С. 2.

¹¹⁵ Икс. Речи консерватора // Гражданин. № 31. 23 апреля 1898. С. 3.

Сравнивая взгляды на либерализм в России «Гражданина» и «Нового времени», необходимо сказать об особенности изложения, которая очень характерна для издания князя Мещерского и при этом не прослеживается в суворинской газете. «Гражданин», говоря об определённых деятелях, называет их то «либералами», то «либералами» в кавычках, а то и «квазилибералами». Описывается при этом одно и то же явление, но раз за разом, причём в начале нового, XX века всё чаще и чаще, «Гражданин» напоминал, что эти либералы называются либералами только условно.

В «Речах консерватора» от 5 ноября 1898 г. рассказывалось, что в «беседе о нынешнем времени» кто-то из собеседников высказал «меткую мысль»: «Всякий порядочный человек должен быть и консерватором, и либералом во всём, что то и другое имеет хорошего». «Гражданин» с этим мнением выразил убеждённое согласие, объяснив, что «порядочный человек должен быть консерватором относительно всех тех преданий и заветов, коих сохранение обеспечивает России силу, благосостояние и славу, и должен быть либералом в смысле содействия тому движению вперёд жизни, которое тоже обеспечивает государству его силу и благосостояние народа»¹¹⁶.

Теме ложного разрушительного либерализма был специально посвящён текст из «Дневников» в номере от 26 июля 1901 г. «Мне представляется, что человек, который так упорно ведёт войну против либералов, обязан объяснить своим читателям причину своей непримиримой к ним неприязни», – писал Мещерский и тут же объяснял: «Главная причина, почему я не люблю нашего либерала, есть та, что он – чёрт знает что, но только не либерал». Какое же основание находил князь для такого вывода? Русский либерал занят не созиданием, а разрушением. «Наши либералы творили огромный вред потому, что либералов, в правдивом значении этого слова, почти не было, а была серая масса квази-либералов всех видов отрицания и разрушения, где не было авторитетов, способных мешать слиянию либерала-конституционалиста с

¹¹⁶ *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. № 87. 5 ноября 1898. С. 1.

либералом-анархистом, и между теорией самоуправления и похотью всеразрушения не только не было непроходимых преград, но были всегда соединительные пути».

Особенность квазилибералов – их ненасытность. Они «никогда на пути либерализма и нивелировки не остановятся в своих мечтаниях на конституции, но неизбежно пойдут далее, до анархии включительно». Они призваны «неизбежно... к разрушению русского государственного строя в силу своих инстинктов, не подчинённых никаким принципам»¹¹⁷. Эту позицию Мещерский связывал с состоянием либерализма в Европе, с его различиями во Франции и Англии, и этот вопрос мы рассмотрим в следующем параграфе. Также здесь мы видим ещё одно характерное для «Гражданина» представление о конституции как цели либералов. В «Новом времени» конституция мало упоминалась, приведённые выше слова Суворина о «боярской конституции» являлись, скорее, редким исключением.

Своё удовлетворение от общения с либералом и совпадения мнений с ним Мещерский высказал в «Дневниках» в «Гражданине» от 10 января 1899 г. Речь шла о записке при росписи С.Ю. Витте. Как описывал Мещерский, записка понравилась и ему, и неназванному по имени либералу, поскольку она «всё внимание правительства привлекает к вопросу о крестьянском быте, и все вопросы нынешней злобы дня народного благосостояния ставятся в зависимость не от министерского циркуляра, и не от чиновничьего доклада, а исключительно от двух, требующих немедленного осуществления, задач: от введения порядка и от самого полного и добросовестного исследования народного состояния». Мещерский был рад тому, что в России появились либералы, относящиеся к вопросу народного благосостояния не только как либералы, «но также как патриоты, забыв на этот случай спор из-за доктрины».

В данном случае Мещерский описывал ситуацию так, что для того, чтобы стать «хорошим», либералу следует признать необходимость порядка и

¹¹⁷ Дневники // Гражданин. № 56. 26 июля 1901. С. 16–17.

дисциплины. Его собеседник, как утверждается, сказал: «Что же, подавайте нам дисциплину графа Киселева, если вы ручаетесь, что русскому народу будет от неё лучше», – на что следует комментарий автора: «Если десять таких честных либералов скажут то же самое какая победа для рати порядка»¹¹⁸.

Наконец, требовать увеличения свободы в России не следует ещё и потому, что Россия к этой свободе попросту не готова, говорил Мещерский. В «Речах консерватора» от 12 января 1903 г. он вспоминал о Е.И. Ламанском, русском финансисте, бывшем «далеко не из крепостнических кружков, а скорее из передовых», как он «имел мужество в самом разгаре либеральных стремлений огромной части общества сказать публично этому обществу в лицо: мы не созрели для гласности!» Мещерский проводил параллель между людьми эпохи Великих реформ и своими современниками на момент написания статьи, находя соотношение между ними не в пользу последних. О людях шестидесятых годов он высказался гораздо доброжелательнее, чем раньше: «Тогда выступали люди воспитанные, и на почве воспитания либерализм мог быть созидательною и творческою силою». Не стало заботы о воспитании общества, а без воспитания либерализм может получить «исключительно или отрицательное, или разрушительное применение». Без соответствующего культурного и образовательного уровня парламент превратится в сборище «охотников говорить», да и о конституции не приходится говорить, когда нет ни знаний, ни образования, ни, самое главное, «подготовленных к самоуправлению воспитанием личностей»¹¹⁹.

Суворин же в личных текстах иногда высказывал мнение о возможности существования в России либерально-демократических институтов. В своём дневнике 24 марта 1897 г. он записал следующую мысль: «В пятницу был на съезде актёров, в субботу и в воскресенье, день закрытия съезда, также. Впечатление хорошее. Глупости говорят, что мы “не созрели” для парламентаризма. Напротив, созрели совершенно, да и созреть для этого

¹¹⁸ Дневники // Гражданин. № 2. 10 января 1899. С. 19–20.

¹¹⁹ *Икс*. Речи консерватора // Гражданин. № 4. 12 января 1903. С. 2–3.

нечего. Дело обсуждения, самое обыкновенное дело, привычное всем, а дисциплина усваивается легко, если руководитель способный человек»¹²⁰. Много позже, спустя 14 с половиной лет, Суворин писал Розанову, что убитому Столыпину «надо было жить», тогда он, может, «памятника бы не скоро дожился, но он сделал бы то, что всего важнее, – вбил в русскую землю конституцию и то национальное чувство, которым он был полон»¹²¹. Такое соединение либеральной мысли с националистической представляется неувидительным для издателя «Нового времени», на страницах которого, как мы помним, объяснялось укоренение либерализма в русской почве.

Различие между либералами и «квазилибералами» было описано Мещерским в «Речах консерватора» от 9 августа 1901 г. Князь рассказывает о встрече с неким педагогом, называемым им Павловичем (это имя ненастоящее, как прямо и говорится). Начиная «блестящую карьеру в области профессуры», он «был отчаянный либерал и ничего не признавал, кроме социализма», за что и был лишён кафедры и выслан из Петербурга, после чего стал земским деятелем-учителем. После такой жизненной перемены Павлович понял, что «либерализм это – вздор, когда его причина есть ненависть к каким-нибудь идеям, а что либерализм тогда хорош и благороден, когда его причина есть конкретная любовь к человеку и к народу». Народу на самом деле полезно то, что пользуется ненавистью либералов: «Я полюбил земского начальника как полезного для народа деятеля, а ведь либерал его ненавидит – как идею».

Павлович остался либералом, но раньше он был «идейный либерал бредням университетской эмпирии», а стал – «либерал благодаря жизни, и люблю то, что прежде ненавидел, и ненавижу то, что я прежде любил». Какие же убеждения исповедует «жизненный либерал»? Он «стремится жизнь расширять из её форм, из её рутины, из её преданий, но не во имя своих бредней, а во имя любви к тем, для которых он трудится, и не только ничего не

¹²⁰ Суворин А.С. Дневник. London, 2000. С. 286.

¹²¹ Суворин – Розанову, 29 сентября 1911 г. // Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 22. Признаки времени. (Статьи и очерки 1912 г.). М., 2006. С. 330–331.

станет разрушать, но любит всё, что народ любит, уважает всё, что народ уважает».

Наконец, «смешно сказать, но как жизненный либерал, я стал монархистом, и люблю царя потому, что народ, которого я люблю, его любит... люблю царя, потому что понял его, сблизился с ним в его народе»¹²².

Итак, «жизненный либерал», противоположный «либералу идейному», исходит из пользы народа, из любви к нему и его идеалам. Напрашивается вопрос: что же собственно либерального во взглядах такого, угодного Мещерскому, либерала, если в своей любви народу он вынужден отречься чуть ли не от всего, что как раз и составляет совокупность убеждений русского либерала? Из ряда статей «Гражданина» видно, что для него различие либерализма и консерватизма – «правильных», «жизненных» – сводилось к тому, какое направление избрать, что ближе каждому конкретному деятелю – новое или старое в «формах жизни», движение вперёд или сохранение традиции. Но независимо от этого выбора, и либерал, и консерватор могут одинаково относиться к основам русской жизни, из которых главной для Мещерского оставалось самодержавие. Именно в гармонии направлений он и видел возможность спокойного и благодетельного развития.

Судя по стилистике «Гражданина», Мещерский старался показать свой журнал в качестве «последнего бастиона» или «одинокого бойца» консерватизма. Но при этом высказанные им идеи разделялись не им одним. Так, похожий взгляд на либерализм и консерватизм находим в статье публициста Р.И. Сементковского «К истории либерализма», опубликованной в 1893 г. в издаваемом типографией Суворина «Историческом вестнике». Сементковский доказывал, что подлинное значение для государства имеет не устройство институтов власти, а распространение свободы в обществе, но при этом общество должно уметь пользоваться этой свободой. Ложно понятый либерализм озабочен «вовсе не делом, не достижением положительных целей

¹²² *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. № 60. 9 августа 1901. С. 2–3.

в народной жизни... а желанием захватить власть в свои руки». В России ложные либералы и консерваторы появились в обилии потому, что «само общество требовало от своих руководителей... провозглашения громких лозунгов». Сементковский считал, что либерализм должен измениться, и «главная его задача будет отныне не протест, а компетентная и выдержанная деятельность, направленная к поднятию уровня народного благосостояния»¹²³.

Отношение «Гражданина» к «природному либерализму» сближалось с рассмотренными ниже мнениями Суворина и Меньшикова о том, что либерализм вполне вписывается в русскую жизнь и необязательно несёт разрушение. Тем не менее, Мещерский не поддерживал этот тезис размышлениями об истории русского либерализма и вопрос о существовании «жизненного либерала», о том, на что он опирается и какие именно идеи он в таком качестве исповедует, остаётся весьма размытым.

Подводя итоги взглядам «Гражданина» и «Нового времени» на историю взаимоотношений власти с обществом, а также «консервативного» и «либерального» начал в России, надо отметить, что для журнала князя Мещерского явно на первом месте стояли ценности порядка и сохранения традиции. В публикациях же «Нового времени» последовательно проводилась мысль о необходимости прогресса в плане расширения просвещения и всё большего участия населения в жизни государства. Через эту призму издания и рассматривали события русской истории. Ключевым был вопрос о реформах. И Суворин, и Мещерский соглашались с их неизбежностью, но ход и цели различных преобразований оценивали различно, исходя из указанных идей. Наконец, с точки зрения обоих изданий, в России находилось место для либерализма и либералов, но если «Новое время» полагало их корни в историческом прошлом, то «Гражданин» пытался через образ «природного либерала» примириться с тем, что появилось уже в новое время, и поставить это направление на службу самодержавию.

¹²³ Сементковский Р.И. К истории либерализма // Исторический вестник. 1893. № 2. С. 500–501.

1.2. Европа

Как мы уже могли видеть, рассматривая явления русской жизни, «Гражданин» и «Новое время» неоднократно прибегали к примерам из европейской истории. Так, в публицистике князя Мещерского в связи с либерализмом упоминались Франция и Великобритания. Выше мы упоминали суждение, появившееся на страницах «Гражданина» в январе 1895 г. и утверждавшее, что «либералы на русской почве – это чисто французский элемент... ничего общего не имеющий с либералами Англии, например». Далее Мещерский давал такую характеристику французскому либерализму: «отдающийся всецело своей идее, своей доктрине, с полным равнодушием к вопросу о живых людях и о живой родине»¹²⁴.

Франция для Мещерского являлась зримым образом больного государства, в котором происходят распад и разрушение. Неужели получается так, что «мы меняем убеждения и идеалы так же легко и скоро, как французы министерства?»¹²⁵ – недоумевал он. Во Франции пускают в политическую жизнь «всякого с улицы» – поэтому там «государственный строй представляет такое разложение и такое растление». Там – атмосфера «анархии и бюрократизма»¹²⁶.

Мещерский утверждал даже, что собственно республики во Франции нет. «В сущности, Франция быть республикою или не может, или не умеет, – писал он, находясь в Париже в октябре 1898 г. и будучи под впечатлением от введения в город войск из-за угрозы беспорядков, – «ибо, очевидно, если б она умела и могла быть республикою, права свободы не нуждались бы в охране штыком. В Швейцарии, как и в Америке, армия, как гарантия прав свободы не нужна, и оттого её и нет». Французы желают военного вождя, «цезаря», писал Мещерский, но никто не смеет этого говорить открыто. «Выход один: дайте хорошее правительство французскому солдату и Франция спасётся»¹²⁷.

¹²⁴ Дневник // Гражданин. № 19. 19 января 1895. С. 3.

¹²⁵ Дневник // Гражданин. № 17. 17 января 1895. С. 3.

¹²⁶ Дневники // Гражданин. № 85. 29 октября 1898. С. 15.

¹²⁷ Дневники // Гражданин. № 80. 11 октября 1898. С. 19–20.

Антифранцузская направленность «Гражданина» не вполне сочеталась с заключением Франко-русского союза. В этой связи в октябре 1896 г. выпуск журнала был даже приостановлен на три недели, но Мещерский не перешёл опасной грани. «“Гражданин” был закрыт не за принципиальную критику франко-русского союза, а за помещение «сатирических заметок насчёт президента Фора», как разъяснил кн. Мещерский, бывший в Париже одновременно с государем»¹²⁸.

В октябре 1894 г. Мещерский в «Дневнике» высказал пренебрежительное мнение о европейском парламентаризме в целом: «Западному культу ртрегеру хоть кол на голове теши – по его понятиям альфой и омегой современного строя, без которого не может обойтись цивилизованное общество, должно быть собрание людей, периодически съезжающихся, чтобы болтать»¹²⁹. Но впоследствии в журнале стали появляться положительные оценки. Их объектом была Великобритания. «Парламент везде (кроме Англии) есть только игрушка партий, интриг и взяток»¹³⁰ – заявлял Мещерский в «Речах консерватора» в августе 1898 г.

Английской теме в «Гражданине» был посвящён целый цикл статей П. Шиловского, озаглавленных «О парламенте Британской империи». Первая же статья цикла указывала на ситуацию в России, на то, сколь злободневной для русской мысли была тема парламентаризма: «Сколько мыслей и разнородных ощущений должно возбуждать в русской душе слово, казалось-бы, очень точное и определённое, а вместе с тем столь туманное и непонятное – парламент... Вряд-ли во всей нашей умственной жизни найдётся понятие более дорого ей стоившее и более колебавшее и более колебавшее и смущавшее её неустойчивое существо».

Мы в России много мечтали о парламенте, считали срамом не признавать «великого дара европейской цивилизации», писал Шиловский, но после

¹²⁸ *Ольденбург С.С.* Царствование Николая II. М., 2008. С. 78.

¹²⁹ *Дневник // Гражданин.* № 294. 25 октября 1894. С. 1.

¹³⁰ *Икс.* Речи консерватора // *Гражданин.* № 62. 9 августа 1898. С. 2.

начались сомнения. Этому способствовали «ругани, драки, чисто кабацкие выходки членов в австрийском, французском, итальянском парламентах», различные махинации, анархия и беспорядок. Учитывая полярные взгляды, автор призвал обратить внимание не только на «рельефные комические картинки непривившегося парламентаризма», которые «нам в изобилии давала и даёт континентальная Европа», но и на традицию Великобритании, где «парламентаризм не только благополучно и спокойно процветает, но, – что, самое главное, – не допускает даже и сомнений в своей очевидной целесообразности и незаменимости».

Указав, таким образом, на пример здорового, культурного парламентаризма и противопоставив его парламентаризму «направившемуся», анархичному, Шиловский на протяжении первой главы своего исследования, помещавшейся с перерывами на страницах «Гражданина» на протяжении октября 1899 г., описывал типичные несколько дней заседаний британского парламента. Посмотрим, как автор характеризовал это учреждение и сравнивал его с российскими реалиями.

В парламент нельзя войти просто так: он «не есть, на подобие суда, публичное заседание, куда может явиться каждый желающий видеть и слышать его делопроизводство»¹³¹. Британские ораторы-парламентарии не произносят «адвокатских речей», не работают на публику, они «явно выказывают, что им ни малейшего нет дела до того, слушает ли и смотрит ли на них кто, кроме своего кружка собеседников-членов палаты». Это – «собрание в частном кабинете нескольких солидных, толковых, серьёзных, важных государственных деятелей, сошедшихся побеседовать о текущих делах», противоположное парламенту в образе «ораторских шумливых споров, горячих словесных состязаний»¹³².

Поднят вопрос об английском вмешательстве в дела Трансвааля. «Явись

¹³¹ Шиловский П. О парламенте Британской империи // Гражданин. № 76. 3 октября 1899. С. 3–4.

¹³² Шиловский П. О парламенте Британской империи // Гражданин. № 77. 7 октября 1899. С. 7.

такой вопрос у нас на Руси, какую бурю полемики поднял бы он и в прессе, и в обществе и в правящих классах?» – риторически вопрошал в связи с этим Шиловский и тут же указывал, «что заговорили мы, когда наше правительство подняло, так называемый, финляндский вопрос, и наговорили бы мы, конечно, себе на голову ещё впятеро больше, если вовремя, где и как сие подобает, не сократили бы нас»¹³³.

Автор признавал, что Палата общин, называемая им Палатой коммун – «учреждение гораздо более живое, нервное, значительно менее сдержанное и часто увлекающееся». Здесь «проглядывает значительное отсутствие» выдержки и корректности, а «речи здесь гораздо горячее и резче». Но тут же автор с удовольствием объяснял, что спикер всегда призывает к порядку позволяющих себе лишнее ораторов, а спикера «поддерживает и общее настроение членов собрания, чутко блюдущих порядок и благолепие заседания»¹³⁴. Целиком запланированный цикл, видимо, так и не был опубликован журналом. Но приведённые отрывки последовательно представляют одобрительный взгляд на английскую политическую культуру.

Представление о пользе либеральных западных институтов исключительно в рамках породившей их традиции и, соответственно, их невозможности в России, где подобная традиция отсутствовала, уже существовало в русской мысли. Славянофил А.И. Кошелев писал в 1862 г., что конституция «в Англии... составлялась в продолжение веков, постепенно, так сказать поштучно, по востребованию обстоятельств, по мере проявления народных нужд, и заключается в многочисленных и огромных томах собраний биллей Английского парламента», при этом «самостоятельно существует свобода только в Англии, но там-то и нет сочинённой, дарованной или насилием взятой конституции»¹³⁵. И далее он писал, что в Англии сделан

¹³³ *Шиловский П.* О парламенте Британской империи // Гражданин. № 79. 14 октября 1899. С. 6–7.

¹³⁴ *Шиловский П.* О парламенте Британской империи // Гражданин. №80. 17 октября 1899. С. 5–6.

¹³⁵ *Кошелев А.И.* Самодержавие и земская дума. М., 2011. С. 29–30.

«удачнейший опыт» конституционализма: «Там – место его рождения; там возник он сам собою, постепенно, из народных нужд и согласно свойствам народного духа»¹³⁶.

Утверждения Шиловского, опубликованные «Гражданином», можно сравнить и с тем, что тремя годами ранее писал в своём «Московском сборнике» К.П. Победоносцев. Здесь мы видим гораздо более жёсткое размежевание с парламентаризмом. Победоносцев прямо утверждал, что парламентская система не просто «вызывает сомнения», но её нелепость очевидна: «Сама демократия изверилась, можно сказать, в свой парламент, но принуждена мириться с ним... фальшиво построенное здание очевидно для всех колеблется, уже пошатнулось»¹³⁷.

Победоносцев выделял значение английского парламента, говоря о том, что «к избежанию и обходу» трудностей демократического правления «изобретено средство править посредством представительства, средство, организованное прежде всего и оправдавшее себя успехом в Англии». Но тут же обер-прокурор указывал и на то, что «и на родине своей, в Англии, представительные учреждения вступают в критическую эпоху своего развития»¹³⁸, превращаясь в собрание представителей не народа, а отдельных местностей и партий. Первоначальный же успех английского парламента, по Победоносцеву, заключался в индивидуалистическом начале английской жизни, где «каждый привыкает с юности сам собою держаться, сам устраивать судьбу свою и добывать себе хлеб насущный»¹³⁹.

Видна разница на уровне подхода: если Победоносцев подчёркивал связь английского парламента с уникальными культурно-историческими обстоятельствами, то Шиловский писал о высоком уровне его политической культуры. Для Победоносцева это учреждение «поражено язвой», для

¹³⁶ Там же. С. 44.

¹³⁷ Победоносцев К.П. Московский сборник // Победоносцев К.П. Избранное. М., 2010. С. 218–219.

¹³⁸ Там же. С. 230.

¹³⁹ Там же. С. 232.

Шиловского оно являет собой образец целесообразности.

Здесь следует сказать и о том, что к исследуемому нами времени отношения князя Мещерского и Победоносцева, бывших ранее союзниками по консервативному лагерю, успели испортиться. Причиной этого были как подозрения Победоносцева, который «резко выступал против» попыток отдельных консерваторов «взять на себя роль доверенных советников царя, исключительную по своей природе»¹⁴⁰, так и его несогласие с продворянской направленностью контрреформ 1880-х гг.¹⁴¹.

По отношению к Германии на страницах «Гражданина» также можно видеть сочувственные отзывы. Так, Мещерский делился своим впечатлением того, что при въезде в Германию из Франции «входишь в мир тишины, порядка, уважения к власти, и в то же время торжества свободного труда и уважения ко всякому чужому мнению». Достоинства немецкой жизни он описывал применительно к промышленности и торговле, относительно же политической жизни он заметил жалобы на «чрезмерность» власти кайзера. «Из всего, что говорилось о нём и об исполнении им его воли, можно было заключить, что он *de facto* далеко переступил пределы конституционного монарха, и своей воле препятствий не признаёт». Такое положение вещей Мещерский описывал совсем не сочувственно, хотя и не порицал явно: «Кейзер захотел ехать в Палестину, и захотел, чтобы на эту поездку было ассигновано 7 миллионов. Все нашли, что это слишком много; но кейзер один нашёл, что этого не слишком много, и взял эти деньги»¹⁴².

Кроме того, Мещерский делился своим восторгом по поводу посещения Голландии, где увидел триумф консервативных ценностей: «вся жизнь в Голландии заключалась в культе множества преданий. Из них слагалась громадная народная духовная сила, постоянно охраняющая эту маленькую страну от всяких зловредных европейских веяний, теорий, и политических

¹⁴⁰ *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 283.

¹⁴¹ Там же. С. 290.

¹⁴² Дневники // Гражданин. №85. 29 октября 1898. С. 15–16.

заразных болезней, и пороков». В связи с таким счастливым наблюдением князь делился с читателями своим беспокойством, что «в моём дорогом отечестве судьбе угодно дать, как во всей Европе, волю тем стихиям, которые разрушают предания»¹⁴³.

Таким образом, можно видеть, что «Гражданин» на конкретных примерах различных европейских государств показывал русскому читателю, как может выглядеть «культурная» либеральная традиция, подразумевающая всяческий порядок, спокойствие, свободу в рамках закона и уважение к чужому мнению, и как выглядит либерализм, равнодушный к реальным проблемам страны, озабоченный «голой доктриной», ведущий к анархии и упадку. В целом «Гражданин» в оценках европейского парламентаризма придерживался принципа, который можно назвать приоритетом укоренённости: для государства хорошо то, что соответствует его исторической традиции. «Я не спорю, Англия немыслима без парламентаризма. Но я до последнего вздыхания буду спорить за то, что Россия столь же немыслима без сильного правительства и ни в какой общественности вместо правительства не нуждается»¹⁴⁴.

Европейская жизнь приводилась в «Гражданине» и в качестве примера дисциплины. За границей, например, в Германии, рассуждал Мещерский в «Дневниках» в январе 1903 г., «основным принципом любого министерства является наиточнейшее и наистрожайшее выполнение каждой из его административных задач». В России же «главной задачей является наибольшая регламентация для каждого явления жизни», и делается это с той целью, чтобы «разделённая между разными должностными лицами деятельность, вне всяких отношений к вопросам жизни... была всегда полной струёй текущего делопроизводства, и никогда никто за неё не подлежал ответственности»¹⁴⁵.

Несмотря на внимание к Европе и проведение различий в политической

¹⁴³ *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. № 71. 10 сентября 1898. С. 2.

¹⁴⁴ *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. № 92. 22 ноября 1898. С. 2.

¹⁴⁵ Дневники // Гражданин. № 8. 26 января 1903. С. 15.

культуре её стран, «Гражданин» напоминал о превосходстве русского самодержавия над европейской политикой в целом. Об этом говорилось в статье «Размышления у Красного крыльца» в мае 1896 г. Европейец склонен смешивать русское самодержавие с «идеями римского цезаризма или восточного деспотизма», однако оно держится на воле Бога, а не человека: «Не когорты и не фанатизм возводят царя на престол... Бог посредством Христовой Церкви даёт царю Свою благодать, чтобы он мог иметь право быть превыше всех, и своей воле подчинять другие воли». Именно благодаря этому «мы, русские, свободнее всяких европейцев», потому что «не человеческую власть признаём самодержавною, а Богом данною тому, кто её воспринял от Него»¹⁴⁶. Возможно, та «чрезмерность» власти кайзера Вильгельма II, его самоуправство, которые наблюдал Мещерский в Германии, и явились для него как раз примером «цезаризма».

Упомянем также перепечатку «Гражданином» из «Московских ведомостей» о том, что «захват» Московской городской думы «антимосковским духом» совершается «так же как и везде, так же как в Нью-Йорке является узурпация Tammany Hall, так же как во Франции является господство партии Милльерана и Комба, так же как везде и всегда достигают господства интеллигентные политиканы под флагами выборного “представительства”». И в тех странах, где «представительство уже достигло полного своего развития», они могут «презрительно топтать действительные желания населения»¹⁴⁷.

Напоминал «Гражданин» о превосходстве русской самодержавной культуры над европейской парламентской и много позже, в январе 1903 г. Здесь подчёркивалось, что европейские проблемы в этой области происходят из-за отсутствия идеи, бывшей в основе парламентского строя, когда «на уважении и подчинении мнения большинства зиждется порядок и благополучие самого

¹⁴⁶ Размышления у Красного крыльца // Гражданин. № 37. 9 мая 1896. С. 4.

¹⁴⁷ *Граф Пётр Кутузов*. Городское «представительство» и его «покровители» // Гражданин. № 71. 15 сентября 1902. С. 3.

народа». Напротив, видны были совсем другие примеры «не полного уважения народа к своим избранникам и полного неуважения самих представителей к своим обязанностям, долгу, праву большинства», когда «крики, насилия, грабёж, угрозы задушить пятнают стены храма законов нации, рвут и калечат сердце страны». Сделав такой вывод, статья обратилась к отечественной истории и напомнила, что у нас «была кровь, не было сраму, не слыхала Россия в стенах своих дворцов той ругани, оскорблений, которые доносит до нас откровенная печать»¹⁴⁸.

Вопрос о либералах «настоящих» и «ненастоящих» рассматривался в «Дневниках» в номере от 26 июля 1901 г., к которым мы уже обращались; утверждая, что в России отсутствуют «настоящие» либералы, Мещерский вновь проводил параллели с Европой, где, по его словам, они были. «За границей между англичанами и немцами я встречал нередко либералов и находил большое удовольствие для ума в беседе с ними, в споре с ними, и не запомню, чтобы когда-нибудь от обмена мнениями с либералами этих наций испытывал в себе что-нибудь похожее на ненависть», – писал он.

Как помним, ранее князь уже обращал внимание на культурную и эстетическую стороны вопроса: парламентарии Англии и Германии спокойно трудятся, пребывая в мире и уважении, в то время как во Франции или Австрии представительные учреждения становятся ареной драк и «кабацких выходов». Он утверждал также, что французский либерал стремится не помочь своей стране и народу, а реализовать какие-то собственные, оторванные от жизни доктрины. Здесь Мещерский исповедовал, в целом, те же идеи, но различие описывал более подробно. «В Англии и Германии либерал стоит на почве народной жизни, и либерал он потому, что, стоя на этой народной почве, он, так сказать, ускоренным темпом хочет достигать удовлетворения народных нужд». Различие между либералом и консерватором в указанных странах он сводил к различиям в темпераменте: консерватор «холерическому или

¹⁴⁸ Н.А. Мысли на Новый Год // Гражданин. №1 и 2. 5 января 1903. С. 3.

сангвиническому политическому темпераменту либерала противопоставляет темперамент и темп спокойные, медленные, обдуманнные». Главное, что «когда обе партии начинают спор в области политики, то они стоят на той же почве народной жизни, то есть политики нужд народа и уважения к тому, что народ уважает».

Кто же такой французский либерал? Он – «прежде всего – хамелеон, ничего не уважающий и ни во что не верящий безусловно», и не разобраться в каждом из них – «лакей-ли он министра, или анархист». Здесь можно видеть некоторое отличие от того, что Мещерский писал ранее о либерале, видящем в Родине только «лабораторию для применения доктрины». Чтобы применять доктрину, «отдаваться ей всецело», как он говорил в 1895 г., нужно, конечно, в неё верить; «хамелеон» же не верит ни во что. Действительно, далее в рассматриваемой статье Мещерский утверждал, что «во Франции из первых слов либерала вы получаете впечатление, что он прежде всего думает о себе, о своём положении, о своей выгоде, о своём успехе». Либерала с «народной жизнью» «не роднят ни убеждения, ни принципы, ни идеалы, ни предания» – но у «хамелеона» и нет никаких принципов и идеалов.

Французский либерал «лжёт в своей оппозиции против правительства, и лжёт в своей преданности народу, во имя которого он будто бы либерал», и именно поэтому «никакая форма парламентаризма не могла держаться во Франции, и всегда приводила или к анархии, или к цезаризму». Франция подменяет подлинность иллюзией, «что достаточно одному носить этикет либерала, а другому этикет консерватора, чтобы на самом деле были либералы и консерваторы». Поэтому Мещерский предложил формулу, лаконично описывающую различие между Францией и Англией: «во Франции человек либерал, потому что называет себя либералом, а в Англии он потому называется либералом, что он есть либерал».

Наконец, ещё одна важная черта французского либерализма, связанная с указанными – беспринципностью и беспочвенностью – это безличность, массовость, которые из Франции перешли в Россию. Эта «серая масса столько

же беспринципна, столько же беспочвенна, сколько ненасытна»¹⁴⁹. Порядочные люди во Франции в обоих политических лагерях – и либеральном, и консервативном – уклоняются от решительной борьбы, предоставляя её «серой массе», «серому большинству».

Таким образом, оценки Мещерским французского либерализма менялись: в фокусе критики оказывалось то «доктринёрство» с равнодушием к Родине, то, напротив, необязательность в доктринальной принадлежности. При всех обвинениях, которые Мещерский возводил на «доктринёрство», можно видеть, что он практически не затрагивал вопрос о содержании либеральных доктрин. Но такую связь всё же можно увидеть хотя бы в процитированном тексте «Дневников» от 26 июля 1901 г. Мещерский описывал французского либерала как беспринципного индивида, чуждого как правительству, так и народу. Между тем известно, что упор на индивидуализм, защиту прав личности как от правительства, так и от народного большинства составлял особенность именно французской либеральной мысли в отличие от английской, нацеленной на организацию правового государства¹⁵⁰.

Власть народа и власть закона так же опасны для свободы, как власть деспота, писал Бенжамен Констан в своих «Принципах политики». «Власти очень легко притеснять народ в качестве подданного, чтобы принудить его в качестве суверена демонстрировать свою волю, продиктованную ему той же властью... Никакая власть на земле не является безграничной – ни власть народа, ни власть людей, называющих себя его представителями, ни власть королей, под каким бы именем они ни правили, ни власть закона... Граждане обладают индивидуальными правами, не зависящими от любой социальной или политической власти, и всякая власть, нарушающая эти права, становится незаконной»¹⁵¹. Но если для Константа независимость и от правительства, и от народа являлась основой индивидуальной свободы, то Мещерским она

¹⁴⁹ Дневники // Гражданин. № 56. 26 июля 1901. С 16–17.

¹⁵⁰ Классический французский либерализм первой четверти XIX века // Классический французский либерализм: сборник. М., 2000. С. 6.

¹⁵¹ Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления // Там же. С. 32–33.

понималась в качестве лжи и беспринципности.

Есть примеры и более явной и близкой параллельности мысли русского князя-консерватора и французского мыслителя-либерала. Выше мы приводили слова Мещерского, написанные им в октябре 1898 г. в Париже, о том, что если бы Франция «умела и могла быть республикою, права свободы не нуждались бы в охране штыком. В Швейцарии, как и в Америке, армия, как гарантия прав свободы не нужна, и оттого её и нет»¹⁵². Сказано это было по поводу возможных внутренних беспорядков. Констан, со своей стороны, отвергал мысль о роспуске всякой постоянной армии как «химерическую» и оставлял за ней задачи отражения внешней угрозы и помощи полиции против отдельных правонарушений. А для подавления восстаний и бунтов он предлагал использовать национальную гвардию, поскольку против «бунтов, народных скоплений поспешат оказать услуги все граждане, которые будут любить конституцию своей страны, ибо их владения и их свободы будут гарантироваться ею». И далее: «Граждане всегда без промедления встанут на защиту своего отечества, поскольку отечество у них одно; они спешат поддержать свою внешнюю независимость, если внутри страны обладают свободой»¹⁵³.

Мещерский, таким образом, изложил логику Констана в обратном порядке: по Констану, при внутренней свободе в стране население само её защищает; по Мещерскому, раз во Франции свобода нуждается в охране штыком, то она и не является свободной республикой.

При чтении статей «Гражданина» с размышлениями его издателя о русских и европейских либералах создаётся то впечатление, о котором мы уже говорили: консерватизм и либерализм различаются не доктринально, а на уровне личных предпочтений. В чём эти предпочтения заключаются, остаётся всё же неясным. Скорее не из конкретных утверждений, а из общего смысла

¹⁵² Дневники // Гражданин. № 80. 11 октября 1898. С. 19–20.

¹⁵³ Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления // Классический французский либерализм: сборник. С. 133–139.

различных текстов можно сделать вывод, что речь идёт о большей или меньшей скорости возрастания свобод, реформирования, «движения вперёд» государства и общества.

Что же касается «Нового времени», то в нём мы можем видеть выражения западнической направленности. Вспомним уже приводившиеся нами его слова о том, что только с царствования Александра II «мы зажили европейской жизнью», к нам проникла «истинная европейская волна»¹⁵⁴. Европейский путь для России – это путь прогресса, такую идею Суворин ясно высказывал в «Маленьком письме» 5 марта 1900 г. «Можно бы даже такую критику начать с более ранней эпохи: наследовало нам спешить за Европой, подражать ей, заводить огромную армию, строить столицы и города и т.д.» Вместо этого «нам следовало оставаться Азией, протягивать ножки по одежке, не вести разорительных войн в начале этого столетия и т.д.»

При этом Суворин высказал одну важную мысль, которая касается понимания того, что такое прогресс, и при этом очень характерна для «Нового времени» в целом. Суворин говорил об историческом процессе так, словно он не зависел от усилий и выбора людей. «Нас история двинула, как Господь двинул земной шар, и мы остановиться не можем. К добру это или к худу, всё равно мы должны жить этою европейскою жизнью, обеднели ли центральные губернии или разбогатели»¹⁵⁵. Вспомним «силу вещей» из вышедшей за пять лет до того статьи «Лишняя напраслина о реформах Александра II».

Вопрос об отношении Суворина и его газеты к прогрессу очень важен для нашей работы, далее мы с ним столкнёмся не раз в различном контексте. Здесь представляется уместным привести мнение В.В. Розанова из его «Припоминаний и мыслей об А.С. Суворине», написанных сразу после смерти издателя. Розанов писал о «чувстве роста» Суворина, отличном от «худощавого прогресса», «который тараторит слова о нём и, в то же время, как чахоточный кашляет от всякого движения Родины, злится на всякий успех её».

¹⁵⁴ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 16 (28) августа 1898. № 8070. С. 2.

¹⁵⁵ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 5 (18) марта 1900. № 7190. С. 2.

Суворин, по Розанову, «был весь “в росте”»: пожалуй, это его господствующая идея. Не “добро”, не “нравственность”, не “идеал совершенства”: а это физиологическое, солдатское и бабье, как бы брюхатой бабы, чувство – больше! Больше ребят, больше хлеба! Больше всего: еды, довольства, движения, человеческих голов, земли, богатства, всего решительно!»

Вне этого чувства, как писал Розанов, Суворина нельзя понять. С этим публицист связал и запомнившееся ему замечание кого-то из сотрудников «Нового времени»: «Суворин всегда был прогрессивен... Как могут говорить о его ретроградности: до сих пор, до таких лет, он только и думает о прогрессе всего, решительно всего; думает об этом в подробностях, в частностях, в поименности – а не в общих фразах, ни к чему не относящихся»¹⁵⁶.

Близко к розановскому и мнение А.П. Чехова, высказанное им Суворину в письме от 2 января 1894 г.: «Либеральное Вам всегда чрезвычайно удаётся, а когда пытаетесь проводить какие-нибудь консервативные мысли или даже употребляете консервативные выражения (вроде “к подножию трона”), то напоминаете тысячепудовый колокол, в котором есть трещинка, производящая фальшивый звук»¹⁵⁷. Мнение это Чехов высказал по поводу «Маленького письма», в котором Суворин высказывал желание просвещения народа и «правильного распределения налогов»¹⁵⁸.

Но если говорить о прогрессе как стремлении к «европейской жизни», то встаёт вопрос: что она такое, как и куда к ней надо двигаться? На это проливают свет письма М.О. Меньшикова, отправленные Суворину в июле–августе 1901 г. К тому времени Меньшиков только недавно окончательно оставил сотрудничество в «Неделе» и обосновался в «Новом времени». В майском письме Меньшиков выражал надежду на то, что встретит понимание в суворинской редакции, но вскоре произошёл конфликт. Его причиной стал достаточно частный вопрос о преподавании в России иностранных языков.

¹⁵⁶ Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине // Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 22. Признаки времени. (Статьи и очерки 1912 г.). М., 2006. С. 265–266.

¹⁵⁷ Чехов – Суворину, 2 января 1894 г. // Переписка А.П. Чехова. В 3 т. Т. 1. М., 1996. С. 382.

¹⁵⁸ Кузичева А.П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». М., 2016. С. 364.

Меньшиков написал статью, в которой доказывал, что обязательное им обучение не нужно. Суворин не согласился и статью в печать не взял. «Жаль, что мы не сходимся во взглядах и что моему голосу в Вашем “парламенте мнений” уже нет места», – писал ему Меньшиков 29 июля.

Сразу вслед за этим Меньшиков перешёл в наступление на Суворина, обвинив его в чуждости тому, что, по его мнению, действительно ценно в европейской жизни. «Вы озабочены тем, что мы страшно отстали от Европы и полагаете, что это оттого, что мы мало учились. Конечно, мы учились немного, но думаю, что отстали по другой причине – по горестному отсутствию в наших нравах свободы, по склонности душить все мнения, кроме привычных». Меньшиков обвинял Суворина в том, что, по мнению последнего, всё дело в европейском учении, в то время как дело – в труде, причём в свободном труде: «Вы говорите, что “вся Европа учится”, а я думаю, что вся Европа работает, что из свободного труда у них является и наука. Не ученье двинуло вперёд Европу, а свобода, которая двинула, между прочим, и ученье». Далее Меньшиков перешёл на тему национального развития, говоря, что «чрезмерное почтение к чужим языкам воспитывает худо скрытое презрение к своему, а вместе с ним и равнодушие к своей мысли. Оттого мы уже двести лет как в рот глядим Европе и ученье понимаем как лишь подражание»¹⁵⁹.

К сожалению, письма самого Суворина Меньшикову сохранились, видимо, только с 1902 г., и что он ответил тогда, мы не знаем. Из содержания следующего письма Меньшикова можно только предположить, что издатель поспешил успокоить рассерженного сотрудника и дал добро на публикацию статьи. В письме 10 августа Меньшиков благодарил Суворина за «доброе письмо и готовность напечатать статью», но сам же просил не печатать её, поскольку Б.В. Гею (Гейману), одному из старейших работников, трудившемуся в газете со времени приобретения её Сувориным в 1876 г., «она тоже не нравится». Вслед за этим Меньшиков продолжил свои рассуждения.

¹⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 2628. Л. 7.

«У нас всё обязательно – и вера, и наука, и школа, и общественная мысль», – писал он. Это – «величайшая из опасностей, угрожающих нашему народу, копанье ему могилы». В «здоровой стране» не государство должно руководить перечисленными предметами, а напротив, они должны своей свободной деятельностью создавать государство. «Защищая “обязательность” даже в таких мелочах, как чужие мысли, не поддерживаем ли мы сами общее гибельное явление?»¹⁶⁰ – вопрошал Меньшиков в конце своего письма.

Позже, уже после смерти Суворина, Меньшиков в статье «Памяти А.С. Суворина» давал ему иные характеристики. По словам Меньшикова, в своей статье он желал «показать, каким духом свободы дышал этот писатель, которого журнальные враги обвиняли в служении обскурантизму». Суворин был «истинный сторонник свободы», и это доказывает «полная свобода мнений, предоставленная всем или, по крайней мере, более значительным сотрудникам». Он «был слишком талантлив, чтобы примириться с рабством мысли, хотя бы оно налагалось своей же литературной братией» и «уважал всякое талантливое слово, хотя бы казавшееся ему неверным», предполагая «всех достойными свободы мысли и свободы жизни»¹⁶¹.

В претензиях Меньшикова к позиции Суворина нам интересен тезис, что у Европы надо учиться свободе, а труд и образование там явились как следствие свободы. Письма были написаны в конфликтной ситуации, видимо, не без эмоций. Явилось ли мнение Меньшикова исключительно следствием этих эмоций или же он верно изложил действительные убеждения Суворина? Некоторые публикации «Нового времени» говорят в пользу именно второго варианта.

Так, Суворин писал в «Маленьком письме» от 24 декабря 1896 г. о «вопросах русской жизни», жизни «оригинальной, требующей совместной работы людей разных мнений, разных характеров, работы и споров», при этом

¹⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 2628. Л. 14.

¹⁶¹ Меньшиков М.О. Памяти А.С. Суворина // Телохраниитель России. А.С. Суворин в воспоминаниях современников. Воронеж, 2001. С. 365–367.

«для России на Западе – одно драгоценно, наука вместе с культурой, а вовсе не государственные формы, которые свои у каждой страны»¹⁶². Как можно видеть, здесь Суворин напрямую отрекался от какого-либо желания заимствовать европейские «государственные формы».

Интересно, что «Новое время», посвящавшее значительную часть своего объёма внешнеполитическим вопросам, в материалах этой тематики весьма редко допускало какие-либо рассуждения как о политическом устройстве упоминаемых стран, достоинствах и недостатках существующих в них властных институтов, так и об их жизни вообще. В хронике постоянно публиковались события из жизни европейских правительств, парламентов и партий, но тон сообщений оставался сдержанно-корреспондентским. Они именно информировали, а не рассуждали о политических вопросах. Видимо, сам Суворин сознательно придерживался такой позиции. Об этом может свидетельствовать такая запись в его дневнике от 19 ноября 1886 г.: «Послал письмо Кочетову в Бухарест. Вот тоже человек – вообразил себя решителем судьбы России и защитником монархического принципа, вместо того, чтобы быть хорошим корреспондентом»¹⁶³.

Но были и исключения. После заключения Россией союза с Францией в 1892 г. «Новое время» неоднократно публиковало, в отличие от «Гражданина», восторженные отзывы об этой стране. Так, в связи с визитом в Петербург президента Третьей Республики Феликса Фора, 11 августа 1897 г. в газете появилась неподписанная статья под громким заголовком «Да здравствует Франция!». В ней заявлялось, что «мы приветствуем в лице её (Франции) первого и высокоуважаемого гражданина, привезшего нам добрые пожелания всей Франции, – нацию мирного неустанного труда, ставящего её во главе гуманной цивилизаторской работы человечества... от махового колеса французской культуры идут приводные ремни во все части света... Франция с

¹⁶² Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 24 декабря 1896. (5 января 1897). № 7482. С. 2.

¹⁶³ Суворин А.С. Дневник. М., 2000. С. 64.

радостью, где и чем только можно, помогает нам идти в ногу с остальной Европою на пути культурного прогресса»¹⁶⁴.

Схожим образом и об Англии «Новое время» писало, что сила англичан – в том, что «в течение двух столетий они подчиняют теорию практике... выдвигая на первый план торговлю и промышленность, направляя туда цвет нации поощряя частную инициативу и освобождая её от оков бюрократии, англичане достигли того, что Лондон сделался столицей мировой торговли, а вскоре, может-быть, станет и столицей человеческой мысли»¹⁶⁵. Сыромятников же в начале англо-бурской войны говорил о том, что «та Англия, которая ведёт вперёд человеческую мысль и обогащает сокровищницу человеческих знаний, она умолкает в минуты политических насилий своего правительства и забивается куда-то в тёмный угол»¹⁶⁶.

Да, видимо, Меньшиков не только бросил упрёк Суворину под впечатлением от отказа в публикации, но и успел уловить характерную для «Нового времени» тенденцию. Европа – пример труда, культуры, прогресса, «гуманной цивилизаторской работы». Понятия эти – и красивые, и широкие, без конкретного приложения они во многом остаются лозунгами. Об Англии, правда, говорится, что там «частная инициатива освобождается от оков бюрократии», но и это, конечно, более определённое замечание не связывалось с какими-либо политическими направлениями. Слова статьи о «подчинении теории практике» при этом ясно указывают необходимое для прогресса приложение усилий.

Однако позднее можно видеть более политизированные тексты. Таким примером явилась статья С.Н. Сыромятникова «Россия и Франция», опубликованная 5 мая 1902 г. по случаю очередного визита президента Французской республики в Россию. Сыромятников рассуждал о том, что между французами и русскими существовало притяжение иного качества и

¹⁶⁴ Да здравствует Франция! // Новое время. 11 (23) августа 1897. № 7706. С. 1.

¹⁶⁵ Валентин Горлов. Нравственная сила и воспитание народа // Новое время. 1 (13) сентября 1897. № 7727. С. 1.

¹⁶⁶ Сигма. Обо всём // Новое время. 3 (15) октября 1899. № 8477. С. 2.

более сильное, чем прагматичный политический расчёт: «В истории народов есть что-то большее, чем история права, есть что-то более сложное, чем история государственных учреждений или экономического развития. Как маленькая лодка невольно стремится к корпусу корабля, так народы временно ослабевшие, стремятся к народам сильным».

Сыромятников не уточнял, кто же в союзе «корабль», а кто – «лодка», но писал, что оба народа должны взять друг от друга лучшее. При этом «иные русские бросают семена презрения к народу, не умеющему, по их мнению, создать себе сильного правительства, а многие французы – семена близоручного презрения к людям, которые довольно туго следуют принципам великой революции» – то есть, по мнению автора, взаимная неприязнь к существовавшим политическим системам мешала союзу принести благие плоды.

О том, что же надо заимствовать у Франции, Сыромятников говорил в духе указанной выше тенденции «Нового времени»: «Франция может помочь нам в области знания и художественной критики... она страна строгой логической мысли, мысли сильной и бесстрашной... У неё-то мы должны учиться её ровному вечному труду, от которого нас отвратил наш климат». Но затронул он и более опасный политический вопрос. Признав, что из принципов французской революции два – свобода и равенство – «суть начала отрицательные», он указывал тем не менее, что «начала эти бывали орудиями очищения человечества от общественных окаменелостей» и что «начала эти, помогая развитию личности, толкают европейское общество по пути справедливости». Эти «толчки», по мнению Сыромятникова, надо было контролировать «жизненной связью общества», чтобы было «примирение государства и личности»¹⁶⁷. Тут же он назвал французские идеи «великими», но на этом политический мотив в его статье закончился.

В 1900 г. в «Новом времени» начал публиковаться цикл статей Сигмы

¹⁶⁷ Сигма. Россия и Франция // Новое время. 5 (18) мая 1902. № 9398. С. 2.

(С.Н. Сыромятникова) «Опыты русской мысли». В этих статьях был приведён диалог русского автора-путешественника с немецким учёным. Учёный укорял автора – и Россию в целом – в отсутствии «имперского земства», то есть парламента, в то время как отдельные земства устроены. Русский, парируя обвинение, заявлял, что они, «германцы», просто боятся той энергии, «экстенсивности», которая исходит из России именно благодаря отсутствию парламента. Парламент, борьба партий могут зря растратить эту энергию на пустые дела. В этом случае русская история выглядела бы совсем по-другому, не в пример тому, что было на самом деле: «если бы департамент Нижней Волги послал Ермака депутатом в московский парламент, он не пошёл бы завоёвывать Сибирь, то есть быть самодержцем в новой стране, а тратил бы свои силы на парламентские интриги и был бы, весьма вероятно, очень посредственным политиком»¹⁶⁸.

Про Ермака Сыромятников вспомнил и в фельетоне цикла «Дома» в сентябре 1902 г. и вновь противопоставил его инициативу государственному началу: «Канцелярия должна применяться к жизни, а не жизнь к канцелярии. Московские приказы вероятно долго бы не додумались до снаряжения экспедиции в Сибирь, если бы туда не побежали Ермак с товарищами»¹⁶⁹.

Следует сказать, что С.Н. Сыромятников больше других авторов «Нового времени» излагал широких размышлений об исторических процессах, о судьбах целых стран, народов и цивилизаций. В своей публицистике он постоянно решал вопрос об отношениях Востока, Запада и России. Восток интересовал его своей религиозностью, мистицизмом, стремлением к идеалу, Запад – практичностью и рациональностью. В его статьях можно найти много мнений и оценок по этому поводу, которые, как представляется, со временем весьма резко менялись. Россию он нередко сравнивал с Индией, находя у них общие – арийские – корни. Для Индии же, по его мнению, европейская политическая культура была бы необходима,

¹⁶⁸ *Сигма*. Опыты русской мысли. Ч. II // Новое время. 5 (18) ноября 1900. № 8870. С. 2.

¹⁶⁹ *Сигма*. Дома. Ч. XXVIII // Новое время. 15 (28) сентября 1902. № 9530. С. 2.

чтобы избавиться от европейского же владычества: индусу «Англия даёт... хорошее политическое воспитание, которое рано или поздно приведёт Индию к союзу независимых государств»¹⁷⁰, – писал Сыромятников из Индии в статье «Вампир Востока», посвящённой тяжёлому положению индийских подданных Британской империи.

В итоге следует сказать, что «Гражданин» соглашался признать пользу и либерализма, и консерватизма только в случае их основания на «народной почве». Положительным примером либеральной политической культуры и парламентаризма на страницах журнала выступала Великобритания, отрицательным – Франция с «разрушительным либерализмом». По-видимому, относительно России «Гражданин» более реальной и опасной перспективой считал распространение либерализма как разрушительного начала. Вопрос о доктринах и теориях политического либерализма в журнале принципиально не поднимался, хотя Мещерский, как можно видеть, имел о них представление. Но для него важнее было противопоставить жизнь и традицию «доктринёрству».

Суворин и его издание, со своей стороны, также не стремились вдаваться в рассмотрение политических доктрин. «Новое время» утверждало ценность европейского труда, порядка, культуры независимо от парламентов и конституций. Если для «Гражданина» абсолютным приоритетом оставалась верность традиции, то «Новое время» утверждало ценность культуры не только независимо от неё, но и с упором на необратимое движение вперёд, по «европейскому пути». В дальнейшем, рассматривая мнения обоих изданий о конкретных участках и принципах общественно-государственной жизни – самодержавии, бюрократии, земстве – мы увидим, как явная близость подходов сочеталась с различиями в акцентах и решениях, и описания существующего положения вещей принципиально расходились между собой.

¹⁷⁰ *Сигма*. Вампир Востока // Новое время. 29 мая (10 июня) 1897. № 7633. С. 2.

Глава 2

Власть, управление и самоуправление

2.1. Самодержавие

Говоря о взглядах дореволюционных публицистов на самодержавие, приходится учитывать их собственное существование в рамках данной политической системы. При этом сама возможность публичного обсуждения верховной власти и монархического принципа могла крайне болезненно восприниматься властью и стоявшими на её страже органами.

В этом смысле князь Мещерский занимал более выгодную, нежели Алексей Суворин, позицию. К 1894 г. он уже успел стать во многом «своим человеком» при дворе, побывав в качестве воспитателя при наследниках Николае Александровиче, умершем в 1865 г., и Александре Александровиче. С 1860-х гг. князь пользовался репутацией последовательного консерватора и противника либерального направления. У него были свои проблемы и с бюрократической средой, и во взаимоотношениях с государями. Но, несмотря даже на то, что с 1874 по 1903 гг. «Гражданин» подвергался 24 строгим цензурным наказаниям¹⁷¹, для серьёзных обвинений во враждебности институту монархии он оставался недоступен.

В противоположность этому Суворин ещё в 1860-х гг. попал под подозрение и в связи с выходом в свет серии очерков «Всякие», совпавшем аккурат с покушением Каракозова, и другими публикациями, в которых власти видели различные «покушения на основы». К 1890-м гг. его положение было прочнее, но след прошлого и репутация оппозиционера либерального направления окончательно никуда не девались.

Тем не менее и в «Гражданине», и в «Новом времени» можно найти материалы, посвященные непосредственно самодержавной власти. Особо часто связанные с ней вопросы затрагивались в 1894–1896 гг. в связи со смертью Александра III и последующим воцарением нового императора.

¹⁷¹ *Климаков Ю.В.* Предисловие // *Мещерский В.П.* За великую Россию. Против либерализма. М., 2010. С. 18.

При вступлении на престол Николая II князь Мещерский не скрывал надежд, что правление нового государя станет продолжением предыдущего и сохранит консервативное направление. Его манифест стал «ответом на всё, чего желала русская душа... слова о заветах почившего отца, воспринятых сыном в минуту вступления на прародительский престол, всё сказали»¹⁷². Николай «возрос, окреп и прошёл весну своей жизни»¹⁷³ в царствование своего отца, которому Бог позволил совершить всё нужное для того, чтобы «силы нового царя нашли себе уготованную и устроенную помощь как вещественную, так и духовную»¹⁷⁴. Наследник заявлял о своём намерении следовать отцовскому примеру и, как считал Мещерский, это было именно то, что необходимо для России.

Если говорить о монархии в целом, то её идеал описывался в «Гражданине» как глубоко традиционный и патриархальный. Здоровое общество представляет собой семью, в которой царь – отец, а все члены общества связаны с ним союзом любви. В статье «Народное горе» за подписью «Москвич» говорилось о «страшном времени», когда «затемнилось» «понятие о самодержавии, как о добровольном и сознательном союзе любви между царём и подданными его, союзе, в котором происходит обмен взаимных клятв перед Всевышним Богом на взаимное служение: царя – народу и народа – царю». Тогда «некоторые люди» «стали забывать основную сущность русского самодержавия и, смешивая его с западно-европейским абсолютизмом, думали, что это лишь временная форма правления»¹⁷⁵.

Русская политическая идеология передавалась в «Гражданине» посредством ярких образов. Вот какие размышления об «уваровской триаде» появились в «Маленьких мыслях» в феврале 1903 г.: «Триединую эмблему древнего русского величия: православие, самодержавие и народность трудно иначе представить себе, как в форме звезды. Три линии сбежались с разных

¹⁷² Дневник // Гражданин. № 291. 22 октября 1894. С. 2.

¹⁷³ 21 октября 1894 г. // Гражданин. № 290. 21 октября 1894. С. 1.

¹⁷⁴ Дневник // Гражданин. № 291. 22 октября 1894. С. 2.

¹⁷⁵ *Москвич*. Народное горе // Гражданин. № 292. 23 октября 1894. С. 1.

сторон, пересеклись, и в точке пересечения их – ослепительная искра. Православие бежит с неба, народность от земли, а самодержавие – от горизонта, где небо сходится с землёй». Такое размышление может показаться слишком иррациональным и метафизическим, но следом шла речь об исторической целесообразности неограниченного самодержавия в России. «Русская народность» представлялась «силой, приравнивающей всех к матери земле, а не к средней человеческой личности, не к субъективному “я”». Следовательно, «только такой крайний, племенной объективизм мог вызвать потребность в уравнивающем его субъективизме – в самодержавии»¹⁷⁶.

Для Мещерского было несомненно, что именно неограниченному самодержавию Россия обязана всеми своими успехами. «Самодержавию обязана Россия своим бытием, своими эпохами славы и силы»¹⁷⁷ – так кратко и ёмко высказал он «основанное на веках исторического опыта» убеждение, которому противостоял «беспочвенный либерализм». Самодержавие, таким образом, приносило пользу, но основано оно было не на представлении о практической пользе, а на взаимной любви: «Когда в русском самодержавии воля так сильна, что проходит током повсюду и проникает в каждую душу, тогда, несомненно, источником этой сильной воли является любовь к своему государству, к своему народу и к каждому из своих подданных, с одной стороны, а с другой стороны, вера в любовь к нему всякого, кто чувствует силу его воли»¹⁷⁸.

К вопросу о русском самодержавии и его сравнении с европейскими режимами Мещерский специально обратился в статье «Размышления у Красного крыльца», опубликованной в дни коронационных торжеств 9 и 12 мая 1896 г. В ней князь утверждал отличие самодержавия и от римского цезаризма, и от восточного деспотизма. Дело в том, что «не когорты и не фанатизм возводят царя на престол, утверждая за ним власть штыками или

¹⁷⁶ *Серенький*. Маленькие мысли // Гражданин. № 12. 9 февраля 1903 г. С. 12.

¹⁷⁷ *Икс*. Речи консерватора // Гражданин. № 5. 17 января 1902. С. 3.

¹⁷⁸ *Икс*. Речи консерватора // Гражданин. № 6. 21 января 1902. С. 2.

рабами и повелевая верить, что он умнее всех, и непогрешим, и неограничен в своей воле», но «Бог посредством Христовой Церкви даёт царю свою благодать, чтобы он мог иметь право быть превыше всех, и своей воле подчинять другие воли».

Все прочие воли преклоняются перед волей царской именно по причине её благословения Богом, сознавая свою собственную слабость и греховность. Это позволяет избежать зависимости от человеческих страстей, поэтому «мы, русские, свободнее всяких европейцев», утверждал Мещерский, «мы зависим не от людских страстей, не от людских партий не от людских припадков своеволия, а от воли того, кто один среди нас, прияв благодать Божественного Разума, стал выше людского, чтобы право править людьми»¹⁷⁹.

Далее Мещерский с пафосом говорил о той минуте, когда новый царь после венчания на царство выходит на Красное крыльцо и совершает поклон перед народом. Этот момент – трансцендентен, он принадлежит не истории, но вечности: «Поколения менялись, века проходили, но не изменялся лишь приветствовавший свой народ с Красного крыльца русский царь. Менялись образы его, менялись личности его, менялись имена, но на Красное крыльцо в день священного венчания и миропомазания восходил всё тот же великий Божьей благодатью, строитель Русской земли, всё тот же Богом помазанный самодержец».

Таким образом, наследник престола, вступая на царство, как бы становился «вечным русским царём», воплощал, если можно так выразиться, архетип и в таком качестве вступал на путь своего служения. «Царь, отныне вдохновлённый и укреплённый Божественною силою, вещает своему народу, что отдаёт жизнь свою, разум свой, сердце своё, душу свою – дальнейшему ведению России по историческим её путям». Выход на Красное крыльцо оказывался мистическим событием, когда новый царь получал силы для уготованного ему пути, происходило «видимое и осязательное для души

¹⁷⁹ Размышления у Красного Крыльца // Гражданин. № 37. 9 мая 1896. С. 3–4.

общение самодержца помазанника со всеми предшественниками своими в истории русского народа», и он являлся «творцом истории Русского государства».

И если впоследствии из-за человеческих слабостей и грехов (относящихся к подданным, о возможности слабости и греховности монарха Мещерский в данном случае ничего не написал) происходят всяческие нестроения, то это переживание, эта минута «является чудесным щитом... она постоянно, в виде доброго гения, безотлучна при нём, приводя ему на память всё, что он получил от Бога, и всё, что вследствие этого он может, он смеет, он призван делать, как Божий помазанник – один над всеми»¹⁸⁰.

В этой статье вполне выражен консервативный взгляд на самодержавие, основанный не на практической целесообразности монархии в данных исторических условиях, а идеальных представлениях о любви и воле. Сама статья, возможно, явилась своеобразным ответом на написанное в 1858 г. известное стихотворение Н.А. Некрасова со схожим названием: «Размышления у парадного подъезда». В сюжетах статьи Мещерского и стихотворения Некрасова видна переключка: если на Красном крыльце совершается святое единение царя и народа, то парадный подъезд становится местом трагического разрыва между народом и живущим за этим подъездом вельможей (у Некрасова не указывался его статус; но, по воспоминаниям А.Я. Панаевой, стихотворение он написал под впечатлением от вида крестьян, сидевших у подъезда дома министра государственных имуществ М.Н. Муравьёва¹⁸¹).

Неограниченное самодержавие «Гражданин» постоянно представлял в качестве необходимого условия для государственного и общественного здоровья России. В «Речах консерватора» в первом номере журнала за 1899 г. Мещерский писал, что «если царь в сознании, насколько Россия богата и велика своими дарами, своими силами, своим богатством, своим духовным

¹⁸⁰ Размышления у Красного Крыльца // Гражданин. № 38. 12 мая 1896. С. 5–6.

¹⁸¹ Панаева А.Я. Воспоминания. М., 2002. С. 218–219.

миром веры, своим множеством людей, годных к труду возрождения и с своим только поверхностно испорченным духовно мощным народом, призовет этот народ как он есть, с своими недостатками и качествами, с своей силой и немощью, с своими богатыми и своими бедными, – к работе воедино с собою, и подчинив его своей единой воле, даст ему свою силу, и Русь обратит в крепкую семью царя и в стройную рать вождя, – то больной богатырь выздоровеет, восстанет и пойдет к силе и к славе» И тогда «свобода каждого русского человека станет так же правдива и плодотворна, как неограниченная власть русского самодержца»¹⁸².

Не следует думать, что Мещерский безусловно идеализировал любого русского монарха. Верное направление монархического принципа реализовывалось в воле самодержца, а источником этой воли являлась обоюдная любовь царя и народа. Об этом говорилось в «Речах консерватора» от 20 января 1902 г.: «Никакой другой двигатель, кроме любви к своему народу, этой силы воли, как постоянного стража и руководителя для народной жизни, давать не может»¹⁸³. Другой двигатель не может дать воли, а только её «минутные вспышки». Далее следовало сравнение «сильной» воли Петра и «слабой воли иного из его преемников», которое мы приводили в первом параграфе первой главы.

Николая I Мещерский также не идеализировал, не смотря на всю свою к нему симпатию. В воспоминаниях князя переплетаются рассуждения о «рыцарстве» императора и его иллюзиях. В воинственном настроении и бесстрашии перед Крымской войной «была волшебная сила такого сильного любовью к России и верой в Россию монарха, каким был император Николай»¹⁸⁴. Но в то же время Мещерский говорил о об «иллюзиях рыцаря», его вере в благодарность Австрии и дружбу Англии, которые оказали влияние на трагическое развитие событий.

¹⁸² *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. № 1. 7 января 1899. С. 3.

¹⁸³ *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. № 6. 20 января 1902. С. 2.

¹⁸⁴ *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. М., 2003. С. 20.

Следует сказать и о том, что при том идеальном взгляде на роль императора в России, который проводился в «Гражданине», сам Мещерский хорошо осознавал важность знаний и образования для самодержца. Этой работой Мещерский занимался лично, когда поддерживал дружеские отношения и вёл переписку с великими князьями – Николаем Александровичем и Александром Александровичем, будущим императором Александром III. «Сближение с великими князьями, особенно с наследником престола, казалось ему первым шагом к осуществлению давней мечты – к служению и посильной помощи тем, кто поставлен Богом управлять Россией»¹⁸⁵, – пишет Н.В. Черникова, и далее: «Мещерский полагал очень важным создать вокруг наследника как можно более широкий круг людей, из которых тот сможет избирать своих сотрудников и помощников»¹⁸⁶.

Либералы в «Гражданине» представлялись главными врагами самодержавия. Их работой было разрушение всего традиционного в России, а самодержавие для Мещерского, очевидно, являлось основой русской традиции. «Недаром в самом разгаре либерального прогресса, – писал «Гражданин» в июне 1896 г., – самозваные ревнители нашей народной школы... особенно заботились о том, чтобы не образа и не портреты царя составляли главное украшение этой школы, а непременно кирпичики и скелет для наглядного обучения»¹⁸⁷. Либерализм должен уравниваться консерватизмом, чтобы не позволять ему превратиться в разрушительную силу – как мы помним, именно этого, по Мещерскому, не хватило во времена Великих реформ. Не обольщайтесь, движение за расширение самоуправления неизбежно является врагом самодержавия, что бы оно о себе не говорило – предупреждал Мещерский в июле 1901 г. «Если в течение стольких лет враги режима своё отстаивание самоуправления основывали на полном преписании народа... то неужели найдутся наивные, которые поверят, что относительно

¹⁸⁵ Черникова Н.В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. С. 63.

¹⁸⁶ Там же. С. 96.

¹⁸⁷ Призраки и угрозы // Гражданин. № 44. 2 июня 1896. С. 5.

самодержавия они будут уважать нужду в нём народа»,¹⁸⁸ – писал князь в своих «Дневниках».

Как мы помним, Мещерский прямо утверждал, что при надлежащем подходе, при уважении к традиции либерал в России может принести пользу без разрушительных тенденций. Реализацию этой возможности он видел именно в самодержавии. Так, в номере от 26 июля 1901 г., в «Речах консерватора» Мещерский писал, что, в отличие от конституционного строя, при самодержавии есть возможность для плодотворной работы и консерваторов, и либералов: «Во всяком случае, неизмеримое количество преимуществ на стороне самодержавия в том, что для конституции не подберёшь те нужные сотни действительных либералов и консерваторов, без которых она обращается в оружие произвола сто раз деспотичнее всякого самодержавия, а при самодержавии всегда есть возможность находить нужное количество единичных честных и способных либералов, и такое же количество честных и способных консерваторов»¹⁸⁹.

Более того, самодержавие не только способно «находить» честных и способных либералов, оно защищает сам либерализм от конституционного произвола. «Согласен, что Россия нуждается в народном благе, в либерализме и прогрессе», – писал Мещерский в январе 1902 г., – «но единственное средство её лишить в действительности и народного блага, и либерализма, то есть свободы и прогресса, это – конституция, а единственное средство ей обеспечить эти блага, это – самодержавие». И потому «тот, кто говорит: Боже, сохрани Россию от конституции, – несравненно либеральнее того, кто её желает, ибо первый её боится для своего народа во имя свободы, которая ею будет попорана и поругана, а второй сулит эту свободу слабоумным и легковверным, чтобы посредством конституции её украсть у народа навсегда»¹⁹⁰. Здесь мы вновь видим, как в начале XX века в «Гражданине»

¹⁸⁸ Дневники // Гражданин. № 56. 26 июля 1901. С. 14.

¹⁸⁹ *Икс*. Речи консерватора // Гражданин. № 56. 26 июля 1901. С. 2.

¹⁹⁰ Дневник // Гражданин. № 7. 24 января 1902. С. 23.

развивались идеи «природного либерализма».

Попытки Мещерского примирить самодержавие с либерализмом были замечены ещё в советской историографии. Этот вопрос затрагивали Ю.Б. Соловьёв¹⁹¹ и Б.В. Ананьич¹⁹², связывая указанное направление «Гражданина» с готовящимся манифестом 26 февраля 1903 г.

Сохранившийся проект, написанный Мещерским, был либеральнее того, который в итоге был опубликован, а изначальные пункты в результате были переформулированы. В проекте предполагалось «приблизить народные нужды к нашему престолу» (п. 1), «принять меры к возможному облегчению отдельным крестьянам выхода» из общины (п. 4) и даже «разработать условия, на которых могла бы быть расширена разумная свобода слова и совести, в согласовании оной с духом нашей церкви и государственного строя» (п. 7). Последний пункт Николай II лично вычеркнул, найдя «несвоевременным», о чём и сообщил в письме Мещерскому¹⁹³.

По мнению Ю.Б. Соловьёва, «основной мотив» манифеста «неуклонно повторяется на страницах журнала («Гражданин». – *Д.И.*) почти на протяжении года начиная с апреля 1902 г., после убийства Сипягина. Среди его обычных материалов, среди призывов к расправам, всего оголтелого, накопленного десятилетиями ненавистничества к любому проявлению независимости появляется новая тема – самодержавие не может существовать без свободы, свобода не может существовать без самодержавия». Мещерский «как на маскараде, хочет переодеть самодержавие, оставляя его, конечно, самодержавием, совсем в другую, сшитую по современной моде, на либеральный манер одежду, чтобы его нельзя было узнать, чтобы его можно было принять за что-то совсем другое: старого, задубелого, непримиримого

¹⁹¹ Соловьёв Ю.Б. К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1979. Т. 11. С. 192–201.

¹⁹² Ананьич Б.В. О тексте манифеста 26 февраля 1903 г. (из архива В.П. Мещерского) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1983. Т. 15. С. 156–169; Ананьич Б.В. и др. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 133–141.

¹⁹³ Там же. С. 138.

врага свободы за гаранта и неперемное условие свободы»¹⁹⁴.

Согласие с тезисом Ю.Б. Соловьёва содержится в уже постсоветском коллективном труде об истории власти и реформ в России¹⁹⁵. В этой же работе приводятся сведения о написанных Мещерским одновременно с проектом манифеста проектах создания Губернского совета и Совета по местным делам, которые должны были содействовать «приближению народных нужд к престолу» и децентрализации управления¹⁹⁶.

Указанные публикации открыли ценные обстоятельства, сопровождавшие идейное развитие «Гражданина». Однако утверждение Соловьёва о связи описанного направления именно с убийством Сипягина представляется не вполне верным. Выше мы привели текст из «Речей консерватора», опубликованный в июле 1901 г., в котором утверждалась способность самодержавия находить честных либералов. Это свидетельствует о том, что курс на примирение был взят «Гражданином» ранее 1902 г. Можно предполагать, что Мещерский выразил в проекте манифеста уже начавшие формироваться ранее убеждения.

В рассмотренных здесь и в предыдущей главе построениях Мещерского о «природном либерализме» и союзе либерализма с самодержавием явно видны параллели с мыслями, в начале 1860-х гг. высказывавшимися Б.Н. Чичериным. В статье «Что такое охранительные начала?», вошедшей в сборник «Несколько современных вопросов», Чичерин проводил ту же идею, которую мы наблюдали в «Гражданине»: для правильной жизни и прогресса обществу необходимо равновесие консервативных и либеральных элементов (Чичерин их называл «охранительными» и «прогрессивными»). Прогресс должен отвечать требованиям жизни, а не оторванной от неё идеи: «Движение для движения не только бессмысленно, но и губительно для общества». Прогрессивная партия представляет собой «элемент движения», задача партии

¹⁹⁴ Соловьёв Ю.Б. Указ соч. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1979. Т. 11. С. 199–200.

¹⁹⁵ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 445.

¹⁹⁶ Там же. С. 447–448.

охранительной – «уразумение... жизненных основ», на которых держится общество. «Без первой – невозможно движение, но без второй невозможна никакая организация, невозможно, следовательно, гражданская жизнь и всё, что даёт высшее значение человеку»¹⁹⁷.

В связи со смертью императора Александра III и «Гражданин», и «Новое время» опубликовали некрологи, в которых высказали некоторые суждения о почившем государе. Как мы уже говорили в параграфе о либерализме в России, Мещерский говорил о царствовании Александра III как благом возвращении к традиции после либеральной смуты, Суворин же – как о «передышке», которая позволила привести в порядок, совместить различные идеалы и направления. Стоит сравнить, какие достоинства царя отметили издания в некрологах, что из событий его жизни и царствования нашли нужным вспомнить в этот торжественный момент.

Оба органа печати признали главным достижением минувшего царствования установление мира, порядка, прочности. «Полный порядок, полное спокойствие и надёжный мир явились результатами неустанных трудов императора», – утверждал «Гражданин». Добрый результат явился благодаря не реформам, но тому, что царь честно, методично выполнял свои обязанности: «Всё это было достигнуто без всяких репрессивных и даже экстраординарных мер, – единственно твёрдой волей и неукоснительным выполнением своих тяжких обязанностей неограниченного правителя обширнейшего государства»¹⁹⁸.

Александр проводил реформы, исходя не из «доктрины», а из жизни. Он был «истинно хозяин Русской земли; все внутренние реформы его были основаны на народных чувствах, взглядах и убеждениях и все они исходили из постоянной заботы о том, чтобы каждому лучше жилось». Любовь царя, войдя «в каждое жилище своего народа и каждое его сердце, чудесно отвлекла чувство и мысли из области непроизводительных и чуждых жизни стремлений

¹⁹⁷ Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 2002. С. 119–120.

¹⁹⁸ Под первым впечатлением // Гражданин. №291. 22 октября 1894. С. 2.

в область действительной, будничной жизни»,¹⁹⁹ – добавлял Мещерский в «Дневнике».

Суворин уделял больше внимания миру внешнеполитическому, что соответствовало общей направленности его газеты. Ещё до кончины царя, в статье по поводу его болезни, «Новое время» сообщало, что он «совершил чудо своего влияния на Европу», заставив народы покориться идее мира, «поставив эту идею как самое важное проявление народного разума и чувства».

В некрологе «Новое время» вспоминало в знакомом нам духе, что при вступлении его на престол «Россия... находилась... в состоянии брожения» и «требовалось продолжительное время, чтобы государственный организм освоился с новым режимом». Но весьма схоже с мнениями Мещерского утверждение, что «Россия нуждалась не в новом напряжении умов, не в новых обещаниях, а наоборот, в хладнокровном пересмотре сделанного... а для сего прежде всего – в поднятии авторитета правительства и власти». Произошедшие в годы реформ «злоупотребления» «Новое время» не связывало с «либералами-интеллигентами» и вообще с кем-либо, они выглядят «издержками» перемен, а не продуктами чьей-то злой воли.

И «Гражданин», и «Новое время» похвалили Александра III за то, что он соответствовал «русскому духу», однако касательно того, в чём этот «дух» заключался, можно видеть важное различие. Мещерский видит в нём, скорее, идеал государственный, самодержавный, а Суворин – культурно-эстетический. Последний указал на такие достоинства царя, которые были обойдены вниманием Мещерского. Так, «Новое время» сочло нужным написать, что «замечательна в ещё в нём была любовь ко всему русскому»²⁰⁰. Он носил, в отличие от своих предшественников, бороду, благоволил старообрядцам, любил русскую кухню, читал русские газеты и старался поощрять русское искусство. Несколько отлично указание на то, что царь любил посмеяться над французской комедией. Это, впрочем, можно рассматривать как похвалу

¹⁹⁹ Дневник // Гражданин. № 291. 22 октября 1894. С. 2.

²⁰⁰ Император Александр III // Новое время. 21 октября (2 ноября) 1894. № 6698. С. 1–2.

«простоте», не чуждость «простым радостям».

Явный национальный акцент присутствовал и в последующих статьях о состоянии конкретных областях государственной жизни в минувшее царствование. Так, развитие русской промышленности в статье Дмитрия Менделеева нарисовано как способ к достижению весьма громких целей: достижения народного благосостояния, просвещения и «всяких видов прогресса», направления «русских сил» на покорение природы. В «голосе хранителя мира все поняли заветную и твёрдую мысль народную». В подъёме русской промышленности – «сила, слава, возможность народного счастья и благополучно начатые победы России»²⁰¹.

В неподписанной статье «Последняя встреча» от 1 ноября 1894 г. «Новое время» рассказало о прибытии гроба Александра III в Москву, и его пребывание в кремлёвском Архангельском соборе дало вновь повод высказаться о «примирении» старого с новым при царствовании покойного императора. «Новая Русь в лице его как бы браталась в этих древних стенах церкви с старой Русью и признавала в этой старой Руси такие заветы, без которых русский народ не выделился бы так державно среди славянского племени и народов Европы». Он «сгладил рознь» между «старой и новой Русью», «и мир признал Его и Русским, и своим, Европейцем, мощным поборником мира».

Александр III сравнивался в статье с Петром I. Последний «ломал старую Русь, стараясь создать на развалинах русских нравов, обычае, преданий – новую европейскую Россию». Но прошло два века, прошли Великие реформы, понадобились «воплощение добродетелей и политического ума старой Руси и миролюбие честной и доброй души почившего государя», чтобы «русский с гордостью мог сказать, что он русский, и что он ни в чём отныне не уступит другим народам, полный силы и самосознания»²⁰². Сочетание

²⁰¹ Менделеев Д. Подъём русской промышленности в царствование императора Александра Александровича // Новое время. № 6703. 26 октября (7 ноября) 1894. С. 2.

²⁰² Последняя встреча // Новое время. № 6709. 1 (13) ноября 1894. С. 1.

прогресса и национальных ценностей – вот чем было славно и значительно закончившееся правление.

В следующем номере, в также помещённой без подписи статье «Начало нового царствования» газета обратилась к наследнику престола и высказала определённые пожелания о его грядущем правлении. Здесь прозвучала одна из любимых тем «Нового времени»: работа и труд. «Будем жить, то есть будем мыслить, чувствовать, искать решения проблем счастья и блага, и – работать, работать... Работа – самое обязательное и самое естественное отправление жизни». Вступление нового императора в столицу должно было оживить государственную работу. В столице император находился среди своих помощников и исполнителей, поэтому «только здесь может начаться, так сказать, повседневная работа молодого государя, – та работа, которая медленным, но безостановочным ходом охватывает все стороны народно-государственной жизни и деятельности, даёт им направление и даёт им силу и средства для роста и преуспевания, согласуясь с истинными потребностями страны, одушевляясь искренним стремлением к общему благу и руководствуясь высокими началами человеколюбия, правды, беспристрастности»²⁰³.

«Чрезвычайно удобно: объявить себя консерватором и, заложив руки за спину, прогуливаться из угла в угол, напевая о своей политической честности», – с сарказмом писало «Новое время» в декабре 1895 г. по поводу рассуждений князя Мещерского о «честных людях, служащих престолу и России». Служба России – это не слова, а работа, утверждала газета, и «вся честь России, всё её современное величие создано только работой, в которой всегда впереди – царь. В России рабочий кабинет царя никогда не был местом того *farniente* (ничегонеделанья, праздности. – *Д.И.*), о котором мечтают консерваторы кн. Мещерского. Напротив, по преимуществу здесь был всегда тот центр и тот рычаг движения, которым Россия неустанно направлялась вперёд»²⁰⁴.

²⁰³ Начало нового царствования // Новое время. 2 (14) ноября 1894. № 6710.

²⁰⁴ «Честные люди» // Новое время. № 7107. 10 (22) декабря 1895. С. 3.

Об исторических задачах России, выполненных в прошлом и стоящих в близком будущем, «Новое время» рассуждало в статье «День коронации» в номере от 14 мая 1896 г. Россия «уже сослужила великую, братскую службу западным народам: поглотила силу монгольскую и растворила в себе её воинственные полчища». Утверждалась верность культурному прогрессу и консервативным устоям, заодно говорилось о связях со странами Востока: «ныне, догоняя своих соседей по культуре, но сохраняя прочные дедовские порядки в общем строе, наше царство видит перед собою новую великую задачу – последовательно и постепенно перенести на Восток и передать Востоку блага промышленности, свет научной культуры а ещё более свет христианского откровения и любви к ближнему»²⁰⁵.

Важно сопоставить, как освещали издания речь Николая II 17 января 1895 г. перед земскими депутациями с осуждением «бессмысленных мечтаний» о политическом значении земств. Эта речь, которая «рассеяла надежды интеллигенции на возможность конституционных преобразований сверху»²⁰⁶, была с восторгом встречена «Гражданином». «Раздаются царевы слова, и с наболевшей души в один миг спадают сомнения и опасения: дух воспрянул, сердце забилося сильнее, и разом будущее, глядевшее пасмурно, осветилось безоблачным светом», – писал Мещерский в «Дневнике». Речь явилась для него духовным продолжением эпохи Александра III, и «духовные очи как будто видели образ почивающего отца – благословляющего с улыбкой отрады и одобрения державного сына, идущего на трудный путь служения России, и поднявшего высоко как он, твёрдой и мощной рукой священный стяг самодержавия»²⁰⁷.

Заметка, опубликованная по тому же поводу «Новым временем», напротив, весьма сдержанна и представляет собой фактически лишь пересказ Речи без комментариев редакции. Здесь уместно привести наблюдение С.С.

²⁰⁵ День коронации // Новое время. № 7258. 14 (26) мая 1896. С. 1.

²⁰⁶ Ольденбург С.С. Царствование Николая II. С. 53.

²⁰⁷ Дневник // Гражданин. № 18. 18 января 1895. С. 1.

Ольденбурга о «внутренних обзорах толстых журналов». «Северный вестник» «в оглавлении отмечает на первом месте речь государя к земским делегациям, затем ряд мелких событий. В тексте приведена речь государя: ни слова комментария; обзорное прямо переходит к очередным мелочам. “Цензурного сказать нечего”, – ясно говорила редакция читателям»²⁰⁸. Но подобную же характеристику можно отнести и к освещению речи «Новым временем».

Встречались в «Новом времени» и более метафизические рассуждения о царской власти. Интересные мысли об Иване Грозном как самодержце были высказаны в статье В.Л. Кигна (под псевдонимом Б. Дедлов), посвящённой изданному альбому эпических картин Виктора Васнецова. Картина, изображающая царя – «взятого не исторически, а по народным песням» – дала автору статьи повод сравнить жестокость правителя русского и западного: «На Западе Грозный был бы Людовиком XI, коварным и ненавистным тираном... Народный Грозный не гадок, как тиран Людовик, а величественен, как Божий гнев». Царь исполняет повеление, данное от Бога, – быть наказанием для подданных, – но для него самого это является тяжким крестом, «он страдает под тяжестью своего назначения». Он «каратель, но и страдалец; мучитель, но и мученик»²⁰⁹. Эти размышления оказываются более схожи с тем, как отношения Бога, царя и народа описывал Мещерский. Но мысли такого рода не характерны для газеты и выглядят исключением на фоне текстов, обращающихся к более приземлённым вопросам труда и прогресса.

Итак, царь должен двигать государственную работу, способствовать прогрессу и соответствовать национальному духу – к таким идеям сводятся процитированные нами упоминания «Нового времени» о самодержавии. При этом сакральное понимание царской власти, ярко проявившееся в текстах Мещерского, если и присутствовало, то носило скромный и достаточно

²⁰⁸ *Ольденбург С.С.* Царствование Николая II. С. 53.

²⁰⁹ *Дедлов Б.* Эпические картины В.М. Васнецова // Новое время. №8947. 23 января (5 февраля) 1901. С. 2.

эпизодический характер. Выше мы указали параллель мысли Мещерского и Чичерина, но у него же находится соответствие и практическому взгляду «Нового времени». Так, в том же труде Чичерин писал о том, что великие нововведения «совершались либо деспотизмом, либо революцией, лучше сказать – деспотизмом сверху или деспотизмом снизу». Сильная власть «нужнее, нежели когда-либо» при реформах и кризисе. Для того, чтобы ввести новый порядок, необходимы «её бдительное око и её настойчивая деятельность»²¹⁰.

Другая характерная идея «Нового времени» – представление о народе как основе самодержавия. По этому поводу газета прямо полемизировала с «Гражданином», что видим, например, в статье без подписи «Предательская нескромность» от 10 февраля 1894 г. В статье приводились факты из истории России, указывавшие, по мнению автора, на то, что «не в дворянстве опора нашего самодержавия – слишком это была бы утлая для него опора, – а в той нравственной силе самого самодержавия, которая ставит его выше всяких отдельных, временных и случайных интересов и общественных групп», являя «источник власти, ко всем равно благожелательной, милостивой и беспристрастной».

В качестве таких фактов указывалось всесловное избрание на царство Михаила Фёдоровича Романова, спасение Руси от «воров» (среди которых, как тут же напоминалось, «стояли многие родовитейшие люди») силами всего народа, опора «великого преобразователя России» Петра I «на людей всякого звания». Претензии на то, чтобы быть «опорой самодержавия» могли, по мнению автора, «родиться только в нездоровом и невменяемом состоянии духа, известном у психиатров под специальным термином мании величия»²¹¹.

Столкновения по вопросу об основах самодержавия происходили у «Гражданина» с С.Н. Сыромятниковым. А.С. Карцов проводит здесь параллель с критикой Мещерским работы Л.А. Тихомирова «Единоличная власть как

²¹⁰ Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 2002. С. 126–134.

²¹¹ Предательская нескромность // Новое время. 10 (22) февраля 1894. № 6449. С. 1.

принцип государственного строения», в которой Тихомиров рассматривал земские собрания как способствующие укреплению самодержавия. «Те же предпосылки сделали в 1900-е гг. объектом атак “Гражданина” концепцию “нового” или “прогрессивного” консерватизма. Одному из его зачинателей, С.Н. Сыромятникову... в разное время доставалось от “Гражданина” за культивирование лозунга “народности самодержавия” в ущерб сословности... и даже за посягательство на самодержавие как таковое»²¹².

«Необходимость уничтожения дворянства, по словам г. Сигмы, понимали не только он, Сигма, но и все русские государи», – говорилось в статье «Неоконсерватор», вышедшей в «Гражданине» 29 марта 1901 г. и подписанной «Деревенский житель». В противовес журнал указывал на мероприятия самодержцев, направленные на укрепление дворянства – «Жалованную грамоту» Екатерины II, назначение земских начальников исключительно из дворян при Александре III, утверждал, что из крестьянского и земского самоуправления ничего не вышло. Крестьяне своё право самоуправления «весьма добродушно продали за несколько вёдер водки местным Колупаевым», а земство занималось не хозяйством, а «сочиняло конституции». Основная идея – без такой опоры престола, как дворянство, никакое самоуправление ни к чему доброму не способно.

В качестве вывода статья ссылалась на слова самого Мещерского, который «однажды метко выразился», что «Россия не может быть с самодержавием сверху и с республикою снизу». Вспомнил «Гражданин» в связи с критикой Сыромятникова и «диктатуру сердца» Лорис-Меликова, предупреждая, что в случае прихода к власти «нового Лорис-Меликова» его, «Гражданин», запретят, а «Сигмой воспользуются, как орудием, чтобы под флагом самодержавия и народности осуществить свои замыслы, направленные к ниспровержению русского государственного строя»²¹³.

²¹² Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX века. Князь В.П. Мещерский. С. 43–44.

²¹³ Деревенский житель. Неоконсерватор // Гражданин. № 24. 29 марта 1901. С. 3–6.

Сыромятников, со своей стороны, последовательно придерживался взгляда на самодержавие как «народное», но не «элитарное». В цикле «Дома» 12 мая 1902 г. он писал, что «какую бы область русской жизни мы ни изучали, мы непременно придём к царскому земскому делу, к местному самоуправлению, основе русского самодержавия». Сыромятников спорил с тем, что основой самодержавия должна быть бюрократия. Он упоминал книгу П.Н. Ардышева «Абсолютная монархия на Западе», которая, хотя и была написана «в духе наивного либерализма», но могла «дать средство уяснить себе, как далека русская государственная идея от идей испанского, французского, австрийского абсолютизма» – далека именно отсутствием опоры на бюрократию. Русская государственность – «не от ярышки и пристава, а от сердца и разума»²¹⁴.

Взгляды «Гражданина» и «Нового времени» на взаимоотношения самодержавия и народа имели между собой как сходство, так и различие. Оба издания высказывались против «средостения» между монархом и народом, в чём мы далее ещё сможем убедиться. Апелляции Мещерского к «любви и воле» и Сыромятникова к «сердцу и разуму» представляются очень близкими, даже однотипными. Идеей, которая разделяла их и обусловила конфликт, была иерархия. Для Мещерского единение царя с народом не оборачивалось основанием самодержавия на самоуправлении. Вместо этого опору престола «Гражданин» видел в его верных слугах – поместных дворянах.

В связи с изложенным стоит обратить внимание на два письма, написанные Суворину из Николаева Херсонской губернии читателем, подписавшимся как «Южанин». Первое из них было отправлено 9 апреля 1904 г. и, как в нём говорилось, «мы, николаевские патриоты желали бы чтобы вы зычно прокричали русскому обществу что наш дорогой государь Николай Александрович умница, что он мог-бы очень много сделать для своей России, но он задыхается в петербургских миазмах, интриг подлостей, сибаритства, он

²¹⁴ *Сигма*. Дома. Ч. XIX // Новое время. 12 (25) мая 1902. № 9405. С. 2.

задыхается в этих пошлых отжитках старинного русского барства». Николаевские патриоты задавались вопросом: «Неужели ужасы революции должны разрешить эту массу назревших вопросов русской жизни», – и тут же далее писали: «русское неограниченное монархическое правление при иных обстоятельствах могло-бы блестяще доказать, что это ложь», но оно одиноко, оно «недостаточно понимаемое» и «неподдерживаемое лучшими силами государства оно не может проявить всех своих могучих сил».

Далее в письме шли призывы к упорной работе. «Мы не желаем работать, мы гораздо больше склонны, кутить, развратничать, жирно жрать, хныкать и клянчить, капризничать». Неясно, кого имел в виду автор, но он утверждал, что «ничтожные гниды... паразиты государственного организма и те гораздо больше нас работают и в особенности гораздо энергичней нас работают». Слова «гораздо энергичней нас» написаны нарочно крупнее и подчёркнуты. «Пора от слов перейти к делам большим и трудным делам», а Суворин и другие должны руководить процессом: «Представители печати, начинайте, вы – наши полководцы». Работа должна вестись «систематически. Постоянно, упорно, неуклонно, но энергично, энергично, энергично». Таковы были «мысли и настроение николаевцев»²¹⁵.

Через два дня, 11 апреля, Южанин послал Суворину ещё одно письмо с жалобой на то, что «поразвелось у вас там в Питере швали разной, и чего вы только смотрите, и что Вы только думаете». «Большим местом» России в письме называлось «отсутствие руководителей, вожаков». Иностранцы «нас сбили с толку... отняли веру в наших государей». Нужен человек, «который-бы всю Россию поднял до единого человека». Великий народ «никто не приподымает кроме его государя», слово «государя» подчёркнуто. «Суворин, ударь в бубны! Поддержи государя». Государь хорошо воспитан, но «малосилен», ему надо дать «все наши духовные и умственные силы». Мы отдадим себя государю и «поведем Россию к её великому будущему».

²¹⁵ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 813. Л. 106–107.

Южанин призывал Суворина: «Соберите представителей всей русской печати и вообще всё что есть у вас там в Питере лучшего». Интересно, какой пример плодотворной работы приводился в письме: «Америка собралась из разных авантюристов, а посмотрите куда она идет, у нас и многовековая работа – и толку никакого, а все эти местничества»²¹⁶. Эти письма представляется очень хорошо вписывающимися в общее направление «Нового времени».

Что же до сакрального понимания самодержавия, то о нём Суворин высказывался в личных текстах не просто скептически, но даже с неприкрытым цинизмом. В своём дневнике 15 февраля 1900 г. он сделал запись под впечатлением от статьи В.А. Гольмстрема в «Санкт-Петербургских ведомостях» о гибели Англии от парламентаризма: «Самодержавие куда лучше парламентаризма, ибо при парламентаризме управляют люди, а при самодержавии Бог. И притом Бог не видимый, а точно ощущаемый. Никого не видеть, а всем тяжело и всякому может быть напакощено выше всякой меры и при всяком случае. Государь учится только у Бога и только с Богом советуется, но так как Бог невидим, то он советуется со всяким встречным, со своей супругой, со своей матерью, со своим желудком, со всей своей природой, и всё это принимает за Божье указание»²¹⁷. Тут «священное самодержавие» и «связь монарха с Богом» откровенно показаны как не более чем фикция, прикрывающая то прозаическое и печальное положение вещей, когда «всякому может быть напакощено».

И относительно самодержавия как двигателя прогресса Суворин на самом деле шёл дальше того, что открыто провозглашалось в его газете. Об этом свидетельствует его письмо С.Ю. Витте, написанное в 1902 г. как ответ и комментарий на его конфиденциальную записку «Самодержавие и земство» (1898 г.). Записка эта, хотя и была конфиденциальной, была опубликована в 1902 г. журналом «Освобождение», в котором Суворин её, видимо, и прочитал.

Письмо Суворина известно исследователям. Его фрагменты находятся в

²¹⁶ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 813. Л. 108–109.

²¹⁷ Суворин А.С. Дневник. С. 364–365.

дневнике издателя, в 2000 г. оно было частично опубликовано в статье²¹⁸. В 2002 г. А.Ю. Минаков опубликовал письмо полностью, снабдив предисловием и комментариями. Наконец, в 2010 г. письмо вошло в сборник сочинений Витте.

В этом письме Суворин позволил себе откровенно высказать собственные убеждения. Так, о самодержавии он писал: «Самодержавие должно эволюционировать, как эволюционирует все в мире. Оно обязано применяться к движению жизни, к новым потребностям, к литературе, даже к новым путям сообщения, к телеграфу, телефону и проч.». Оказывается, самодержавие не только обеспечивает прогресс и служит источником доброго труда – оно само должно следовать за прогрессом, «в ногу со временем».

«Надо сохранить корень, а не ветки», – писал Суворин. Но дерево самодержавия не может расти так же, как и раньше, на изменившейся почве. Все прошедшие реформы «невольны и по самой своей сущности предполагали эволюцию самодержавия и действительно тому способствовали». Сенат, Совет министров, суд присяжных, освобождённое крестьянство и, наконец, растущие просвещённые сословия, позволяющие себе критиковать существующий порядок вещей, вынуждают царскую власть действовать по-другому, не так, как раньше. Россия от неё оказывается закрытой: самодержавие «не может даже видеть Россию, не может узнать всех ее полезных и даровитых людей, которые могли бы сослужить государю и стране искреннюю и хорошую службу». Его будущее в союзе с местными силами: «Самодержавие может расти с земством, со свободной помощью местных сил». Но от решительных выводов о том, что же необходимо делать, Суворин отказался, поскольку «всегда был очень далек от всяких “проектов реформ” и терпеть не мог их, когда с ними выступали журналисты, облакая их даже в параграфы»²¹⁹.

По мнению издателей дневника Суворина, письмо «показывает весь

²¹⁸ Суворин А.С. Порядок и свобода / Публ. А.Ю. Минакова // Берег. Воронеж, 2000. 12 мая. С. 12.

²¹⁹ Письмо А.С. Суворина С.Ю. Витте // *Витте С.Ю.* Избранные труды. С. 529–534.

спектр политических взглядов» своего автора, «постоянно колеблющихся между консерватизмом и радикализмом»²²⁰. Минаков не согласился с этим утверждением, посчитав, что «никакого “радикализма” в записке нет, она написана с умеренно-консервативных позиций», а её «радикальные» положения вроде возможности созыва Земского собора «были достаточно традиционны для неославянофилов конца XIX – начала XX в.»²²¹.

Похожие мысли можно видеть и в переписке Суворина с В.В. Розановым. В письме от 6 июня 1900 г. Суворин высказал следующее соображение: «Государство не есть что-то неподвижное... Без Петра и Екатерины, после страшной николаевской реакции, общество созрело и двинуло государство. Значит, оно растёт и развивается, независимо от Петра и Екатерины. Теперь вместо Петра – литература, журналы, такие писатели, как Толстой, Достоевский, Гоголь, Пушкин»²²².

Схожа с этим и запись, которую Суворин сделал в своём дневнике 29 мая 1901 г.: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии... Герцен громил из Лондона. Толстой громит в Лондоне из Ясной Поляны и Москвы».

Когда-то Пётр двигал общество (здесь Суворин это признал хотя бы косвенно, хотя Петра и его время, как помним, он оценивал весьма негативно), теперь общество движется само благодаря художественной литературе. Здесь стоит сказать и о том, что в то время вообще распространилось мнение о литературе как «учебнике жизни», который способствует нравственному прогрессу. «Русская литература начинает в секулярной культуре и в секулярном обществе претендовать на иную, заместительную роль, ту роль,

²²⁰ Суворин А.С. Дневник. С. 474.

²²¹ «Самодержавие может расти с земством...»: Полемика А.С. Суворина с С.Ю. Витте / Предисл., публ. и коммент.: А.Ю. Минаков // *Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – начале XX века*. Воронеж, 2002. С. 247.

²²² Суворин – Розанову, 6 июня 1900 г. // *Розанов В.В. Собрание сочинений*. Т. 22. Признаки времени. (Статьи и очерки 1912 г.). М., 2006. С. 299.

которую ранее выполняла религиозная, духовная литература, – это учительство, морализаторство, проповедь»,²²³ – говорит об этом явлении священник Георгий Ореханов в книге о конфликте Церкви с Л.Н. Толстым.

Интересно, что Южанин в приведённых выше письмах прямо выступал против веры в литературных деятелей как способных «поднять Россию»: «Ну что эти там Горькие Толстые и проч. Выскочат, покричат, покричат и спрячутся»²²⁴.

Сам Розанов, спустя более 18 лет после процитированного письма Суворина, в «Апокалипсисе нашего времени» говорил о литературе с резким осуждением, обвиняя её именно в том, что ничему хорошему никого она не научила. «Мы, в сущности, играли в литературе. “Так хорошо написал”. И всё дело было в том, что “хорошо написал”, а что “написал” – до этого дела никому не было». И далее, словно отвечая на давнее письмо Суворина: «Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только, “как они любили” и “о чём разговаривали”»²²⁵.

В своём письме Витте издатель «Нового времени» разошёлся с «Гражданином» гораздо больше, нежели в открытых публикациях. Мещерский говорил об особенностях самодержавия, независимых от изменений в государстве и обществе: благословение Бога, воля монарха, любовь между ним и подданными. Суворин рассматривал конкретные функции. Если изменялось что-то в обществе и государственном управлении – неизбежно изменяется и самодержавие. Подход «Гражданина» принципиально другой – не реформы влекут за собой самодержавие, но только самодержавие может не только дать реформы стране, но и самой своей неограниченностью обеспечить их доброкачественное направление и предотвратить сползание к разрушению.

Тем не менее, Суворин не отрицал роль императора как личности в историческом процессе. В начале 1900 г. он сделал в дневнике такую запись:

²²³ *Свящ. Г. Ореханов. Русская Православная Церковь и граф Л.Н. Толстой: конфликт глазами современников. М., 2010. С. 256.*

²²⁴ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 813. Л. 108.

²²⁵ *Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Опавшие листья. М., 2015. С. 490.*

«Александр III русского коня всё осаживал. Николай II запряг клячу. Он движется и не знает куда. Куда-нибудь авось придёт»²²⁶.

Наконец, упомянем мысли о власти в России, высказанные на страницах «Нового времени» С.Н. Сыромятниковым. В своих «Опытах русской мысли» он заявлял, что «самодержавие есть защита русской народности». Далее он излагал историю самодержавия в России и его истоки, при этом у него причудливо переплеталась тема восточная и христианская. Призвание варягов было «неудачно», оно «не спасло нас от рабства», зато «государственную идею дал нам Восток через Византию и татар, ибо византийское государство было идейным наследником Персидской монархии, а татары, став покорителями Китая, сделались учениками и проводниками китайской политической философии».

Государственная сила России вышла «из рук византийской церкви и китайской государственной мысли»²²⁷, утверждал Сыромятников. Подобная историософия представляется весьма парадоксальной, однако публицист не объяснял, ни что именно Византия заимствовала из Персии, ни что Россия – из Китая, ни как византийское христианство сочеталось с китайской мыслью. Пожалуй, всё, что можно вынести из этих утверждений – это ощущение причастности русской государственности к Востоку, противоположному романо-германскому началу и понимаемому весьма широко.

Подводя итоги, можно сказать, что связь царя с народом в «Гражданине» описывалась иерархически: народ добровольно подчинялся государю, государь охранял народ от угроз (например, конституции), и они были едины во взаимной любви. Отрицалась и неоконсервативная идея об основании самодержавия прямо на народном самоуправлении, а не на дворянской элите. В то же время князь Мещерский был убеждён в необходимости нахождения вокруг самодержца круга помощников из числа элиты, которые должны были знакомить его с насущными проблемами жизни страны и помогать

²²⁶ Суворин А.С. Дневник. С. 366.

²²⁷ Сигма. Опыты русской мысли // Новое время. 5 (18) ноября 1900. № 8870. С. 2.

вырабатывать верные решения. Себя Мещерский с молодости видел одним из таких помощников.

Взгляд «Нового времени» на самодержавие, во-первых, определённо более прагматичен. Царь в публикациях газеты показан не «духовным вождём», а примером государственной работы и «национального духа». Во-вторых, иначе выглядела и его связь с народом: не царь с высоты охраняет и направляет народ, но народ его поддерживает. Эта поддержка заключалась в самоорганизации, пример которой – «земская работа».

В определённом отношении позиции Суворина и Мещерского схожи. И тот, и другой декларировали согласие с необходимостью прогресса, движения вперёд в России и находили, что это не противоречит самодержавию. И тот, и другой считали, что именно самодержавие может и должно осуществлять такое движение, руководить работой. Но если для Мещерского царь являлся двигателем прогресса как верховная сила, нравственный авторитет и своего рода арбитр между либералами и консерваторами, то Суворин представлял самодержавца как орудие безличного движения истории. Мещерский был уверен, что прогресс в России должен соответствовать традиционным ценностям, в первую очередь, самодержавию, а Суворин считал, что самодержавие должно приспособливаться к новым условиям жизни. Это различие можно назвать основным и принципиальным в вопросе об отношении «Нового времени» и «Гражданина» к самодержавию.

2.2. Бюрократия

Под бюрократией в данном случае мы понимаем всю совокупность чиновнического правительственного аппарата, включающего в себя представителей как центральной, так и местной власти.

К концу XIX в. правящая бюрократия подвергалась в обществе многочисленным нападкам. «Жалобы на “бюрократию”, на “средостение”

были весьма распространены в русском обществе»²²⁸, – писал С.С. Ольденбург. «Корень зла был в глубокой розни между властью и значительной частью образованного общества. Русская интеллигенция относилась к власти с определённой враждебностью, которая порой принимала более откровенные формы, порой загонялась вглубь, с тем, чтобы вновь появиться с удвоенной силой»²²⁹. Кн. В.А. Оболенский вспоминал, что его в его поколении утвердилась мысль о чиновнике как «противнике», который «приносит вред народу уже тем, что усиливает правительственную власть»²³⁰. Критика при этом шла и справа, и слева. В либеральной среде считалось, что «ординарным стилем поведения чиновничества были... бессмыслица и мертвенность»²³¹. Деятель противоположного лагеря – Л.А. Тихомиров – «человечность государственного деятеля... считал качеством, прямо противоположным бюрократизму»²³².

Критические оценки постоянно встречаются и на страницах исследуемых нами изданий. Князь Мещерский высказывался о бюрократии самым жёстким образом, обвиняя её представителей в содействии революции. «Образ “тайного советника”, потворствующего смуте и исподволь подтачивающего твердыню самодержавия, не сходил (в качестве мишени для публицистского обстрела) со страниц “Гражданина”»²³³, – пишет А.С. Карцов. Отрицательное отношение к чиновнической бюрократии стало характерным для Мещерского с 1870-х гг., когда его постигло разочарование в результатах реформ. В 1879 г. он опубликовал книгу «В улику времени», в которую входила статья «Нигилизм – порождение либерально-чиновничьего Петербурга». В ней доказывалось, что нигилизм и терроризм явились порождениями

²²⁸ *Ольденбург С.С.* Царствование Николая II. С. 14.

²²⁹ Там же. С. 33.

²³⁰ *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 102.

²³¹ *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 42.

²³² Там же. С. 50.

²³³ *Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX – нач. XX века (князь В.П. Мещерский). С. 135–136.

«беспочвенного» Петербурга, в котором резче всего заметен «дух безнародности, дух безыдеальности, дух безверия». В силу этого и для нигилиста-террориста, и для чиновника всё равно, чем обернутся их действия, – первый стреляет, второй пишет бумаги, и «у обоих нет ни чувства народности, ни чувства своего органического объединения со своим исторически живым государством»²³⁴.

Петербургский чиновник стал для Мещерского примером оторванного от народа интеллигента и либерала. «Важнейший для взглядов зрелого Мещерского концепт»,²³⁵ – так назвал мнение о единстве бюрократии с «беспочвенным» либерализмом в своей диссертации И.Е. Дронов.

И в XX веке в «Гражданине» чиновник продолжал изображаться союзником либералов. Чтобы не любить «власти, близкой к народу», «надо быть родным братом петербургского чиновника, то есть не знать ни русской истории, ни русской деревни», объяснял Мещерский в феврале 1902 г. Речь шла о земских начальниках: «С минуты зарождения этого учреждения – “власти сильной и близкой к народу” – оно стало немило петербургскому чиновнику и российскому либералу интеллигенту, первому – потому что оно не его формации, не его духа... оно действительно изображает собою власть сильную и близкую народу, в среде, где, по убеждению петербургского чиновника, лучше было бы власть изображать ему, а по убеждению российского либерала интеллигента – лучше было бы воспитывать народ в атмосфере безвластия»²³⁶.

«Чиновничество» и «Петербург» выступали синонимами в текстах «Гражданина». Петербург – не просто город и не только столица, но целый мир, по своим идеалам и стремлениям чуждый и даже враждебный «коренной России», русскому народу и провинции. Петербург пребывал в мире

²³⁴ Нигилизм – порождение либерально-чиновничьего Петербурга // *Мещерский В.П.* За великую Россию. Против либерализма. М., 2010. С. 261–262.

²³⁵ *Дронов И.Е.* Разработка консервативной концепции развития России в творчестве В.П. Мещерского: дисс. канд. ист. наук. М., 2007. С. 83.

²³⁶ *Икс.* Речи консерватора // *Гражданин.* № 15. 21 февраля 1902. С. 2.

собственных представлений, очень далёких от реальной русской жизни. Об этом князь писал, например, в июне 1896 г.: «Многие создают себе, живя в мире петербургских иллюзий, целое верование в будущее России, основанное на соображениях, что у нас громадная армия солдат, что у нас такая же громадная армия чиновников и что, следовательно, спокойные извне, спокойные внутри, мы идём по восходящей линии к дальнейшему своему развитию».

Этот спокойный оптимизм ложен, утверждал Мещерский, по той причине, что он игнорирует вопрос о духовной основе жизни государства и общества. Это «умственное течение» «не только совершенно равнодушно к вопросу кто руководит народом – но даже, как будто, отдаляет от себя всякую мысль о руководстве народом». Князь указывал, что подобного направления придерживается интеллигенция и большинство чиновников и сановников, и состоит оно в том убеждении, «что можно, обеспечив Россию войском, полицией, чиновниками, фабриками и школами, вести её к светлому будущему, нисколько не задаваясь вопросом: “Кто же будет сто миллионов народа вести духовно?” Деньги будут поступать, бумаги будут писаться, фабрики и заводы будут строиться, школы будут учить и развивать, университеты будут раздавать дипломы, дипломы будут создавать интеллигенцию, и Россия будет развиваться и крепнуть, и притом Россия народная, Россия всесловная и бессловная, Россия, – как духовное детище её тайного советника и её интеллигента»²³⁷.

Представления, которые здесь Мещерский связывал с чиновничеством, имеют характер технократии. Государство описывалось как огромный механизм, который стоит верно отрегулировать во всех деталях, и он будет работать – всё будет «строиться, развиваться, создаваться» и в таком качестве спокойно катиться в светлое будущее. Опасность подмены человека техникой с забвением ценностей – вот та перспектива, о которой предупреждал текст. По

²³⁷ *Икс*. Речи консерватора // Гражданин. № 44. 2 июня 1896. С. 4–5.

сути, это та же проблема и та же тема, что и либеральная «доктрина» интеллигентов с её восприятием России как «залы для опытов» и чуждостью народу.

Чиновничество вообще погрязло в делопроизводстве, которое в значительной степени бессмысленно и вредно для самих исполнителей. «Интересен этот психический мир делопроизводства в особенности тем, что, казалось бы, кому как не ему позаботиться об уменьшении переписки и об упрощении делопроизводства или о децентрализации, прямо в личных интересах здоровья и благополучия», – отмечал Мещерский, указывая, что все попытки продвинуться в этом направлении сводились к нулю, и «чиновники как будто предпочитали преждевременные болезни и немощи от усиленной работы всякой попытке к уменьшению делопроизводства»²³⁸.

Хочется особо отметить этот мотив, проходивший в различных текстах Мещерского и «Гражданина» – неприязнь к обезличенности, формализму, замене человека функцией. В своих воспоминаниях князь противопоставлял атмосферу принадлежавшей его семье деревни с Училищем правоведения, в котором он учился. В деревне «мой отец не только в каждом мужике уважал человека, во Христе брата, но родного, близкого ему, милого ему сына». В подготовительных классах училища «мы чувствовали себя как будто в своём доме, своей семье; каждый из нас сознавал свою детскую личность не только существующей для наших воспитателей, но до известной степени им близкой... самая строгость никогда не теряла характера семейного, дружеского или отцовского обращения».

Напротив, при поступлении в училище «мы скоро поняли и почувствовали, что становились номерами, под которыми справляли свою функцию воспитанника»²³⁹. Но необходимо и уточнить, что установившуюся в училище после европейских революционных событий 1848–1849 гг., при директоре Языкове и инспекторе Рутенберге атмосферу военной дисциплины

²³⁸ Дневники // Гражданин. № 3. 13 января 1900. С. 25.

²³⁹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. С. 12–13.

Мещерский в общем не осуждал, находя полезной для воспитания.

Противопоставление петербургской технократической среды и традиций личных отношений, сохранявшихся в провинции, можно видеть в статье «На земле», опубликованной в «Гражданине» с подписью «Тамбовский дворянин» 7 марта 1902 г. Речь в ней шла о скончавшемся приказчике Меркуле. И если чиновники, домовладельцы, директора банков легко заменяют умерших работников, то такого, как Меркул, заменить невозможно. «Высокий чиновник на похоронах своего секретаря или начальника отделения знает, что место покойного будет занято подходящим человеком, чающим повышения... а что вы сделаете на земле, когда лишаетесь человека, в памяти которого сосредоточивались все крупные и мелкие дела имения». Завершил свой рассказ автор таким обращением: «Господа первокурсники, добывающиеся каких-то прав! Заслужите ли вы когда-либо такого почёта, с каким хоронили полуграмотного приказчика Меркула простые необразованные мужики!»²⁴⁰

Интересный текст о чиновничестве Мещерский поместил в «Дневниках» 26 ноября 1898 г. Говоря о слухах об уничтожении Табели о рангах, он признавался, что «всё-таки мне грустно становится при мысли увидеть матушку-Россию без культа чина в гражданской службе» и что «табель о рангах драгоценная историческая святыня, которую нужно беречь, ибо она имеет свой психический мир». Но чины Мещерский рассматривал как «наслаждение» для чиновника, сопровождающее его службу, и говорил об этом наслаждении с неприкрытой иронией: «В доме или на лестнице, где раздаются слова: доложи: тайный советник такой то, – несётся струя благовония, счастливый тайный советник это знает и чует это даже тогда, когда насморк затыкает ему нос». Заканчивая текст на более мрачной ноте, Мещерский писал о виденной им на кладбище Александро-Невской Лавры надгробной надписи: «Ещё десять дней и он был бы статским советником», – и заключал: «Вдумайтесь в эту надпись, сделанную в торжественную минуту смерти... Не

²⁴⁰ Тамбовский дворянин. На земле // Гражданин. № 18. 7 марта 1902. С. 5–6.

доказывает ли она громче всяких аргументов, как гражданский чин глубоко и нераздельно слился с жизнью»²⁴¹.

В связи с этим мы считаем нужным уточнить взгляд на Мещерского как «этатиста», который проводится в книге А.С. Карцова. Государство, его иерархическая структура действительно представляли ценность для князя. Но реализовывалось это государство в отношениях личностей, способных ко взаимной любви и служению. Государство не должно заслонять личность, превращать её в деталь аппарата, иначе оно превращается в «беспочвенный чиновный Петербург».

Бюрократия всё подчиняла мелочному и в конце концов бессмысленному делопроизводству, но другой проблемой, по мнению «Гражданина», являлось отсутствие дисциплины у российских чиновников. Дисциплина понималась им в политическом смысле: чиновники позволяют себе либеральные антиправительственные демонстрации, в то время как за границей это немыслимо. «Заграницей дисциплина для чиновника государственного управления есть нечто не только реальное, но для каждого столь же строго обязательное, как обязательна дисциплина военной службы... чиновник может иметь какие угодно политические убеждения, но проявлять антиправительственные убеждения для него точно так же немыслимо, как немыслимо солдату проявлять их в строе или в казарме»²⁴².

Можно сказать, обвинения чиновничества в «Гражданине» имели в себе парадоксальность, представляя бюрократов то попирающими служебной дисциплины, то сторонниками мёртвой законности в противовес традиции. «Всякий раз, когда петербургский чиновник высказывает мысль, что порядок в России поддерживает какой-нибудь текст закона или распоряжения или какие-нибудь агенты власти, я убеждённо ему возражал, что эта мысль — иллюзия, и что порядок в России, то есть в народе, то есть в деревне, поддерживает главным образом тот сельский священник, против

²⁴¹ Дневники // Гражданин. № 93. 26 ноября 1898. С. 18–19.

²⁴² Дневники // Гражданин. № 90. 21 ноября 1902. С. 15.

нравственного и умственного уровня которого так беспощадно восстают и воюют наши интеллигенты»,²⁴³ – писал Мещерский в «Дневниках» в январе 1902 г.

Тому, кем должен быть русский чиновник, «слуга государя» и что ему мешает, были посвящены «Речи консерватора» в «Гражданине» от 2 апреля 1898 г. Мещерский вспоминал предание о том, как при учреждении III отделения Николай I дал А.Х. Бенкендорфу платок с повелением «утирать слёзы». «Вот слова, которые каждому слуге государя в России, самому высшему и последнему, следовало бы до конца жизни запечатлевать в своей душе», – писал князь. «Быть царским платком, утирающим как можно больше слёз, – вот то главное призвание, которое царь возлагает на своего слугу и которого ждёт от него народ». Но «одних отдаляют от чужих слёз заботы о себе, других “монбланы” бумаг, за которыми ничего живого не видно», а третьих, которых «очень много развелось, – делает слепыми к слезам их служение либерализму». В этом «либералы, чиновники и карьеристы» являлись родными братьями: «Чужие слёзы до них не касаются»²⁴⁴. Таким образом, вновь журнал подчёркивал отчуждённость верящих в «доктрину» либералов и «заваленных бумагами» чиновников от народа.

В том же время Мещерский совсем не идеализировал бюрократию николаевского царствования. Он сам был на государственной службе в то время и в воспоминаниях дал ей неоднозначные характеристики. При выходе на службу при Министерстве юстиции выпускники Училища правоведения «сразу очутились в какой-то физической и нравственной суши и духоте, под непосредственным начальством людей самого настоящего чиновничьего типа». Главным впечатлением, с которым они начали свою службу, была «скука от мертвечины».

Характер службы Мещерский связывал с «характером нашего высшего начальства». В ту эпоху, когда «очень наглядно и осязательно везде загорелась

²⁴³ Дневники // Гражданин. № 4. 13 января 1902. С. 18.

²⁴⁴ Речи консерватора. Слёзы // Гражданин. № 26. 2 апреля 1898. С. 6.

жизнь новой эпохи», Министерство юстиции было «единственным», не дававшим «никаких проявлений новой жизни», и объяснял это автор характером В.Н. Панина. Для него «человека в чиновнике министерства юстиции» не существовало, жизнь от службы он «резко отделял». Под стать были и исполнители: директор департамента М.И. Топильский, у которого не было «ни убеждений, ни взглядов, ни намерений собственных», и товарищ министра П.Д. Илличевский, о котором «все знали, что он никак не думает».

Став стряпчим, Мещерский «прямо из палат сената» попал в «смрадное захоlustье». Он «сидел в комнате, где, я знал, всё живёт только для беззаконий и взяток, и на мне лежала обязанность ежедневно наблюдать за тем, чтобы не творилось ничего незаконного». И, тем не менее, он находил возможным ставить то время в пример современному, то есть концу XIX века. Тогда «не соблюдался святой принцип отделения власти судебной от администрации», то есть не было приоритета доктрины над жизнью. Теперь же, когда власти разделены, «наблюдать за ними некому»²⁴⁵.

Вопрос о бюрократии в «Гражданине» тесно связан с тем, каковы перспективы её замещения. Здесь Мещерский весьма неожиданно – если учитывать рассмотренные нами тексты «Гражданина» о негодности самоуправления – признавал, что самоуправление всё же нужно, как и децентрализация. Свидетельством этого стала его полемика с издателем «Русского труда» Сергеем Шараповым, развернувшаяся на страницах «Гражданина» в августе–сентябре 1899 г. «Я с своим собеседником ни в чём не расходился и, как он, приходил к заключению, что децентрализация есть единственное средство к в интересах и правительства, и народа к улучшению благосостояния», – писал Мещерский в «Дневниках», пересказывая свою беседу с Шараповым. «Бюрократия бесспорно вредна и тягостна», признавал князь, но «земство в своей деятельности превратилось в ту же бюрократию».

Решение проблемы Мещерский полагал в ценностях метафизического

²⁴⁵ Мещерский В.П. Мои воспоминания. С. 61–80.

порядка: «Дайте русское историческое и народное воспитание русскому современному человеку – и Россия будет спасена». В этом случае начальники сами поймут, что «децентрализация нужна для блага России и для прочности её самодержавного правительства и дадут широкий простор местному самоуправлению», а деятели последнего, в свою очередь, поймут, «что их интересы личные и общественные и местные требуют от них патриотического отдания себя всецело службе местного самоуправления»²⁴⁶. Итак, проблема не в учреждениях, проблема в людях, уверял Мещерский. Стоит их «правильно воспитать», и беспорядок уйдёт сам собой.

Шарапова такой подход не устроил, и он написал Мещерскому письмо, в котором говорил, что «людей переделывать – ох, мудрёная задача, да и длинная! А дайте рамки, приспособленные к наличным силам, лучшие в данную минуту, в данном составе». Именно «рамки», то есть правильно налаженное самоуправление, и воспитает людей, писал Шарапов. Он высказывался в духе, близком «Новому времени»: «Если наши предки умели не только самоуправляться под крепкою государственною властью, но и собственным почином умели создать и потом снова воскресить эту крепкую власть, то мы сумеем и подавно»²⁴⁷.

Мещерский отвечал сдержанно, признал, что письмо Шарапова «дышит жизнью» и был готов «отчасти... согласиться» с полезностью «рамок». Они – «полезная мера, но паллиативная», они могут «упорядочить действия, но не могут главного – вдохновить деятеля». «Самое простое живое дело» может уйти в «бюрократические эмпиреи» не «по злему умыслу чиновника», но потому, что «в его душе не оказывается того духовного элемента, которым он мог бы подхватить живую сущность дела». Если бы у людей были запасы любви «к родному и к долгу», то препятствия к самодеятельности только бы усиливали их «охоту работать», и тогда «местная жизнь могла бы

²⁴⁶ Дневники // Гражданин. № 64. 22 августа 1899. С. 14–15.

²⁴⁷ Сергей Шарапов. Два слова о самоуправлении (письмо издателю «Гражданина») // Гражданин. № 65. 26 августа 1899. С. 4–6.

вырабатывать не говорунов и не либералов, а живых и благородных деятелей». Таким образом, Мещерский оставался при своём мнении: главное – духовные ценности общества, формы – вторичны.

Шарапов желал продолжить полемику. Очевидно, он принимал тезис Мещерского о приоритете духа над формами. «Не рамки бюрократические ужасны, ужасен дух, калечащий всё живое, дух, жаждущий мрака», – писал он в следующем письме и предлагал Мещерскому вопрос: «Можно ли и если можно, то при каких условиях примириться с бюрократическим режимом? Где его границы?»²⁴⁸

Таким условием Мещерский считал воспитание, ссылаясь при этом на Англию и Германию. «Воспитание дало англичанину для политической жизни такой материал духовный, благодаря которому всё, что интересует других англичан, он считает делом родным и своим... так же, как в Англии, всякое немецкое дело немец считает родным и своим». В этом всё и дело, подготовка воспитанием даёт «прививку», предохраняющую от духа формализма. «Подготовленный школою русский человек получил то живое, которое не мог в нём убить формализм, а приготовленный школою русский чиновник получил тот формализм, который убил в нём всё живое»²⁴⁹.

Шарапов попытался подойти с другой стороны и привёл пример Финляндии, где благодаря реформам выработалась «сословность самая полная... самоуправление и “парламентаризм” без ответственных министров, без политических авантюров... Цензура и довольно строгая – и свобода печати, истинная, широкая. Чиновники – и полное отсутствие бюрократии»²⁵⁰ – и всё это благодаря самоуправлению. Мещерский в ответ замечал, что «финляндская жизнь ровно ничего не имеет общего с русскою ни по нравам населения, ни по истории её политической жизни»²⁵¹, к тому же местное самоуправление

²⁴⁸ *Сергей Шарапов*. «Рамки» (письмо к издателю «Гражданина») // *Гражданин*. № 66. 29 августа 1899. С. 4–5.

²⁴⁹ *Дневники* // *Гражданин*. № 66. 29 августа 1899. С. 15–16.

²⁵⁰ *Сергей Шарапов*. Историческое и современное // *Гражданин*. № 68. 5 сентября 1899. С. 3.

²⁵¹ *Дневники* // *Гражданин*. № 69. 9 сентября 1899. С. 21–22.

является основой не самодержавия, а финского конституционного строя.

Подробно излагать дальнейшую полемику нужным не представляется. Вся она, по сути, шла по одной схеме. Мещерский говорил о воспитании, Шарапов – о самоуправлении. Несмотря на всё уважение и понимание со стороны Мещерского, Шарапов получил в «Гражданине» обвинение в оторванности от жизни, которое, как помним, журнал постоянно обращал к либералам. Учителем Шарапова в «Речах консерватора» был назван И.С. Аксаков, и Шарапов «всецело проникнут обожанием к своему учителю и ему как будто бы милее жить в атмосфере его мечтаний, чем внимательно приглядываться к явлениям жизни, увы, полным разочарования и противоречия этим мечтаниям»²⁵².

Полемика Мещерского и Шарапова ещё раз открывает нам важную для понимания взглядов «Гражданина» и его издателя тему – приоритет духа над формой и человеческого фактора над административным. Мещерский не уставал писать, что главное – человек, если он будет воспитан в традиции любви к своему народу и стране, то несовершенные формы – ни бюрократические, ни земские – не смогут ему помешать. Наоборот, дух консерватизма исправит недостатки учреждений. Здесь можно провести связь с выше приведённым мнением князя, что «мы не доросли» до свободы.

В «Новом времени» критика бюрократии появлялась снова и снова на протяжении практически всего рассматриваемого нами периода. «Корни и плоды бюрократизма» – так называлась неподписанная статья, вышедшая в номере от 8 сентября 1895 г. «Миллион формальностей – вот в двух словах система нашего бюрократизма», – говорилось в ней сразу же. Бюрократизм – враг прогресса, его «плоды... так солонь для публики и, прибавим, так мало питательны для нашего прогресса». Автор утверждал, что «мы ведь все прогрессисты в душе и решительно все склонны воспламеняться благими прогрессивными стремлениями», но бюрократическая система действий, вне

²⁵² *Икс*. Речи консерватора // Гражданин. № 68. 5 сентября 1899. С. 3.

которой мы действовать почти не умеем, опутывает эти стремления «сетями и тенетами формализма» и хоронит их.

Кто же виноват в таком положении вещей? Не чиновники – они ведь «люди просвещённые и благонамеренные... цвет не только петербургской канцелярии, но и российской интеллигенции», к тому же они и сами становятся жертвами формализма. Проблемой является подозрительность, ставшая основой бюрократической системы. Правила нужны для того, чтобы не дать чиновнику «воровать или мошенничать» за счёт публики. Такое недоверие было особенностью старого строя, когда все дела «должны были решать непременно в коллегии (бюро) по крайней мере из трех лиц», но теперь этот строй почти изжит, и «единоличная воля ответственного начальника фактически является решителем всех дел» почти во всех центральных учреждениях.

Нельзя путать правительство с бюрократизмом, утверждала статья, оно само нуждается в искоренении бюрократического духа. Публика, по мнению автора, это уже поняла, и потому «во всех чрезвычайных притеснениях со стороны правил и порядков, состряпанных по бюрократическому рецепту, ищет защиты у высших правительственных лиц»²⁵³.

Из публиковавшихся в «Новом времени» авторов чаще всего о бюрократии говорил С.Н. Сыромятников. Одной из первых его статей, касающихся этого вопроса, стал выпуск цикла «Обо всём» от 28 января 1896 г. Пока что о чиновниках он писал уважительно. Их «аналитическая деятельность сама по себе настолько трудна, сложна и почтенна, что человек, исполняющий её добросовестно и успешно, заслуживает всякой признательности». Задача инициативных частных лиц – не «класть палки в колёса административной машины, а... облегчить её движение». В том, что «творчество, инициатива всегда пойдут не от чиновников, а от частных лиц... нет ничего обидного для чиновника, – писал Сыромятников, – ведь и в

²⁵³ Корни и плоды бюрократизма // Новое время. 8 (20) сентября 1895. № 7014. С. 1–2.

Московской Руси по большинству вопросов инициатива шла от земских людей в виде челобитий и жалоб»²⁵⁴.

О приоритете общественной инициативы над государственным регулированием Сыромятников стал жёстче писать с 1898 г. «Государство бессильно там, где общественная ячейка раздавлена, где между богатыми и бедными, между счастливыми и несчастными стоит непроходимая стена»²⁵⁵ – говорил он в статье «О духовном и физическом голоде» в номере от 19 апреля.

Со временем резкость оценок в текстах Сыромятникова заметно усиливалась. В статье «Великая добука» 11 апреля 1899 г. он объявил, что видел в России сильных характером и творческой мыслью только там, «где русский человек предоставлен самому себе, где его не водят на помогах люди, которые ниже его и по характеру, и по таланту, и по знанию его страны»²⁵⁶. Возможно, усилению неприязни публициста к бюрократии способствовало его путешествие в Китай в 1897 г. «Огромная анархия благовоспитанных людей, подчиняющихся развратным и бесчестным чиновникам»²⁵⁷, – писал он о своих впечатлениях от поездки.

Летом 1899 г. свою критику бюрократии Сыромятников связал с критикой социализма, которую мы рассмотрим далее, в параграфе «Либерализм и народ». Если в «Гражданине» социализм рассматривался как разрушительная доктрина интеллигентов-либералов, то Сыромятников называл социализмом положение, при котором отсутствует свободная общественная инициатива. «Если мы заменим все общественные функции чиновниками, то получится, несомненно, торжество государственного социализма», – писал он в статье «Мысли оптимиста», опубликованной «Новым временем» 6 июня. При этом, по его мнению, «не останется живых сил для питания этой системы, и она сама атрофируется с такой затратой силы

²⁵⁴ *Сигма*. Обо всём // Новое время. 28 января (9 февраля) 1896. № 7154. С. 2.

²⁵⁵ *Сигма*. О духовном и физическом голоде // Новое время. 19 апреля (1 мая) 1898. № 7952. С. 3.

²⁵⁶ *Сигма*. Великая добука // Новое время. 11 (23) апреля 1899. № 8305. С. 2.

²⁵⁷ *Сигма*. Поездка в Японию // Новое время. 15 (27) октября 1897. № 7771. С. 1.

и труда, которая окажется безумной растратой народных сил для будущего историка». Публицист исповедовал убежденность, что «будущность человечества в общении с природой, что канцелярия, как и фабрика, суть только временные переходные формы, ихтиозавры общественности, осуждённые на вымирание»²⁵⁸.

Через 6 дней, 13 июня, была опубликована статья Сыромятникова «Ещё раз об оптимизме». То, что Суворин высказал в частном письме о самодержавии – необходимость «соответствовать времени», – то Сыромятников открыто написал о чиновниках: «Система русского чиновничества трещит, ибо она должна применяться к требованиям времени». Он признавал, впрочем, что «как бы не было узко и заскорузло наше чиновничество... в нём есть такой же патриотизм, как и во всяком свободном гражданине земли Русской». Тем не менее «русский чиновник несносен, потому что он беспомощен», он непривычен к «борьбе живой жизни», а «всё новое кажется ему опасным». По Сыромятникову, всё шло к грядущей победе общественного самоуправления: «Отрицать земство как строй будущего, значит отрицать за русским народом право на существование в этом будущем»²⁵⁹.

Резким противоречием между «Гражданином» и «Новым временем» обернулся вопрос о том, каким образом должен пополняться контингент чиновников. Выше мы видели, как Мещерский мечтал о «правильном воспитании», которое должно противостоять формализму. Помимо этого, в «Гражданине» продвигалась и другая идея: чиновник должен быть элитой, в этом деле нельзя допускать массовости. Эти положения прямо связывались между собой. «В Англии, где для государственной службы готовится малый контингент избранных, с требованием... чтобы он был рождён и воспитан в известной среде с преданиями и принципами, – так силен и крепок государственный строй, и есть политическая школа», – писал Мещерский в

²⁵⁸ *Сигма*. Мысли оптимиста // Новое время. 6 (18) июня 1899. № 8359. С. 2.

²⁵⁹ *Сигма*. Ещё раз об оптимизме // Новое время. 13 (25) июня 1899. № 8365. С. 2.

«Дневниках» в августе 1898 г. И напротив, во Франции «к политической жизни и к управлению государством открыт доступ всякому с улицы»²⁶⁰, и там государственный строй представляет собой «разложение и растление».

«Новое время», со своей стороны, утверждало: образование народа должно привести к тому, что именно народ будет пополнять ряды управленцев. Прямо об этом говорила неподписанная статья «“Чиновники” – мужики», опубликованная 19 сентября 1901 г. «Было бы в высшей степени полезно постепенно создать крестьян-техников, крестьян специалистов». Такие «чиновники» (в статье это название использовалось закавыченным, поскольку речь шла не о чиновниках из департаментов, а технических специалистах), во-первых, будут дёшево обходиться государству, а во-вторых, «специалист из крестьян скорее проникнет в недра народной нужды, скорее вызовет крестьян на душевную беседу».

Существующие чиновники заняты не тем, что нужно деревне, «только одному народному учителю поручена созидательная культурная деятельность в деревне, да и тот находится в загоне». Признавалось и недоверие крестьян к представителям иных классов: «И барину, и чиновнику мужик боится доверять: первому – по привычке, второму – именно как чиновнику, который может только приказывать, а не учить уму-разуму»²⁶¹.

Нельзя не учитывать и того, что и Суворин, и Мещерский имели личные контакты с представителями управленческой элиты, что, несомненно, накладывало отпечаток на их к ней отношение. Отношения обоих издателей с чиновниками были непростыми, они могли непосредственно наблюдать ту сторону бюрократического мира, которая скрыта от большинства современников. Сведения такого рода можно почерпнуть из дневника Суворина. К примеру, в октябре 1896 г., в связи с запрещением выпуска «Гражданина» из-за критики в адрес французского президента Фора, Суворин записал: «Запрещение “Гражданина” не рекомендует ни ума, ни

²⁶⁰ Дневники // Гражданин. № 61. 6 августа 1898. С. 16.

²⁶¹ «Чиновники» – мужики // Новое время. 19 сентября (2 октября) 1901. № 9175. С. 2.

беспристрастия Горемыкина, который сделал это из-за личного нерасположения за статьи, которые его касались. Какой это государственный человек?!»²⁶² И через несколько дней о начальнике Управления по делам печати М.П. Соловьёве: «В разговоре с Соловьёвым меня удивляла какая-то черта не то глупости, не то наивности, зависящей не от ума, а от того, что он совсем не приготовлен к своей роли»²⁶³.

Или более общее умозаключение, сделанное Сувориным летом следующего года: «Министерские проекты очень приятны, давая возможность распоряжаться районами по произволу... Можно подкапываться под трон государя, но отнюдь не под трон министра, который имеет полную возможность вас устранить за какой-нибудь ничтожный пустяк»²⁶⁴.

Критика бюрократии в «Гражданине» и «Новом времени» схожа. В обоих изданиях чиновничество, «бюрократический дух» противопоставлялись жизни народа как она есть. Но в «Гражданине» критиковался именно «дух», схожий с либеральным: дух технократии и либерализма, не видящий реальной жизни за бесконечным делопроизводством. Несмотря на достаточно жёсткую критику и чиновничества, и самоуправления, «Гражданин» старательно напоминал о второстепенности внешних форм жизни по сравнению с человеческим фактором. «Новое время» обращало внимание не на воспитание в русле традиции, а на наличие самостоятельности, и видело в самоуправлении и инициативе решение проблемы бюрократии. Издания расходились в отношении того, чем именно вредна бюрократия: с точки зрения «Гражданина», она была проводником «либерального» направления, с точки зрения «Нового времени» – препятствием для развития народной жизни.

2.3. Земство

Вопрос о земстве был одним из важнейших в общественно-

²⁶² Суворин А.С. Дневник. С. 257.

²⁶³ Там же. С. 260.

²⁶⁴ Там же. С. 300.

политических дискуссиях рубежа XIX–XX вв. Проблемой было само существование общественного выборного института в жизни самодержавного государства. Сегодня – земство, завтра – конституция и парламент – такая логика проявлялась в размышлениях как консерваторов, так и либералов, представляясь угрозой первым и надеждой вторым. «Вся вообще работа земства и само его существование должны рассматриваться как преддверие конституционного строя»,²⁶⁵ – писал об этом В.В. Леонтович.

Надо сказать, что и о земстве как институте в целом, и о конкретной земской деятельности как «Гражданин», так и «Новое время» писали достаточно много и охотно.

Задолго до исследуемого нами периода, в 1860-х гг., князь Мещерский связывал с земскими учреждениями немалые надежды. Известны его слова из письма наследнику Александру Александровичу от 16 октября 1868 г., отправленного из Харькова: «Земство, по-моему, выше всех реформ царствования, после крестьянской; она не может сравниться ни с одной, с Петровского до нашего времени по своему значению в настоящем и для будущего, ибо она имела счастье быть с самого начала реформой чисто русской»²⁶⁶. И, как он писал далее, земство доступно крестьянину так же, как боярину и священнику.

Более того, через 4 года Мещерский в письме наследнику связывал усиление земства с грядущими государственными реформами самого, как можно понять, обширного характера: «Только тогда, когда все славные реформы прежнего времени утвердятся, когда восстановятся земство и суды, когда земство получит действительную хозяйственную силу, когда все национальные вопросы решатся твёрдо и неуклонно в пользу России, только тогда Вам будет возможно приступить к созыву представителей всего государства, для обсуждения вопроса о государственной реформе»²⁶⁷.

²⁶⁵ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914 / Исследования новейшей русской истории. Т. 1. М., 1995. С. 316–317.

²⁶⁶ Цит. по: Дронов И.Е. Путь консерватора. С. 21.

²⁶⁷ Письмо кн. В.П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу от 9 октября 1872 г. //

В целом, позиция Мещерского относительно взаимодействия самодержавия и самоуправления в 1860-х гг. сводилась к тому, что необходимо «сильное самоуправление (ибо только оно обеспечивает внутреннюю жизнь страны) при сильной же власти самодержавного государя»²⁶⁸.

Однако уже в 1870-х гг. у князя наступило разочарование, и в 1875 г. он опубликовал в приложении к «Гражданину» статью «Земская несостоятельность». В статье утверждалось, что земство не соответствует российским реалиям и то, что было после его введения достигнуто и решено, сделалось совсем не благодаря ему. Земская реформа оказалась «скорее произведением торжества чиновничьей лжелиберальной мысли или теории, чем практическим русским делом»²⁶⁹. Подобные пессимистические взгляды прослеживались и в рассматриваемый нами период.

Земство чуждо народу и русской истории, заявлял «Гражданин» в феврале 1902 г. «Один Бог знает, зачем навязали нашему отечеству земские учреждения, совершенно не применимые к нам, как по свойству характера русского человека, нисколько не интересующегося самоуправлением, так и, главным образом, по обширности пространств, редкости населения и отсутствию удобопроездных путей сообщения». Таким образом, здесь причиной несостоятельности земства указывались исторические и географические обстоятельства жизни в России, которые не позволяли земству приносить пользу. В результате «земское самоуправление обратилось у нас в разорительную эксплуатацию населения тесно сплотившимися партиями дельцов, совершенно чуждых земле»²⁷⁰.

«Да какое же может быть самоуправление, когда наши нравы препятствуют всякому правильному самоуправлению, и когда мы бываем сильны только под властью одного», – восклицал Мещерский в ноябре того же

Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878. М., 2014. С. 446.

²⁶⁸ *Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. С. 110.

²⁶⁹ *Князь В. Мещерский.* Речи консерватора. Вып. 1. СПб., 1876. С. 126–141.

²⁷⁰ *Семён Гижицкий.* Наше оскудение и дворянский вопрос // *Гражданин.* № 10. 3 февраля 1902. С. 5.

года. «Пока у нас нет чувства законности, мы не можем думать о самоуправлении»,²⁷¹ – здесь он вновь высказывал мнение о том, что Россия ещё далека от необходимых для гражданской свободы условий.

«А земство что же? Тут опять мы имеем дело с одним из проявлений его несостоятельности. Когда нужно шуметь из-за вопросов, никому не нужных, народного образования, когда нужно облагать – сдирая кожу с плательщиков, земство на лицо; но когда нужно в действительную минуту грозной народной беды действовать энергично и дружно, тогда земство исчезает с лица своей земли, и не сыщешь его следа»,²⁷² – писал Мещерский в «Дневниках» в июле 1898 г. Земство не желало решать реально существующие проблемы, зато старалось затронуть те вопросы, которые и до него прекрасно решались в русле традиции.

«Гражданин» публиковал и статьи, подписанные анонимными лицами из провинции, говорившие о бесполезности земства. В номере от 9 апреля 1898 г. появилась статья «Астраханского казака» «О земстве у казаков». «Что казак обеднел, это не подлежит сомнению; но, нам думается, что не земство спасёт его от обеднения», – говорилось в этой публикации. «Земство вне казачьих войск существует свыше 30 лет, но, признаться сказать, что-то не слышно, чтобы в каком-нибудь земском уголке нашего отечества особенно улучшилось крестьянское благосостояние». Реальные жизненные вопросы существовали вне компетенции земства: «Не верим мы, что земство прибавит рыбы в Волге; не надеемся, что на казачьи нивы будет выпадать больше дождей от того, что казакам будет дана ещё особая опека – земство»²⁷³.

В качестве причины несостоятельности земства «Гражданин» называл также различие между реальными нуждами народа и тем, что об этом думали либералы. «Вся беда в том, что, чем дальше русский интеллигент отходит от почвы народных нужд, чем меньше он знаком с историей русского государства

²⁷¹ Дневники // Гражданин. № 92. 28 ноября 1902. С. 17.

²⁷² Дневники // Гражданин. № 57. 23 июля 1898. С. 15.

²⁷³ Астраханский казак. О земстве у казаков // Гражданин. № 27. 9 апреля 1898. С. 9.

и русского народа, тем он фанатичнее мечтает о конституции»,²⁷⁴ – писал князь Мещерский в «Дневниках» в январе 1902 г. Крестьянин говорил, что ему нужна земля, хорошие дороги, возможность «хлеб не продавать осенью за 30 коп. для уплаты податей, с тем, чтобы весной платить за него 60 коп.», своими бедами крестьянин называл «пьянство, семейные разделы, безвластие, неуважение к собственности и т.д.»²⁷⁵. А «либералы-интеллигенты из дворян» говорили за крестьян: нужно поголовное просвещение и уравнение крестьян в правах с дворянами.

Представленное в «Гражданине» земство являло собой зримый образ разделения между народом с одной стороны и интеллигенцией и бюрократией – с другой. «Земство оказалось чиновничьим делом в каждой губернии дворянских интеллигентных кружков, отрезанных от своего сословия, в котором отсутствует на деле главная часть народа, главная часть земства – русский крестьянин». Отсутствие в земстве народа и присутствие в нём дворян в качестве «клоунов либерализма» «с самого начала обрекло земское учреждение на полное бессилие и медленное вымирание»²⁷⁶. Обоснованию такого взгляда и служили многочисленные публикации «Гражданина» по земскому вопросу.

Князь Мещерский был всё же готов признать возможность полезности земства, но для этого, по его мнению, нужно соблюдение определённых условий. В ноябре 1894 г. в «Речах консерватора» он писал, что принести пользу населению земство может только «в искреннем, доброжелательном отношении к власти, идя рука об руку с нею». Следуя этому принципу, оно может «развить в населении любовь к труду, к отечеству, чувство законности, уважения к личности, к собственности», осуществить «культурные начинания», которые без единства с властью «оставались лишь в области теоретических мечтаний» и «давали лишь тему либеральной газетной

²⁷⁴ Дневники // Гражданин. № 7. 24 января 1902. С. 21.

²⁷⁵ Речи консерватора // Гражданин. № 87. 10 ноября 1902. С. 3.

²⁷⁶ Дневники // Гражданин. № 10. 3 февраля 1902. С. 20.

болтовне». Чтобы это осуществить, земство должно само «перед лицом всей России добросовестно и открыто сознаться, что оно шло до сих пор по ложному пути, уклоняясь от единения с правительственной властью»²⁷⁷. Впоследствии, как мы увидим, о потенциальных возможностях земства «Гражданин» будет писать чаще и увереннее.

В отличие от «Гражданина», «Новое время» последовательно одобряло существование земства. Несколько интересных публикаций такого рода появилось на страницах газеты в июле–августе 1895 г. Статья «В защиту земств», опубликованная без подписи в номере от 31 июля, упоминала о брошюре «В защиту казанского губернского земства», написанной, в свою очередь, против статьи за подписью Н.С. в «Волжском вестнике», которая упомянутое земство критиковала. «Вестник» ставил земству в упрёк закрытие библиотек, воскресно-повторительных классов и вообще равнодушие к образованию и благосостоянию, брошюра же доказывала обратное.

«Новое время» не привело аргументов этой дискуссии, но заняло позицию брошюры и добавляло, что «большинство наших земств имеют такие заслуги и даже, быть может, несравненно большие». Статья предлагала читателю взглянуть на «почти тридцатилетнюю историю земств», в которой он бы увидел «длинный ряд самых энергичных и благородных забот именно о народном благосостоянии, основа которому, конечно, образование». Были, конечно, признавало «Новое время», и факты – «десяток-другой» – того, что земства «выходили за пределы своего ведения», придавали себе «не свойственное им значение», того, что увлечённые «новизной положения» и «живым, а не бюрократическим делом» земцы «слишком импонировали администрации». Но это – только «ошибки и увлечения», нельзя характеризовать земство, основываясь на них.

Для доказательства полезности земства в статье приведено два аргумента. Первый – «теоретический»: земцы – «почтенные люди,

²⁷⁷ Речи консерватора // Гражданин. № 89. 17 ноября 1894. С. 2–3.

землевладельцы и... дворяне», такой состав сам по себе гарантирует от преобладания «не соответствующих существу их положения» идей. Второй аргумент – практический, «по результатам», он приведён более уверенно. Посмотрите на историю земства, призывала статья, она вся состояла в «предназначенной ему по закону» деятельности – создании школ, народной медицины, упрочнении народного благосостояния. Теперь «чувствуется, какая это огромная сила действовала в наших деревнях в течение 30 лет», есть надежда, что земство справится и с новыми задачами жизни.

К концу в статье поднималась тема взаимоотношений земства и правительства. «Новое время» соглашалось, что «можно и должно указывать на ошибки земств, на недостатки их организации, на неуместность и бесплодность попыток выйти из пределов указанной им деятельности», но говорить об упразднении земства – это значит лишать правительство необходимой ему «помощи местных людей при разрешении местных вопросов». Хозяйственные вопросы невозможно разрешить в приказном порядке, «без доброй воли населения, без живого участия его представителей во всех вопросах, касающихся местной хозяйственной жизни». «Земства – такие же правительственные органы, как и прочие», но их особенность – отсутствие стеснения формализмом, умение действовать с «мельчайшим знанием местных условий»²⁷⁸.

В номере «Нового времени» от 15 октября 1896 г. была помещена статья «Земства – о нуждах сельского хозяйства». Своё сообщение не названный автор заключил оптимистичным выводом, выразив надежду, «что этот первый опыт сближения министерства с земством послужит к упрочению их связи, равно полезной и нужной обеим сторонам. Несомненно, что, работая с земствами и через них, министерство земледелия обеспечит себя на местах лучшими исполнительными и совещательными органами, о каких только можно мечтать»²⁷⁹.

²⁷⁸ В защиту земств // Новое время. № 6975. 31 июля (12 августа) 1895. С. 1.

²⁷⁹ Земства – о нуждах сельского хозяйства // Новое время. № 7412. 15 (27) октября 1896. С.

Итак, земство должно помогать правительству в местных вопросах, но этот тезис влѣк за собой и вопрос о том, что именно должна из себя эта помощь представлять и каковы пределы компетенции земства в «местных вопросах». Этим проблемам касается статья «Земский *mot d'ordre* (призыв, девиз (*фр.*) – *Д.И.*)», опубликованная без подписи 1 ноября 1896 г. Посвящена статья была выступлению М.И. Миклашевского, и её название, исходя из смысла, можно понять как «земский призыв». Миклашевский тогда был первый год как выбран Екатеринославским уездным предводителем дворянства и уже десять лет состоял почётным мировым судьѣй.

В тексте статьи, комментирующем выступление Миклашевского, «Новое время» высказалось против взгляда на земство как учреждение «второстепенное». «Земство – это нечто как бы прикомандированное к местным пользам и нуждам, но именно по этой самой причине как бы нечто малозначительное, второстепенное. Важное и первостепенное приурочивается в наших понятиях к «государственным» пользам и нуждам, и сопоставление тех и других польз и нужд ещё дальше отодвигает от нашего внимания земство с его местными делами, заботами и хлопотами»²⁸⁰.

Полезность земства и вместе с тем его безопасность с точки зрения правительства и общественного спокойствия доказывались в неподписанной статье «Недоразумения около земства», опубликованной в «Новом времени» 10 мая 1899 г. Статья указывала, что в спорах вокруг земства оказалась забыта его основа – общественность. Земство – форма общественной жизни, и если она оказывается несовершенной, это не значит, что надо забыть о самом обществе. Общество «живѣт, мыслит, чувствует», оно – «живой организм, многочисленный, подвижный, изменчивый, постоянно стремящийся к достижению равновесия, хотя и никогда его не достигающий».

Остановить жизнь общества – остановить и жизнь государства, поскольку оно основано на обществе, берѣт из него силы, и «государство без

1.

²⁸⁰ Земский *mot d'ordre* // Новое время. 1 (12) ноября 1896. № 7429. С. 2.

общественной жизни – это все равно, что платье на вешалке или нежилой дом». Сдерживая развитие общественной силы, государство лишает силы себя, ибо «энергия жизни общественной сообщается как всему государству, так и отдельным лицам, а слабый пульс этой жизни отражается упадком энергии в государственной и частной сфере».

Земские посягательства на политическую власть в статье отрицались на основании того, что земская деятельность «осуществляется по уполномочию правительства... каким же образом земство может посягать на правительственные прерогативы, если правительство не разрешило ему такого посягательства?» Напротив, земство может отвлекать общество от политических мечтаний, «разжигаемых, между прочим, скукой бездействия и томительной праздности»²⁸¹, занимая его серьёзными и жизненными делами.

«Новое время» последовательно стремилось показать и доказать, что именно в земстве дворянство должно найти возможность для плодотворной деятельности на благо России. Об этом говорилось, например, в статье «Дворяне прежде и теперь» в номере от 9 мая 1897 г., подписанной «Дворянин». К этой публикации мы ещё вернёмся, когда будем специально говорить о дворянском вопросе, сейчас же процитируем то, что высказал «дворянин» о земстве. Земство, как он утверждал, сразу по своём установлении, показало огромные достижения. Это земство было дворянским, но заботилось не об узкословных интересах: «Старое земство работало силами почти исключительно дворянского происхождения... вся работа сосредотачивалась на бессловных, т.е. общих интересах, причём главной заботой являлся мужик-раб, только вчера отнятый у гласных-дворян».

Но впоследствии «новое земство юридически приписано к дворянству, именно, как дворянскому сословию». По мысли автора статьи, в этом проявилась вредная тенденция к возрождению «старого доброго времени», то есть дореформенного положения. При этом культурное значение дворянства

²⁸¹ Недоразумения около земства // Новое время. 10 (22) мая 1899. № 8332. С. 2.

упало, и «теперь же ни один дворянин не скажет, положив руку на сердце, что дворянство сохранило за собою тот престиж и то уважение, которым оно пользовалось не как сословие, а как земская сила, чуждая сословных сил и тенденций»²⁸².

Последняя статья интересна тем, что в ней затрагивался вопрос о земской контрреформе Александра III. Напомним, что получившее такое наименование в историографии «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», принятое 12 июня 1890 г., обеспечило господство дворянства в земских учреждениях, введя деление гласных по сословиям и уменьшив ценз для дворян. Очевидно, именно это автор и имел в виду в качестве «приписывания земства к дворянскому сословию». В историографии утвердилось представление о том, что это изменение стремилось подчинить земство дворянству и предотвратить усиление в нём крестьян и горожан. По мнению Л.Г. Захаровой, его смысл: «В ограничении прав торгово-промышленной и землевладельческой буржуазии, в обеспечении за дворянством полного и устойчивого господства в земстве, во всемерном подчинении контролю администрации крестьянских выборов»²⁸³.

И, как мы видим, опубликованный «Новым временем» текст «Дворянина» согласен с тем, что изменение являлось «контрреформой», поскольку оно связано с дореформенным «старым добрым временем». Земство описано как сила «прогрессивная», уравнивающая сословия на почве общего дела, при этом дворянство может плодотворно реализовать себя только на таком поприще, работая над «бессословными интересами». Если политика правительства стремилась к усилению аристократии путём подчинения ей земства, то «Новое время» фактически давало ей собственный ответ, указывая, что подлинный путь к этому усилению находится не в преобладании, но в сотрудничестве.

На статью «дворянина» в «Новом времени» последовал скорый и

²⁸² *Дворянин*. Дворяне прежде и теперь // Новое время. 9 (21) мая 1899. № 7613. С. 2.

²⁸³ *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 518.

возмущённый ответ князя Мещерского в «Гражданине». В номере от 11 мая была помещена его статья «Угодное истории!!». Это название, сопровождаемое двойным восклицательным знаком, отсылало к мнению «дворянина», что «дворянство можно усилить и прославить только мерами, угодными истории, и что его можно вконец ослабить и обесславить мерами, истории не угодными»²⁸⁴. По мнению Мещерского, «дворянин» «вероятно, изучал русскую историю по какой-нибудь брошюре нигилистического издания» и «наговорил... ходячей исторической пошлости под стать... никогда не учившемуся петербургскому чиновнику». История взаимоотношений земства и дворянства излагалась в «Гражданине» под совсем другим углом. «Старое» земство не явилось доброй почвой для работы дворян на всесословном поприще, оно было изначально придумано для уничтожения дворянства: «Совершенно верно, что учредители земского положения имели целью посредством земской бессословности уничтожить дворянство, как сословие, и рано или поздно его превратить из сословных личностей в массовые атомы». Часть дворянства кинулась «на земскую арену, увлекаясь либеральной мыслью двигать модные вопросы на современные темы». Мещерский при этом согласен, что именно дворянство явилось «действующей силой» земства, но он подчёркивал: «никто не смел этого говорить громко».

Земский энтузиазм дворянства погас не потому, утверждал Мещерский, что правительство «приписало земство к дворянскому сословию», а потому, что земство показало свою несостоятельность. «Уже к концу 70-х гг. обнаружилось, что вся эта земская горячка была пена, – она рассеялась и ничего не осталось». Земство не подняло значения дворянства, оно его «обезличила и обезсословила» – это касалось тех, кто увлёкся новым учреждением, те же, кто «остался на своих землях», стали терпеть «во-первых, от земских поборов, во-вторых, от бесправия и произвола в земстве и в крестьянском мире, и, в третьих, от постоянного ослабления органической

²⁸⁴ *Дворянин*. Дворяне прежде и теперь // Новое время. 9 (21) мая 1899. № 7613. С. 2.

жизни своего сословия». В 80-х годах «печальная картина провинциального маразма» вынудила правительство провести реформы – «подчеркнуть главенство дворянства как сословия», «устранить деревенский беспорядок учреждением земского начальника». В результате «земство утратило свою либеральную пену, и из шипучего вина обратилось в спокойное местное, скромное вино; земские начальники водворили порядок в деревне, и в общем началась новая жизнь более спокойная, более уверенная в свой завтрашний день»²⁸⁵.

Критику земства в своём журнале Мещерский проводил и в конце 1890-х гг. «“Гражданин” как раз вёл резкую кампанию против земства», – писал Ольденбург относительно начала 1898 г., когда возглавляемое И.Л. Горемыкиным Министерство внутренних дел собиралось распространять земские учреждения на западные губернии, где их ещё не было. «Гражданин» доказывал, что земство «и бесполезно, и не по силам земским плательщикам»²⁸⁶. Вопрос о земстве был затронут в «Гражданине» и в связи с сочинением сенатора Г.А. Евреинова «Прошедшее и настоящее значение русского дворянства», опубликованном 12 февраля 1898 г. Мещерский, по собственному признанию, был уверен, что найдёт «в ней либеральную точку зрения петербургского бюрократа», и он «не ошибся».

Евреинов, как считал Мещерский, стоял «на двух почвах», и обе были «бумажными»: это почвы «бюрократического мировоззрения и... теоретических размышлений шестидесятых годов». Но Евреинов отсутствовал «на почве жизни» и потому не видел нужды поднятия поместного дворянства. «Почти буквально повторяя статьи г. Чичерина», Евреинов «проповедует, с одной стороны, учение о сословной и материальной несостоятельности дворянства, а с другой стороны о необходимости на развалинах дворянского сословия создать всемогущее бессословной земство». В этом Мещерский видел «жизненный силлогизм», поскольку если «земство хотя бы и

²⁸⁵ Угодное истории!! // Гражданин. № 36. 11 мая 1897. С. 2–3.

²⁸⁶ *Ольденбург С.С.* Царствование Николая II. С. 149.

бессословное, состоит, главным образом, из местного земельного дворянства, то для укрепления и улучшения земства следовало бы, прежде всего, укрепить то сословие, которое есть главное жизненное начало земства, то есть сословие земельного дворянства»²⁸⁷.

Евреинов и его сочинение ещё вызовут в «Гражданине» и «Новом времени» весьма жёсткие выступления, так что следует кратко о нём сказать. Евреинов, дворянин, был всего меньше чем на два месяца младше Мещерского. Как и Мещерский, он закончил Училище правоведения, в дальнейшем служил по юридической части: был товарищем прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, товарищем прокурора Одесской судебной палаты и самим прокурором. В 1880 г. он стал прокурором 1-го департамента Правительствующего Сената, в 1892 г. Высочайшим повелением ему было предписано присутствовать во 2 департаменте, в 1895 г. – перемещён в первый. В следующем году получил чин тайного советника.

Карьеру Евреинова можно назвать весьма успешной, но с точки зрения Мещерского он был, видимо, представителем «чиновничьего Петербурга». В своём сочинении «Прошедшее и настоящее значение русского дворянства» сенатор высказывал идеи, разделяемые «Новым временем»: что дворяне должны перестать быть закрытым сословием и трудиться на земском деле наравне с другими сословиями. Далее мы подробнее рассмотрим этот вопрос.

Единство земства и власти, а также земства и дворянства на путях решения актуальных проблем русской жизни – такой призыв мы видим в публикациях как «Гражданина», так и «Нового времени». Но нетрудно заметить, что предлагавшиеся изданиями пути к достижению такого единства различны до противоположности. «Новое время» призывало дать земству простор и свободу для широкой деятельности, прекратить считать его «Назаретом», «Гражданин» же обращался прямо к самому земству: оно должно исправить свой путь и признать ошибки. Вопрос, таким образом, ставился о

²⁸⁷ Дневник // Гражданин. №12 и 13. 12 февраля 1898. С. 22–23.

том, кто виноват в сложившемся положении, и исследуемые нами издания возлагают эту вину на различных участников общественной жизни.

Подобным образом говорили издания и о связи земства с дворянством. Если «дворянин» в процитированной выше статье утверждал, что именно земство являлось той сферой приложения сил, благодаря которой дворянство могло принести реальную пользу, то Мещерский писал об обратной взаимосвязи: само земство может быть полезно именно благодаря дворянству.

В ряде публикаций «Нового времени» вопрос о земстве сплетался с вопросом национальным. Относилось это к прибалтийским делам. В статье «Феодальное земство» земское устройство Прибалтийского края критиковалось из-за привилегий немецких баронов, которые составляли «великое зло в социально-экономическом отношении» и «питают собой тот сепаратистский дух, который нам необходимо изгнать с балтийской окраины». Исчезнуть этот дух может «лишь при твёрдом проведении реформ, начатых ещё в прошедшее царствование»²⁸⁸. Задачей было дать прибалтийскому крестьянину землю так же, как русскому в 1861 г., и тогда, подорвав экономическое господство баронов, можно было бы проводить и земскую реформу на любых началах – общерусских или местных.

В отношении Прибалтийского края «Новое время» заняло более консервативную позицию, уже не призывая к развитию самоуправления. Национальный вопрос для него был важнее либерального. Это более явно видно по тому, как газета встретила открытие в Вильне памятника М.Н. Муравьёву, «вешателю», являвшемуся для либеральных кругов персонажем совершенно отрицательным. «В Вильну приехал он не “людоедствовать”, а потушить мятеж, как можно скорее, и тотчас приступить к органическому возрождению в крае русского и крестьянского дела» – писало «Новое время» 3 октября 1897 г. Муравьёв ставил задачу спасти Северо-Западный край «от польских притязаний, исторически лживых», крестьянство – «от

²⁸⁸ Феодальное земство // Новое время. 3 (15) августа 1895. № 6978. С. 1.

полукрепостного состояния, сделав его оплотом государственной власти», православие и православное духовенство – «от нищеты и уничтожения». «Органическая основа всей муравьёвской политики» – «привлечение народа к правительству». Жестокости надо оставить в прошлом: «любящею рукою залечиваются былые раны военного времени, старые счета забываются». Теперь, утверждала газета, «нам досталось на долю продолжение органических реформ в крае»²⁸⁹.

Национальный вопрос имел важнейшее значение для «Нового времени», что служило причиной, в том числе, и обвинений со стороны современников в национализме и презрении к инородцам. Но можно привести и свидетельство бывшего сотрудника газеты Н. Снессарева о том, «что ни по характеру, ни по убеждениям Алексей Сергеевич никогда не страдал нетерпимостью и крайностью своих мнений, как в газете, так и в частной жизни... Крайность мнений, злобу и нетерпимость внёс в газету Алексей Суворин (сын А.С. Суворина, редактор «Нового времени». – *Д.И.*). При нём по вопросам национальным, в особенности по польскому и финскому, газета приняла позицию определённо резкую. Настолько, что обвинение в человеконенавистничестве явилось уже обоснованным»²⁹⁰.

Имеется пример того, как сам либерализм в «Новом времени» рассматривался в неразрывной связи с национализмом. Такие идеи были представлены в статье Н.А. Энгельгардта «Мысли кстати», вышедшей 3 (16) сентября 1903 г. Статья была написана по поводу выступлений А. Жемчужникова в «Вестнике Европы», называвшего Энгельгардта «газетным националистом», «манящим к старине». Энгельгардт в ответ писал, что «только разбивал теорию нашего либерализма», который, «сослужив известную полезную службу русскому обществу», затем «заплесневел... зачерствел... загнил и ныне разложился» и «по сути своей является чистейшим

²⁸⁹ К виленскому торжеству. Об открытии памятника М.Н. Муравьёву // Новое время. 3 (15) октября 1897. № 7759. С. 2.

²⁹⁰ *Снессарев Н.* Мираж «Нового времени». Почти роман. СПб., 1914. С. 35–36.

ретроградством, отсталым староверством».

Энгельгардт, подобно Мещерскому, говорил о «ложных» либералах, когда писал, что «крепостной был и гражданином, и посознательнее гражданства современных псевдо-либералов, на полях Бородина и на курганах Севастополя». Энгельгардт обвинял «Вестник Европы» в отказе от прошлого, «заветов и традиций», в «холопстве» перед буржуазией и «еврейско-польско-шведо-армяно-немецким кагалом». Истинный европейский либерализм националистичен. «Европеец прежде всего патриот. Европеизм и национализм – синонимы, равно как и либерализм». Либерализм утверждает ценность индивидуальной личности, но смысл ей даёт патриотизм, и освобождение для европейца «есть торжество его нации, его страны, его государственных задач, исторических традиций»²⁹¹.

В последующем новое увеличение количества публикаций о земстве и его проблемах пришлось на 1901–1902 гг., будучи связано с возникшим тогда вопросом о выделении более мелкой, чем уезд, земской единицы. В феврале 1902 г., в номерах от 9 и 10 числа, «Новое время» опубликовало статью гласного духовщинского земства (Смоленская губерния) К. Ровинского «Для чего нам нужна мелкая земская единица». В них автор уверенно рисовал картину развития крестьянского общества, в котором «появились разнообразные классы, резко отличающиеся друг от друга в зависимости от профессий, которыми занимаются отдельные лица, и от их имущественного положения», которое становится всё более развитым и инициативным. Вытекающее за этим объединение крестьянского «мира» и земства в решении насущных вопросов должно, по его мысли, привести к тому, что «не будет уже никакой необходимости земству и крестьянскому миру действовать... параллельно, а следовательно рано или поздно придётся преобразовать или крестьянскую волость, или приход в низшую территориальную земскую единицу»²⁹².

²⁹¹ Николай Энгельгардт. Мысли кстати // Новое время. 3(16) сентября 1903. № 9877. С. 2.

²⁹² Ровинский. Для чего нам нужна мелкая земская единица // Новое время. 9 (22) февраля

Вместе с наблюдениями о современной деревенской жизни в статье были затронуты другие аргументы, уже привычные для «Нового времени». Вновь прозвучал призыв к дворянам к совместному с другими сословиями земскому труду. Ровинский напомнил, что «когда-то ведь в руках дворянства были и выборные суд и полиция. Роль и значение дворянства в губернии тогда были огромны, а политические права очень широки». А если так, то «неужели же дворяне теперь неспособны к более скромной роли – в более тесном общении с крестьянским сословием, составляющим основу и силу государства, а также с лицами других сословий, сидящими на земле, работать на пользу нашей родины, заботиться о её нуждах?»

Последовал и выпад против «охранителей»: «Служилую роль дворянства мы не понимаем в узком смысле, как это делают наши самозванные охранители, утверждающие, что дворяне должны преимущественно служить на государственной службе». Поднял Ровинский и тему службы государству на общественном поприще, жалуясь на «слишком слабо развитое у нас сознание» того, что «работая по мере сил на пользу общества, мы тем самым служим и государству, и что такая служба – долг всякого истинного патриота и гражданина». «Несущественно» различие между службой государственной и общественной, и здесь автор сослался на уважаемого Сувориным М.Н. Каткова, цитируя по статье «Публицист-государственник» его слова: «В России все от мала до велика могут и должны видеть в себе в какой бы то ни было степени и мере слуг государевых». Пойдёт на пользу реформа и крестьянам, поскольку они будут «лучше развивать свои духовные силы и улучшать хозяйственный быт при общении с поместным дворянством и другими культурными классами, чем будучи замкнуто в своих узко-сословных интересах»²⁹³.

К вопросу о мелкой земской единице обратился и С.Н. Сыромятников. В

1902. № 9316. С. 3.

²⁹³ Ровинский. Для чего нам нужна мелкая земская единица // Новое время. 10 (23) февраля 1902. № 9317. С. 3.

опубликованной в «Новом времени» 13 января 1902 г. седьмой статье своего цикла «Дома», посвящённого различным проблемам российской действительности, он утверждал, что «создания её неизбежно, а историческая неизбежность не может быть отвращена никакими статьями, никакими временными мерами». Россия – «такая же восточная демократия, как и Китай», и развитие земства, как получается по статье Сыромятникова, должно служить сближению народа с элитой: «Как бы крепостное право не затемнило народное сознание, как бы западное просвещение не разделило народ на две части, рано или поздно эти части воссоединятся, снова сольются они, но не на узком, сословном деле, а на деле государевом – земском»²⁹⁴.

Первого июня 1902 г. в «Новом времени» против взгляда Мещерского на земство выступил Сергей Глинка. «Земство – это больное место князя Мещерского», – сразу высказал он. «Ему кажется, что земство противопоставляется законной власти, и кто стоит за земское самоуправление, тот несомненно враг русского государства». Глинка высказывал явное неверие в подлинность диалогов, появлявшихся на страницах «Гражданина», говоря, что его редакция верила в чуждость земства, имея основанием «беседы кн. Мещерского или главных его сотрудников с импровизированными сановниками, с фантастическими дворянами или дамами высшего света».

По сведениям Глинки, старообрядцы, эти «наиболее консервативные русские люди», видели в преобразованиях шестидесятых годов «поворот к чисто русским началам». Он цитировал адрес московских старообрядцев Александру II: «В новизнах царствования твоего, государь, старина наша сказывается». Глинка советовал Мещерскому вспомнить, «что в древней России не было иного суда, кроме гласного, и не было иного местного заведывания хозяйством, кроме земского». Во времена зарождения самодержавия гласный суд и земство были его спутниками, исчезли они в период крепостного права, то есть «порабощения народа», и теперь должны

²⁹⁴ *Сигма*. Дома. Ч. VII // Новое время. 13 (26) января 1902. № 9289. С. 2.

быть возрождены – такая логика исторического процесса давалась в статье.

Глинка отводил обвинения в либерализме: «Лично я никогда не был либералом в том смысле, как понимает либералов князь Мещерский», – и признавал себя сторонником «единой сильной власти». Далее в пользу земства он давал уже знакомую нам по другим статьям «Нового времени» аргументацию: власть не может вникать во все подробности местной жизни, ей нужна помощь. «Желать управлять всем и решать все возникающие вопросы могут только те близорукие люди, которые не дают себе отчёта в значении того или иного решения», местным органам нужно предоставлять «известную свободу в решении всех тех вопросов, которые имеют лишь местное значение».

Земство не было идеально, «под ним нет фундамента; оно и раскачивается в разные стороны». Но для этого и нужен был ему прочный фундамент, которым, по мысли Глинки, должна была бы стать мелкая земская единица. Нужно не бороться с земством, а «уяснить себе, что в нем хорошего и что дурного; что соответствует потребностям и духу народа и что навеяно извне», нужно даже пересоставить все земское Положение, но не задаваться «предвзятыми фантазиями и бреднями»²⁹⁵.

Глинка «возводит напраслины на “Гражданин”, не читавши его» – такими словами отреагировал на следующий день Мещерский в «Речах консерватора». Князь уверял, что он не выступал против земства как такового, но только указывал на его недостатки. «Если я говорю о необходимости упорядочить земство... то значит, я не только не земствоубийца, но я желаю этому учреждению блага и развития». И, как тут же утверждалось, если «Гражданин» стоял за наведение порядка в земстве «во имя жизненных интересов зависящего от земства народонаселения», то «все либералы русской печати всё время трактуют о земстве исключительно как об абстрактном либеральном элементе»²⁹⁶.

²⁹⁵ Глинка С. «Гражданин» и земство // Новое время. 1 (13) июня 1902. № 9425. С. 2.

²⁹⁶ Икс. Речи консерватора // Гражданин. № 41. 2 июня 1902. С. 2–3.

К тому времени, вместе с развитием идеи «природного либерала», в «Гражданине» утвердилось и сочувственное отношение к земству. На место его обвинений в полном несоответствии задачам русской жизни пришли тексты, в которых говорилось о недостатках земства, которые можно исправить. В «Дневниках» журнала от 1 февраля 1901 г. читаем достаточно осторожное предположение, что «быть может от упразднения губернского земства, от введения общей нормы и общего контроля в земском денежном хозяйстве земство получит возможность быть полезнее, чем прежде?»²⁹⁷

«Не уничтожать надо земство, а обязать его к работе и подчинить той же ответственности за неисполнение служебных обязанностей, какой подлежат сверху – Государственный совет, а снизу – волостное правление», – писал Мещерский в «Дневниках» в номере от 8 августа 1902 г.

«Жизнь народная указывает прямо и ясно», что нужно «действительно расширение земской деятельности на месте народной жизни, то есть в уезде», – читаем в «Гражданине» 1 мая 1903 г. Но чтобы расширение было действительным, а не «на бумаге», «надо, чтобы на месте был центр сильной власти, которая прежде всего могла бы земству оградить и упрочить широкую самостоятельность и органическую связь с народом»²⁹⁸. Как видим, уверенность в возможности исправления земства в «Гражданине» нарастала год от года. Однако не следует считать этот процесс линейным или «прогрессивным»: колебания позиции, отходы и возвращения от более «либеральной» к более «консервативной» в журнале наблюдаются в разное время и, как нас представляется, не вписываются окончательно в определённую закономерность.

Изменения в позиции Мещерского по земству были замечены его соратниками по консервативному лагерю, и князь столкнулся с обвинениями в «измене». «За последнее время мне не раз приходилось быть обвинённым в либерализме», – признавался Мещерский в дневниках 6 февраля 1903 г. Он

²⁹⁷ Дневники // Гражданин. № 9. 1 февраля 1901. С. 14.

²⁹⁸ Дневники // Гражданин. № 35. 1 мая 1903. С. 15–16.

доказывал, что не против земства, а против земства либерального и разрушительного. А таким земство становится в силу отсутствия реальной свободы. «Или земство нужно, – тогда дайте ему свободу распоряжаться своим хозяйством, или земство не нужно, – тогда уничтожьте его совсем; но земство в виде декорации, в виде театра, с репертуаром раздражающих и оппозиционных пьес... я смею находить... не нужным». Если не давать земству свободу и ответственность, то «получается единая свобода: свобода ничего не делать и ни перед кем не отвечать»²⁹⁹.

Колебания позиции «Гражданина» от категорической неприязни к земству к тезису о необходимости его «исправления» и «развития» можно назвать аналогичными критике либералов, чередовавшейся с призывами к «природному либерализму». Похоже, что журнал стремился найти и показать читателям возможность баланса между различными, консервативными и либеральными, тенденциями, и между традиционными и новыми учреждениями. Происходило это на фоне упадка дворянского землевладения и продолжающегося земского либерального движения.

С вопросом о земстве неразрывно связан и вопрос о земских начальниках. Для Мещерского земский начальник был одним из, наверно, самых любимых персонажей современной князю русской жизни. В январе 1903 г. он писал: «15 лет я с фанатизмом отстаиваю это прекрасное учреждение покойного Государя». Тут он был, видимо, не вполне точен: «Положение о земских начальниках» было принято 12 июля 1889 г., за 13 с половиной лет до указанной публикации. Во всяком случае, земский начальник своим существованием реализовал связь народа с властью, заменил собой «чуждых народу» мировых судей, сдерживал деятельность либералов, которым не нравилось существование власти «сильной и близкой к народу»,³⁰⁰ – таким видел Мещерский значение учреждения, призывая в своём журнале всячески их поддерживать.

²⁹⁹ Дневники // Гражданин. №11. 6 февраля 1903. С. 19–20.

³⁰⁰ Дневники // Гражданин. № 3. 9 января 1903. С. 16–17.

Князь Мещерский даже специально рассылал экземпляры «Гражданина» земским начальникам, не требуя определённой платы и оставляя её на усмотрение получателя. Но нравилось это не всем начальникам, во всяком случае, один из них написал А.С. Суворину письмо по этому поводу. «В числе прочих земских начальников и я получаю таким образом насильственно эту газету, но не желая вносить за “Гражданина” даже и полтинника... я написал в редакцию “Гражданина”, что не желаю более получать газету, которую я не выписывал»³⁰¹. Наверху письма сохранилась сделанная Сувориным надпись карандашом: «Это мне приятно». Автор приложил к своему напечатанному на машинке письму автограф Мещерского, полученный в ответ на просьбу прекратить присылку. Однако автограф, видимо, не сохранился.

Весьма интересный с точки зрения понимания взглядов Мещерского и Суворина на земских начальников обмен мнениями произошёл на страницах изданий в марте 1895 г. Поводом для этого обмена стали слова из отчёта московского губернатора. Вот как они приводились в «Новом времени»: «Обязанности земского начальника не только обширны и разнообразны, но и требуют знания закона, ещё более знания жизни, знакомства с местною средою, усиленной деятельности, безусловного такта в разнообразных сношениях по службе и, что едва ли не всего важнее, не одного только формального, но сердечного отношения к службе». Тут же указывалось, что слова о «сердечном отношении» были подчёркнуты царём.

Эти-то слова и оказались прочитаны в «Гражданине» и «Новом времени» с совершенно различных, если не противоположных, позиций. В суворинской газете мысль о «сердечном отношении» признавалась «простой и ясной», «гуманной и благожелательной к населению», высказывалось убеждение, что она «должна заставить смолкнуть тех не по разуму усердствующих человеконенавистников, которые путём печати изо дня в день прилагали усилия внушить земским начальникам дикую мысль об их призвании», что это

³⁰¹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 813. Л. 14.

призвание состоит исключительно в «мерах строгости» и «оскорблении человеческого достоинства». Земский начальник должен «служить государственным целям высшего порядка... зиждущегося на законе и справедливости», но среди этих начальников, увы, находили себе слушателей упомянутые «проповеди» о «спасительности страха, о полезности розог для поддержания в деревне порядка и благонравия и проч.»³⁰².

Мещерский был совершенно уверен, что это сказано о его газете. «Так как я один в печати говорил и проповедовал о земских начальниках, то, само собою разумеется, что вся эта лицемерная клевета направлена против меня».

Мещерский возмущённо уверял, что его газета никогда не проповедовала «телесное наказание и кулачную расправу» в качестве призвания земского начальника, и что в призыве к «сердечному отношению» вообще-то не было ничего нового. По мнению Мещерского, это «и по духу, и по букве ничто иное, как продолжение того взгляда на учреждение, который имел покойный государь». Эта «сердечность» нужна была «не для проведения либеральных идей и для приобретения дешёвой популярности, или для игrania только комедии власти и порядка», не для того, чтобы «потакать крестьянским слабостям, своеволию и беспорядку», накопившимся за тридцать лет, а для того, чтобы «вернувши порядок в деревенскую жизнь, спасти хороших крестьян от губительного гнёта озорников, негодяев и пьяниц». Для проведения её царём призваны были дворяне-землевладельцы, то сословие, которое «живёт с народом в общении на земле и которое с народом связывает именно сердце».

Здесь хорошо видны несколько очень характерных для Мещерского идей. Это и личная забота царя о народе, и пагубность «тридцати лет» либерального направления с начала реформ Александра II, и представление о патриархальном, духовном единстве помещного дворянства с народом, за счёт которого должно происходить исправление недостатков.

³⁰² Какая служба требуется от земского начальника? // Новое время. 10 (22) марта 1895. № 6835. С. 2.

Далее Мещерский объяснил, чем же именно должна быть эта «сердечность». Она определяет «всю суть должности» земского начальника, которая в том, чтобы «быть для крестьян не только начальником, но и отцом». В таком качестве начальник должен одновременно внушать и любовь, и страх – «страх Божий, страх царя, страх совести, страх отца, страх подчинения и послушания». Страх необходим для порядка и для обеспечения защиты добрых от злых, а помимо этого земский начальник должен, как полагал Мещерский, выполнять и другую важную функцию: ограждать крестьян от требований не закона, а либерализма: «Авторитет земского начальника требует, чтобы не было и мысли у крестьян, что он, помимо незаконного, не должен сметь то, что анти-либерально»³⁰³.

На это требование – «быть отцом» – Суворин отреагировал резко. Уже на следующий день после публикации «Дневника» Мещерского, 12 марта, на страницах «Нового времени» появилось «Маленькое письмо» с прямым заявлением: «Не думаю, что надо доказывать, что земский начальник не может быть отцом по отношению к крестьянам. По-моему, он даже не должен быть отцом». Почему не может и не должен? По мысли Суворина, понятие «отцовства» здесь слишком неопределённо, «ибо понятия об отце у всякого начальника могут быть свои, сообразно воспитанию, характеру, убеждению, годам, темпераменту и т.д.». Следствием подобной установки станет возможность неограниченной диктатуры на местах, ведь «земский начальник может вообразить, что он действительно альфа и омега, начало и конец в деревенской жизни и что он может поступать, как ему угодно, сообразно его понятиям об «отеческой власти» и о мерах исправления детей».

Далее по тексту следует пафосный призыв Суворина: «Будьте, ради Бога, начальником, а не отцом, будьте добрым, внимательным и справедливым начальником, не заушайте, не секите, не советуйте там, где вы ничего не смыслите, прислушивайтесь и приглядывайтесь к народной жизни...

³⁰³ Дневник // Гражданин. № 69. 11 марта 1895. С. 3.

исполняйте добросовестно и справедливо то, что требует от вас верховная власть, по самому существу своему доброжелательная, что требует закон, утверждённый этой властью». Власть необходима, утверждал Суворин, «не отеческая, а законная и просвещённая, вся проникнутая преданностью своему долгу и сознанием своей ответственности». «Все лезут в отцы», потому и мало толка, что характер власти не тот. «Власть отеческая» заманчива, как считал Суворин, «по своей неопределённости, по преобладанию в ней чувства, собственных соображений и безответственности»³⁰⁴.

На призыв «быть отцом» Суворин реагировал, по сути, точно так же, как и на тезис о руководительстве царя Богом в своём дневнике, что мы рассмотрели выше. В обоих случаях он негативно и с эмоциональным напряжением, которое трудно не заметить, воспринимал попытки обосновать деятельность власти неким метафизическим или просто традиционным началом. В этом он видел размытость, неопределенность, под прикрытием которой легко «напакостить сверх всякой меры». Зададимся вопросом: разве князь Мещерский считал, что «отеческая власть» чужда справедливости, ответственности, преданности долгу? Очевидно, нет, более того – он был уверен, что именно основание на традиции обеспечит порядок и процветание. Всё дело в том, что Мещерский и Суворин вместе со своими изданиями противоположно оценивали одни и те же вещи, исповедуя различные убеждения: первый – в необходимости традиции и предания, второй – рационального устройства, при котором всё подчинено чёткому закону. Потому, видимо, между ними и не возникало длительных дискуссий, основанных на общей системе ценностей – поскольку этой общей системы просто не было.

В других случаях «Новое время» высказывалось о земских начальниках более пренебрежительно. «Увлечение же институтом земских начальников было, по счастью, очень недолговременно»,³⁰⁵ – писал С.Н. Сыромятников 14

³⁰⁴ Суворин А. Маленькие письма // Новое Время. 12 (24) марта 1895. № 6837. С. 2–3.

³⁰⁵ Сигма. На стрелке // Новое время. 14 (26) мая 1895. № 6896. С. 2.

мая 1895 г.

Следует признать, что позиции «Гражданина» и «Нового времени» относительно земства были показаны изданиями вполне определённо и последовательно. Князь Мещерский не скрывал, хотя после и сменил позицию, что считал земство чуждым и бесполезным, если не прямо вредным, также и Суворин со своими сотрудниками прямо его одобряли, утверждая его пользу. Решение вопроса о том, кто из них был прав в происходившем обмене мнениями, потребовало бы привлечения совсем других источников и выходит далеко за пределы нашей работы. Подытожим аргументы, которые издания приводили в пользу заявленных позиций.

«Гражданин» писал о вреде земства, как видно, с двух точек зрения: материально-практической – земство не решает жизненных проблем, и духовной – земство служит настоящим рассадником либерализма и «разрушения устоев». Главная вина земства, как это вытекает из публикаций журнала.

То, что о земском вопросе публиковало «Новое время», в основном сводится к положениям, что земство полезно, поскольку обеспечивает наилучшую помощь властям в местных вопросах; оно полезно, поскольку служит пробуждению и развитию общественных сил. В земском вопросе отразились противоположные убеждения изданий о состоянии общества и его готовности к самоуправлению. Главным разделяющим моментом была явно прослеживаемая в «Гражданине» убеждённая в неспособности земства быть полезным хотя бы в современных условиях и мнения «Нового времени» о важности общественной инициативы.

В целом по вопросам власти и администрации в исследуемой публицистике чётко прослеживаются два начала: иерархическое, патерналистское в «Гражданине» и общественное – в «Новом времени». «Гражданин» вопросы общественно-политического устройства рассматривал сквозь идеал служения, «Новое время» – развития и самостоятельности широких общественных сил. Тем не менее, «Гражданин» был не против

самодетельности, настаивая, чтобы она существовала в ситуации нравственного здоровья общества и верности традиционным идеалам.

Глава 3. Общественные группы

3.1. Дворянство

К началу двадцатого века дворяне сохраняли за собой законодательно закреплённый статус первенствующего сословия Российской империи. После Великих реформ их влияние оказалось под вопросом, но контрреформы Александра III и, в частности, Положение о земских учреждениях 1890 г. вновь упрочили состояние дворянства. Тем не менее, для рубежа веков дворянский вопрос оставался проблемным. Это время стало кризисным для дворянского землевладения, что признавалось самими представителями сословия. Так, в 1896 г. екатеринославский губернский предводитель дворянства А.П. Струков указывал, что в этой губернии дворянские владения сократились с 2,9 миллиона десятин до 1,4 миллиона, и предлагал ввести управление убыточными имениями Дворянским банком. «Характерным проявлением упадка духа» дворянства назвал это предложение С.С. Ольденбург³⁰⁶.

По многочисленным свидетельствам видно, что князь Мещерский признавал за помещичьим дворянством большую ценность. О дворянских традициях, преданиях и добродетелях он писал как об основах правильной русской жизни. «Россия может гордиться своим доблестным типом страдальца-помещика перед целым миром; не из его семьи вышли все враги порядка и лжедрузья народа, позорившие нашу историю целых 30 лет подряд!» – писал Мещерский в «Дневнике» в январе 1894 г. Русский помещик мог быть непрактичным, наивным, мечтателем, мог жить не по средствам, но он «никогда не знает минуты, когда бы он от избытка страданий, от избытка нарушаемого его права, воздавал кому-либо вокруг себя зло». Помещик един с народом, и делит с ним жизнь даже тогда, когда «этот младший брат платит ему неблагодарностью»³⁰⁷.

В то же время пороки современной журналу дворянской жизни «Гражданином» не опровергались и не оправдывались. Так, в «Речах

³⁰⁶ Ольденбург С.С. Царствование Николая II. С. 185.

³⁰⁷ Дневник // Гражданин. № 9. 9 января 1894. С. 3.

консерватора» в январе 1900 г. описывалась дворянская семья, которая «в роскошной гостиной... толкует о разорении русского дворянства» и при этом позволяет себе постоянные поездки на балы. «И это сегодня, и завтра, и после завтра, так что иностранец, видя веселящийся ежедневно большой или дворянский свет, с изумлением спрашивает: где-же разорившееся дворянство, если каждый день все танцуют на балах? Ответ всё тот-же: эти балы – декорации, а разорённое дворянство – это жизнь»³⁰⁸.

В целом в «Гражданине» помещный дворянин представал как понятие духовное, а не узкосоциальное. Хороший дворянин являлся хранителем основ и традиций. В том случае, если дворянские дети воспитываются «на земле», они «получают воспитание в согласии с историей своего народа, в духе этого народа; они готовятся быть главной охранительной силою русских основ Державы и мощи». Помещик «был всегда самым честным и деятельным представителем»³⁰⁹ любви к народу. Дворянин должен был быть духовным руководителем народа. «До 1861 года руководил народом, учил его, и поддерживал его связь с церковью и его стихийно-государственный культ Самодержавия, – не чиновник, не становой пристав, а русский помещик»³¹⁰.

Теперь помещик страдал, писал Мещерский, его подвергали гонениям во имя прогресса. Он не получил того, чего заслуживал за свою деятельность на благо России, особенно за то, что именно дворянин, по мысли князя, «вытянул» на себе реформу 1861 г. «Его обставили, взамен колоссальной жертвы, им принесённой великому делу освобождения крестьян, всеми элементами беспорядка и, бросивши на произвол судьбы, сказали ему: живи, как хочешь и как знаешь»³¹¹. Но идеалы дворянства не имели противоречий с подлинной свободой, поскольку настоящий дворянин «дорожит свободой своей личности, своих взглядов, своей совести»³¹².

³⁰⁸ Речи консерватора // Гражданин. № 3. 13 января 1900. С. 2.

³⁰⁹ Дневник // Гражданин. № 10. 10 января 1894. С. 3.

³¹⁰ Кн. В. Мещерский. Призраки и угрозы. // Гражданин. № 44. 2 июня 1896. С. 5.

³¹¹ Дневник // Гражданин. № 10. 10 января 1894. С. 3.

³¹² Речи консерватора // Гражданин. № 4. 13 января 1902. С. 2.

Мещерский рассматривал ограничение власти дворянства не как усиление или развитие прав народа, а как замену лучшей власти худшею. Об этом он писал, например, в «Дневниках» первого номера «Гражданина» за 1900 г. Мещерский сравнивал знаменитое призвание варягов на княжение из «Повести временных лет» с «призванием» либералов «править Россией» в 1860-е гг. Тысячу лет назад «князья пришли, стали княжить и началось водворение порядка», при этом, полагал Мещерский, если бы они отказались прийти, то «не было бы и России». А в 1860-х гг. «явилась другая историческая картина и князья сказали либералам: земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет, придите и княжите». В результате «ничего кроме беспорядка в нашей жизни не произошло».

В этом тексте Мещерский говорил о «правлении либералов» и «правлении народа» как о синонимах, выражающих одно и то же явление. Вначале здесь употреблено первое выражение, затем – второе, но суть одна. Она выражена в «сильном и ясном» пожелании Мещерского, чтобы «убедились, что если везде, где явился беспорядок, он был последствием княжения народа над князьями, то значит, восстановление порядка мыслимо только восстановлением княжения князей над народом». И земство, и город должны уподобиться «новгородцам, говорящим варяжским князьям: “Наша земля велика и обильна, но порядка в ней нет, придите княжите нами”, и чтобы подобно варяжским князьям правительство пришло и стало княжить»³¹³.

Отмена крепостного права явилось чисто экономической мерой и не должно рассматриваться, как политическое изменение положения дворянства, доказывал «Гражданин». В своих воспоминаниях Мещерский сетовал на антидворянский характер, который приняла реформа. Её «воротилы» «всё своё внимание сосредоточили над земельным вопросом, то есть над заботою как можно глубже поразить дворянство, а об интересах порядка и правительства они мало думали»³¹⁴.

³¹³ Дневники // Гражданин. № 1. 6 января 1900. С. 26–27.

³¹⁴ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 103.

Продворянскую позицию «Гражданина» отмечали и его современники. Так, в 1896 г. писатель и общественный деятель В.Г. Короленко (с ним мы ещё встретимся в связи с Сувориным) написал статью «Метаморфоза “Гражданина”», в которой оценил издание как выражающее интересы дворянства, но не всего, а той его части, которая желала без «личных усилий», за счёт правительственных мероприятий, усиливать своё общественное значение. «Радости и надежды, торжество и ликование, неудовлетворённость, разочарование и мрачное уныние одной части нашего первенствующего сословия он («Гражданин». – *Д.И.*) отразил с яркостью и полнотой, придавшей ему значение заметного литературно-общественного явления»³¹⁵.

«Гражданин» утверждал, что либерал и помещный дворянин противоположны по своим стремлениям. Но тем большей проблемой становился факт, что и в дворянской среде имелись поклонники либеральных идей. В феврале 1898 г., в серии статей Д.М. Бодиско «Впечатления современной деревни», «Гражданином» была опубликована статья «Союз интеллигентов и лендлордов против современного дворянства». Дмитрий Михайлович Бодиско был по образованию агрономом, служил чиновником по особым поручениям Главного управления землеустройства и земледелия Министерства государственных имуществ и выступал в печати в защиту помещного дворянства. По своим взглядам он был очень близок Мещерскому.

Описанный Бодиско лендлорд – это «в большинстве князь, или граф, или человек из ряда вон богатый». Лендлорды «отнюдь не думают и не желают признать себя равным тому простому труженику-дворянину, который так нужен России». Сразу, таким образом, автором подчёркивалось, что тип, о котором он говорил, был чужд дворянству и сам не желал себя с ним ассоциировать. Причину этого Бодиско находил в гордости своим происхождением и несоответствии ему нынешнего положения и влияния: «лендлорд в среде дворянского собрания отнюдь не выдаётся из общего уровня

³¹⁵ *Короленко В.Г.* Метаморфоза «Гражданина» // Полное собрание сочинений В.Г. Короленко. Т. 6. СПб., 1914. С. 259–270.

среднего, небогатого дворянства... с этим лендлорд примириться не может, и этого он не прощает среднему помещному дворянству... в самом деле, ужели богатые Рюриковичи и Гедеминовичи, как их удачно охарактеризовал в одном из своих дневников кн. Мещерский, могут считать себя равными с каким-нибудь простым смертным дворянином».

Лендлорд стремился к власти, «к личному в деревне деспотизму» и ради устранения среднего помещного дворянства, которое есть «главный охранительный в России элемент», он вступил в союз с интеллигентами, хотя по своим целям расходился с ними. Аналогию такому явлению Бодиско видел в европейской политике, где «в государствах конституционных и республиканских крайние монархисты часто голосуют вместе с крайними социалистами и клерикалы вместе с атеистами, при безусловной взаимной ненависти».

Идеал интеллигента – французский, революционно-демократический, идеал лендлорда – английский. Лендлорд «в своих мечтаниях перекроил уже государственный строй России по образцу Англии, предвкушая наслаждение властью в провинции и столице, ибо ему тогда суждено быть во главе всего, и администрации, и общественного управления, и школы, и даже религии, которая должна быть реформирована по программе редстокистов, пашковцев, толстовцев и т.д.»³¹⁶. Таким образом, публикуя статью Бодиско, «Гражданин» отступил от того уважительного отношения к английским общественно-политическим отношениям, которое мы уже рассматривали.

В начале XX века либерализм всё сильнее укреплялся в дворянской среде, что не укрылось от внимания «Гражданина». «В дворянской среде нашли себе приют рядом со старыми заветами и преданиями – новые идеи», писал Мещерский в «Дневниках» номера от 16 мая 1902 г. Благодаря этим новым идеям «стало возможным избрание огромным большинством голосов дворянским собранием целой губернии такого дворянина в губернские

³¹⁶ Бодиско Д. Союз интеллигентов и лендлордов против помещного дворянства // Гражданин. № 11. 8 февраля 1898. С. 3–5.

предводители дворянства, который признал бы себя оскорблённым, если его назвали русским дворянином старых преданий». Между дворянами «старых и новых преданий... такое же различие, как между жизнью и между жизнью на театральной сцене». Благо народа для дворянина старых преданий «есть его жизнь», для нового – «повод играть комедии, говорить фразы»³¹⁷.

В «Дневнике» от 18 июля 1902 г., написанном в путешествии по Волге, Мещерский обратился к саратовскому дворянству, которое «принадлежит к одному из более политических дворянств в центральной России». В этом тексте мы вновь видим ряд идей, с которыми уже встречались: это и представление о «молчаливом» консервативном большинстве и «шумном» либеральном меньшинстве, и «доктринёрство», разобщение либералов с самодержавием и народом, и «безбрежность либеральных мечтаний» без чёткой определённости.

Но либерал-дворянин отличен от либерала-интеллигента. «Обращение» дворянина в либерализм понималось Мещерским как тяжёлое нравственное падение. Дворянину «для того, чтобы сделаться либералом-земцем в духе либерала-интеллигента, надо, чтобы этот дворянин совершил, так сказать, крупные и радикальные изменения основам своего бытия: он должен изменить всем преданиям и принципам своей исторической почвы, он должен изменить своему народу, он должен непременно сойти с своей исторической почвы и порвать с нею связи». Тем более, что «для земельного русского дворянина долг верности присяге всегда считался строже и обязательнее, чем для всех русских людей, потому что с соблюдением её соединялось двойное представление: о долге чести человека и о долге дворянской чести».

Впрочем, сразу затем Мещерский вновь поднял знакомую нам тему «природного либерала», вместе с народом верного самодержавию. Быть таким «самым искренним либералом, не покушаясь мысленно на неприкосновенность самодержавия» – «единственное жизненное условие, от

³¹⁷ Дневники // Гражданин. № 36. 16 мая 1902. С. 17.

соблюдения коего зависит возможность для либеральной партии земельного дворянства добиваться творчества, то есть практических результатов своего образа мыслей»³¹⁸.

Эта публикация выражала согласие не только на то, чтобы в России имелись либералы, но даже на то, чтобы и дворяне считали себя либералами, лишь бы они были не «доктринёрами», а «природными либералами». Таким образом, ситуация дворянина-либерала описывалась как тяжкое падение, предательство тех устоев, верность которым составляет «основу бытия» дворянства, но одновременно утверждалась возможность выхода из положения: быть «природным либералом». Но дальше аргументация не шла, остаётся непонятным, в чём же, кроме наименования себя «либералом», будет либерален такой дворянин и чем конкретно он будет отличаться от «природного консерватора». Как сами либеральные дворяне отнеслись к предложению, Мещерский не сообщил.

Реакцией на позицию Мещерского стало появление в «Русских ведомостях» открытого письма либерального тамбовского дворянина, участника земского движения В.М. Петрово-Соловово. Оно подписано датой 21 декабря 1901 г., но опубликовано газетой в номере от 6 января 1902 г. Петрово-Соловово получил от Мещерского письмо с призывом к предводителям дворянства «удостоить своим сочувствием» «Гражданин». Тамбовчанин понял, что «это есть нечто в роде циркулярного послания к предводителям дворянства» и решил ответить публично.

«Сетования» Мещерского о равнодушии дворянства к его призывам на самом деле воздавали дворянству хвалу, поскольку означали, по мнению Петрово-Соловово, «что в нём (дворянстве. – *Д.И.*) не заглохли те высокие идеалы, с которыми оно, обновленное реформами 60-х гг., выступило на открывшееся ему поприще общественной деятельности» и ««эпоха великих реформ» твёрдо определила путь, по которому оно должно идти». Мещерского

³¹⁸ Дневник // Гражданин. № 54. 18 июля 1902. С. 16–17.

автор именовал «проводником долголетней реакции». Вопреки реакции, в дворянстве не угасло «бескорыстное стремление в живом общении и при полной равноправности с остальными сословиями русской земли» трудиться над водворением «порядка вещей» для «общественного и государственного роста». Мещерский защищал не «духовные интересы дворянства», а «низменные побуждения кастового эгоизма», «розгу и административный произвол», его призывы чужды большинству дворянства и вызывают его негодование – ярко и убеждённо писал предводитель³¹⁹.

Эта позиция очень похожа на мнения, звучавшие на страницах «Нового времени»: дворянство не должно замыкаться в своей «кастовости», должно работать на равных основаниях с другими сословиями над «прогрессивными задачами». Отсюда же мы видим, что Мещерский не ограничивался публикацией материалов в журнале, но и рассылал письма конкретным лицам с просьбой о поддержке.

Дворянский либерализм вёл к падению дворян в земстве и замене их разночинцами, объяснял автор под псевдонимом «Марций» в январе 1902 г. по поводу этого письма. «Дворяне типа г. Петрово-Соловово защищают земство и оскорбляются отрицательным к нему отношением, стоя на чисто сословной точке зрения», той, что «земство – прежде всего своё, дворянское учреждение, в котором они хозяйничают и распоряжаются по своему усмотрению». В то же время разночинец «с удовольствием вышвырнул бы наше сословие из земства», его ненависть к дворянству «беспредельна и вечна». Следовательно, либерализм дворян обернётся их крахом: они «самих себя отдадут в рабство разночинцам»³²⁰.

В «Речах консерватора», беседуя с петербургской княгиней, Мещерский говорил, что земство при его создании «предназначалось быть другом и попечителем народа», но теперь «в земстве нет народа... земство сделалось

³¹⁹ Открытое письмо издателю «Гражданина» // Русские ведомости. № 6. 1902. С. 4.

³²⁰ *Марций*. Дворянство и земство (мысли постороннего наблюдателя) // Гражданин. № 5. 17 января 1902. С. 4.

сетью гнёзд, которые свили себе по уездам группы своих людей из местных дворян землевладельцев». Но здесь речь шла именно о группах, а не о сословии или классе, потому что тут же Мещерский продолжал: «в земстве недостаёт двух элементов: крупных землевладельцев и народа»³²¹.

Такое же, как и у Мещерского, возмущение дворянским либерализмом видим в документах Тверского жандармского управления, процитированных в статье Л.В. Ульяновой: ««Дворянство Тверской губернии, издавна отличавшееся либеральным направлением, забыв исконное призвание быть несокрушимым оплотом самодержавия и служить примером верной преданности царю и отечеству, изменило славным традициям». Тверское дворянство не бережёт свою сословную честь, «сливаясь с другими сословиями» и «олицетворяя собой земство»»³²². Очевидно совпадение с двумя идеями Мещерского: о «предательстве устоев» и угрозе растворения дворян в земстве.

«Гражданин» не только сокрушался по поводу разрушения дворянского сословия и увлечения дворян либерализмом, но и предлагал конкретные решения по дворянскому вопросу. Одним из них стали «Мысли дворянина», написанные Николаем Алексеевичем Павловым – саратовским дворянином-землевладельцем, через несколько лет ставшим одним из лидеров Объединённого Дворянства, и опубликованные в трёх номерах журнала в июле 1902 г. Павлов констатировал, что дворянское сословие было разобщено, забывало свои задачи, его теснила бюрократия и земцы. Дворянские хозяйства разорялись, сами дворяне увлекались либерализмом и уходили в города. Основанием реформ дворянства, по Павлову, должно быть его соединение и обобщение «около одной цели и в известной форме служения Государю и государству».

Главную причину проблем дворянства Павлов находил в его разделении

³²¹ *Икс.* Речи консерватора // *Гражданин*. № 39. 26 мая 1902. С. 3.

³²² *Ульянова Л.В.* Колыбель российского либерализма: тверские либералы глазами политической полиции (1880–1905) // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. 2008. № 6. С. 57.

на поместное и служилое, которое уже равнодушно к «частным дворянским делам». Но он напоминал, что на любом месте службы дворянин «клянётся верности как дворянин, носит в себе присягу с момента внесения имени в родословную книгу». Присяга объединяла всё дворянское сословие, и поэтому «правительство в праве безусловно верить всему сословию и благодаря этой уверенности подтверждать первенствующее право его». В качестве конкретного приложения этого убеждения Павлов говорил об усилении дворянских собраний, о том, что на них должны приходиться все представители сословия, независимо от их деятельности, с тем чтобы уклоняющиеся лица исключались из дворянских списков.

Дворянские собрания Павлов описывал не только как средство сплочения сословия, но и как показатель мнений и убеждений, существовавших в его среде, чтобы правительство знало, «в какой степени твердо оно может на сословие и его представителей опираться». По мысли Павлова, либеральные дворяне должны были быть достаточно честными, чтобы на собраниях прямо повторить свои убеждения. Он надеялся, что «у этих дворян... хватит мужества, умения и чести повторить перед составом собраний все свои убеждения, пропагандируемые вне зала дворянства», что «ни один дворянин, не согласный с консервативными традициями дворянства, не дерзнёт не только присягать, но и не появится в собрание и не будет участвовать в обычных письменных изложениях дворянами своих чувств - в адресах Государю и ходатайствах правительству»³²³. Соответственно, дворяне, не приходящие в собрания, должны были впоследствии лишиться своих сословных привилегий. Таким образом, дворянские собрания представлялись в виде «фильтров», которые отсеивали бы неисправимых либералов и объединяли верных консерватизму представителей сословия.

Дворянин не имел права на либерализм, писал Павлов, по той причине, на которую уже указывал Мещерский: он являлся представителем сословия,

³²³ Николай Алексеевич Павлов. Мысли дворянина // Гражданин. № 51. 7 июля 1902. С. 2–5.

смысл которого в служении. Он «не смеет, помимо долга присяги, службы – быть либерален, и позволять себе малейшую критику существующего порядка дворянину не приличествует». К тому же, дворянин был больше всех свободен в государстве. «Если все классы имеют право быть либеральны, то только из-за тех ограничений, которые им поставлены. У дворян этих ограничений нет. Дворянам, кроме всего, что им дано веками правительством, предоставлена полная свобода выбора образования, места служения, им же дана широкая свобода слова».

Статью Павлова можно назвать в точном смысле идеалистической. Он обращался не к решению материального оскудения, но к чувству долга и традициям государственной службы. К концу он призвал, чтобы «все категории дворян, самовольно разбившихся на земцев, чиновников, либералов и т.п., должны быть забыты, обезличены, соединены в одном долге, в одном звании дворянина, которому ясно указаны задачи в законе»³²⁴. Вскорости, 25 июля, «Гражданин» опубликовал «мнение» Государственного совета «Об усовершенствовании дворянских учреждений и пересмотре законоположений о сих учреждениях», в котором воплотились идеи Павлова. В частности, пункт 12 предполагал, что не явившийся на собрание без законных причин дворянин будет подвержен денежным взысканиям³²⁵.

Проект, предложенный Павловым, был, конечно, вполне консервативным. Возможность изменения положения дворянства в государстве и относительно других сословий им не рассматривалась, и разрешение кризиса сводилось, по сути, к возвращению к старым нормам. Эта же публикация показывает и то уважение, которое испытывали Мещерский и люди его круга к дворянству, надеясь, что даже ставшие либералами дворяне достаточно честны, что не будут лгать и подписывать то, во что они не верят.

В «Новом времени» целый ряд публикаций о «дворянском вопросе»

³²⁴ Николай Алексеевич Павлов. Мысли дворянина // Гражданин. № 52. 11 июля 1902. С. 2–4.

³²⁵ Об усовершенствовании дворянских учреждений и пересмотре законоположений о сих учреждениях // Гражданин. № 56. 25 июля 1902. С. 6–8.

появился в 1897–1898 гг. Эти публикации были связаны, в том числе, и с позицией «Гражданина». В номере от 31 марта 1897 г., в рубрике «Среди газет и журналов» было отмечено, что «в последнее время “Гражданин”, “Московские ведомости” и другие органы их направления усиленно занимаются дворянским вопросом». Эти занятия, впрочем, оборачивались стремлениями то «поставить кастовую перегородку для дворянства», то «вернуть ему прежние права и прерогативы», а «“Гражданин” даже договорился до необходимости иметь офицерами только дворян, офицеров же из других сословий принимать не иначе, как с согласия их дворянских товарищей». Всё это указывало, по мнению «Нового Времени», только на то, что авторы подобных статей «не обращают никакого внимания на ход истории, забывают о том, что история не возвращается»³²⁶.

Мы уже обращались к статье «Дворяне прежде и теперь», когда рассматривали земский вопрос. «Дворянин» уверенно провозглашал, что «дворянство можно усилить и прославить только мерами угодными истории, и что его можно в конец ослабить и обесславить мерами, истории не угодными». Самой крупной мерой, «угодной истории», «является отмена крепостного права». Дворянство подчинено истории, и в её ходе оно «не оставалось и не может оставаться всегда неизменной и одной и той же силой»³²⁷. Как мы уже об этом говорили, «Дворянин» излагал историю взаимоотношений дворянства с земством, указывая, что дворянство после 60-х гг. имело значение только на поприще бессословной земской деятельности, то есть, отказываясь от своей сословной исключительности и замкнутости.

Пафос подчинённости истории – то, что в статье «Дворянина» видится наиболее сильным и ярким. Одно истории «угодно», другое – «неудобно», и чтобы «угодить истории», дворянство обязано ей соответствовать. Здесь мы видим тот же фаталистический взгляд на исторический процесс, который звучал у Суворина в «Маленьком письме»: «Нас история двинула, как Господь

³²⁶ Среди газет и журналов // Новое время. 31 марта (12 апреля) 1897. № 7576. С. 3.

³²⁷ *Дворянин*. Дворяне прежде и теперь // Новое время. 9 (21) мая 1899. № 7613. С. 2.

двинул земной шар, и мы остановиться не можем. К добру это или к худу, мы должны жить этою европейскою жизнью»³²⁸.

«Новое время» вновь и вновь повторяло: дворянство должно отказаться от своей «сословности», должно слиться с другими сословиями на почве общего дела – в этом его будущее. В экономической сфере, даже отделённой от крестьянского хозяйства, «нет и не может быть речи только о дворянском сословии; прямо нет даже возможности выделить здесь только дворян, – речь сводится неизбежно на крупно-земледельческий класс», рассуждал Н. Гарин в статье «Дворянский вопрос» и, подобно Суворину и «Дворянину», утверждал, что «в этой замене сословия классом, в правильной организации классовых интересов – единственный возможный прогресс, соответствующий всему мировому ходу человеческой истории»³²⁹.

В начале 1898 г. дворянский вопрос вновь был поднят на страницах «Нового времени», на этот раз поводом для этого стал выход упомянутой нами в параграфе о земстве брошюры Г.А. Евреинова «Прошлое и настоящее значение русского дворянства». Как мы говорили, Мещерский обвинил сенатора в том, что тот стоял не на «почве жизни», а на «почвах бумажных».

«Новое время», в свою очередь, посвятило Евреинову три статьи, опубликованные без подписи в феврале 1898 г. Первая из них вышла под заглавием «Audiatur et altera pars – о дворянском вопросе». Латинский призыв «выслушать противную сторону» подразумевал, видимо, именно то, что «никогда ещё так много не писалось по дворянскому вопросу, как в последнее время, и никогда ещё мнения по этому вопросу, высказывания в печати, не отличались такою односторонностью и узостью». Тут же давался и очередной намёк на публицистику Мещерского: «едва ли не усерднее всего в известной части печати разрабатываются темы об учреждении особого «института» сельских батраков и о предоставлении дворянам-помещикам прав вотчинной полиции в своих околотках».

³²⁸ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 5 (18) марта 1900. № 7190. С. 2.

³²⁹ Гарин Н. Дворянский вопрос // Новое время. 12 (24) мая 1897. № 7616. С. 1.

В то же время, по мнению автора статьи, «не только дворянство вообще, но и дворянство поместное стоит неизмеримо выше глашатаев разных вожделений, в качестве якобы дворянской идеи», что и доказывалось вышедшей книгой Евреинова. «Новое время» приводило «главным тезисом» сенатора то, «что вернуться к сословным порядкам екатерининского времени невозможно, и что главное призвание дворянства в земской деятельности». «Очень важное обстоятельство» заключалось в том, «что именно так смотрит на своё главное призвание и само поместное дворянство»³³⁰. Из этого становится вполне очевидным, какую сторону «Новое время» принимало.

Через три дня газета опубликовала статью «Историческая справка по дворянскому вопросу». Такая справка нужна потому, что, как объяснялось, «в статьях некоторых газет по дворянскому вопросу самым излюбленным приёмом аргументации служит ссылка на «историю», на «историческое» призвание дворянства и т.п.», но ссылки такого рода конкретными указаниями не сопровождались. Автор выразил благодарность Евреинову «за обстоятельную, хотя и сжатую справку по истории русского дворянства». Основное содержание статьи составил пересказ текста Евреинова и цитаты из него. Вывод из истории делался такой: «Итак, служба престолу составляла всегда основной источник и единственную опору самого дворянства, которое вне службы не имело государственного значения как в допетровское, так и в новейшее время»³³¹.

Ещё через три дня в статье «Дворянство и чины» был рассмотрен вопрос о получении дворянства лицами из иных сословий по принципу выслуги чинов. Ограничивать такое получение – неправильно, тем более, что, как говорилось в статье, и так «нынешнее служилое сословие сортируется гораздо строже, чем в прошлом столетии и в первой половине текущего». Дурным последствием ограничения дворянства станет то, что люди малоспособные, но

³³⁰ Audiatur et altera pars – о дворянском вопросе // Новое время. 20 февраля (4 марта) 1898. № 7896. С. 1–2.

³³¹ Историческая справка по дворянскому вопросу // Новое время. 23 февраля (7 марта) 1898. № 7899. С. 2.

обладающие потомственным дворянством, будут иметь преимущество перед способными деятелями, для которых дворянство недоступно. Большая цитата из труда Евреинова утверждала, что «множество безграмотных потомственных дворян, промышляющих физическим трудом, получают такие политические права, в которых будут ограничены профессора университетов», филантропы и гуманисты не будут пользоваться экономическими преимуществами, а «просвещённые и состоятельные техники, инженеры, архитекторы, даже агрономы» не будут приобретать поземельную собственность. Впоследствии через это может возникнуть «такой антагонизм сословных интересов, такая сословная рознь, которых, благодарение Богу, Россия ещё не знала»³³².

Как же князь Мещерский реагировал на такую последовательную апологию раскритикованного им автора? В «Дневниках» «Гражданина» от 22 февраля он с иронией писал: «Очень приятно должно было быть сегодня г. Евреинову увидеть в “Новом времени” как его погладили по головке за его брошюру о дворянстве». Мещерский заявил, что в связи с наблюдаемым им течением, «понял, что нам земство теперь более чем когда-либо нужно, как та счастливая и благодатная лужа, в которой под предлогом слияния так удобно утопить бедное дворянство». Когда же это будет достигнуто и дворянства не станет, то сами либералы, полагал Мещерский, «станут равнодушны к судьбам земства»³³³.

Князь обвинил «Новое время» в том, что оно не заметило «иллогизма» Евреинова: он предлагал дворянству поменять свою сословную роль на значение в земстве, но, по мысли Мещерского, чтобы оно могло предводительствовать в земстве, дворянство должно быть сильным, т.е. неизбежно ограждено привилегиями.

Для «Нового времени» в размышлениях Евреинова, как и собственных, никакого «иллогизма», видимо, не было. Укрепление дворянского сословия, за которое выступал «Гражданин», представлялось возможным в газете именно

³³² Дворянство и чины // Новое время. 26 февраля (10 марта) 1898. № 7902. С. 1–2.

³³³ Дневники // Гражданин. № 15. 22 февраля 1898. С. 16.

на почве всеобщего земского дела, а привилегии отвергались как не помогающие, а мешающие этой цели. Таким образом, налицо принципиальное противоречие изданий между собой.

Вскоре, 14 апреля, «Новое время» опубликовало статью «Оскудение центра», в которой оскудение центральных губерний связывалось с крестьянским и дворянским вопросом. «Чем тратить силы на разработку отвлечённых вопросов и в академической постановке, – задавался безымянный автор, – не выгоднее ли те же силы обратить на разработку столь насущного и острого вопроса, как вопрос о поднятии упавшего и оскудевшего русского центра? Дворянский и крестьянский вопросы – только части этого общего вопроса о русском центре»³³⁴.

Мещерский в «Дневнике» выразил удивление по поводу того, что «Новое время» заговорило о связи оскудения русского центра с оскудением поместного дворянства. Статью он назвал «дельной», но раскритиковал слова об «отвлечённых вопросах» и обвинил «Новое время» в «нелюбви к задаче дворянского возрождения». Мещерский настаивал, что законодательная работа 1861 г. была не окончена, аграрный быт – и дворянский, и крестьянский – получил от неё «только брожение и шатание во все стороны на шаткой почве, да ещё в каком-то полумраке». Основа всего – жизненные потребности, экономическая работа должна опираться на них, и связь обоих сословий «может быть установлена правильно только посредством отдельного поднятия дворянского земельного сословия и крестьянского сословия»³³⁵.

В свою очередь, «Новое время» заявило, что, поскольку мнение о связи оскудения с дворянством показалось «Гражданину» неожиданным – значит, что «в каждом нумере трактуя дворянский вопрос, он ещё не удосужился заглянуть «в корень» этого вопроса и порхает в публицистических эмпирях». Анонимный автор обращал внимание, что оскудевало только русское дворянство, а не инородческое – прибалтийское, польское и кавказское.

³³⁴ Оскудение центра // Новое время. 14 (26) апреля 1898. № 7947. С. 2.

³³⁵ Дневники // Гражданин. № 29. 16 апреля 1898. С. 21–22.

Вопрос, таким образом, приобретал националистический характер, и дворянство в этом смысле должно было бы «способствовать внутреннему сплочению» инородческих местностей «с русской государственной жизнью»³³⁶.

Рассмотрим ещё несколько примеров полемики Суворина и Мещерского о дворянском вопросе, выразившихся в ответах друг другу на страницах «Гражданина» и «Нового времени». В номере «Нового времени» от 18 июня 1895 г. вышло «Маленькое письмо», написанное Сувориным по поводу «Дневника» из «Гражданина», в котором Мещерский обличал Дворянский банк. Его князь именовал «Робеспьером», казнящим дворянство, и видел в происходящем «непостижимое сословное равнодушие», «слабость, эгоизм и беспечность», «прогресс, ломавший все старые позиции дворянства».

В ответ на размышления Мещерского Суворин писал, что «огромное большинство помещиков» состоит из тех, кому в 1861 г. было максимум 10 лет, они никогда не покупали и не продавали крепостных, «они получили имения по наследству, совершенно невиноватые ни в каких крепостных провинностях». Этому поколению помещиков особенно тяжело: надо было вынести все трудности пореформенного времени, приспособиться к новым условиям. «Их встретила иная, более сложная, более ответственная и тяжёлая жизнь» в условиях бедности и долгов.

Суворин, по-видимому, сделал верный вывод из текста Мещерского: «Робеспьер-то никто иной, как само дворянство в связи с новыми, после-крепостными условиями жизни», но он тут же выступил с иной идеей: «мне же кажется, что всё дело в истории, в её неизбежном ходе». Историю можно назвать «беспощадной», но она есть жизнь, «а в жизни есть беспощадное и радостное, умирающее и рождающееся». С истории «взятки гладки». То, что написал в этом письме Суворин, можно уверенно назвать настоящим социал-дарвинизмом. Происходит не что иное, как «естественный отбор»: «вымирают

³³⁶ Связь вопросов о центре и о дворянстве // Новое время. 17 (29) марта 1898. № 7950. С. 2.

старые, вымирают те, которые не могли приспособиться к новым условиям жизни, которые не выдержали тяжёлой борьбы или были особенно несчастливы». Зато останутся те, «которые постоят за себя, постоят за свою землю и с честью выйдут из того кризиса, который переживают теперь»³³⁷.

В декабре 1895 г. «Гражданин» и «Новое время» высказывались по поводу одного из эпизодов конфликта тверского дворянства с губернатором, который тянулся все 1890-е гг. Тверской губернатор П.Д. Ахлёстышев проводил жёсткую политику, утверждая в управленческом аппарате нужных ему людей, и 15 декабря 1895 г. депутаты дворянского собрания сделали заявление министру внутренних дел о сложившихся между губернатором и обществом «ненормальных отношениях»³³⁸. «Губернатор, притесняющий дворянство, это как-то не укладывается в моей голове», – писал Суворин. Современный губернатор, по его мнению, «всё-таки интеллигент, дворянин и даже более или менее светский человек». Ситуация, по мысли Суворина – в порядке вещей, и «есть полная возможность разобраться в этом деле совершенно беспристрастно и авторитетно, не ставя вопрос так, как ставит его князь Мещерский: «кто победит, тверские либералы или русское правительство?»³³⁹

О тверском конфликте Суворин вновь высказался в «Маленьком письме» от 25 декабря. Хотя издатель, по собственному признанию, узнал новые подробности о происходящем, в конфликт дворянства с губернатором он упорно не верил: «не верю весьма серьёзно, не верю, чтоб дворянство смело быть врагом существующего государственного порядка, если оно что-нибудь значит и что-нибудь понимает». А если оно таким врагом сделается, то «оно погибнет и лопнет, как каучуковый пузырь, лопнет навек». Решившийся на жёсткие высказывания о тверских дворянах «Гражданин» подозревает их в

³³⁷ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 18 (30) июня 1895. № 6932. С. 2.

³³⁸ Андреев А.Е. Тверские губернаторы на рубеже XIX–XX вв.: стиль работы и образ жизни // Вестник Томского государственного университета. 2014. №. 389. С. 123–127.

³³⁹ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 23 декабря 1895 (6 января 1896). № 7120. С. 2.

недостатке благонамеренности, предполагал Суворин и тут же критиковал это понятие, которое «есть нечто неуловимое в государстве русском и всякий начальник понимает его сообразно своему развитию». Здесь мы видим то же раздражение, с которым он говорил об «отцовстве» земских начальников: никаких расплывчатых произвольных определений и призывов, всё должно быть в рамках закона и общепризнанных определений.

Похоже, Суворин, считавший, что дворянство должно «приспосабливаться» для выживания в новых условиях, в связи с этим же и не верил, что дворянство пойдёт на заведомо самоубийственные действия, в данном случае – прямой конфликт с губернатором. «Будь я губернатором, я бы утвердил попечителем школы всякого дворянина, без всяких опасений», – писал Суворин, признавая, впрочем, «что и между дворянами есть гуси» – так же, как и «в других сословиях». Этих гусей не следует дразнить «мелочными придирами. Власть должна быть тверда и беспристрастна»³⁴⁰.

«Противником дворянства я никогда не был», – уверял Суворин в «Маленьком письме» от 28 января 1896 г. «Оно не “оскудело умственно и нравственно”, сравнительно с прежним временем крепостничества, а выросло, как выросла вся Россия». Дворянству «возникла небывалая до освобождения крестьян конкуренция», но за ним всё же остаются богатства как культурные, так и материальные. Суворин снова повторял: кризис «должен унести наиболее слабых, но те, которые переживут его, окрепнут и сохранят своё значение»³⁴¹.

Если Суворин видел в ситуации, таким образом, частную проблему отдельных «гусей», то Мещерский видел всё в тонах гораздо более серьёзных и мрачных. «Тверская история, как я писал, вовсе не шутка и вовсе не обычный эпизод в летописях дворянских собраний», – объяснял князь в своём «Дневнике» Суворину, который «в самом деле ничего не знает о подноготной

³⁴⁰ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 25 декабря 1895. (6 января 1896) № 7122. С. 6.

³⁴¹ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 28 января (9 февраля) 1896. № 7154. С. 3.

тверского скандала». Этот скандал разыгран специально «всей партией либералов дворян Тверской губернии», ненавидящих в губернаторе Ахлестышеве «его политику противодействия той самой партии»³⁴². Уже в следующем номере, впрочем, Мещерский допускал, что «губернатор превысил закон в данном случае», но тут же добавил, что если он – «почтенный губернатор», то можно «совсем даже не допускать дела до обсуждения». Причина – престиж власти: «Выше формального применения законности стоит авторитет правительственной власти в глазах народа»³⁴³.

При всей разнице в оценках перспектив российского дворянства и «Гражданин», и «Новое время» отрицательно относились к возможности его замены буржуазией. В «Гражданине» от 22 февраля 1898 г. была опубликована статья А. Карцова «Банк на замену помещика!», посвящённая докладу П.Н. Измалкова «О земельном кредите, как средстве улучшения положения частных землевладельцев», прочитанному в Вольном экономическом обществе. Доклад утверждал, что передача управления заложенным имением земельному банку с участием банка в прибылях могла бы поднять дворянское хозяйство и помочь избежать землевладельцам продажи их имений с аукциона за долги. Карцов согласился, что качество хозяйства может улучшиться «под влиянием одной наличности капитала, значение которого совершенно стихийное и который является такой же необъятной силой XIX столетия, как пар, электричество, магнетизм и т.п.»

Но дело в том, писал Карцов, что за счёт земледелия существует промышленность, и за подъём последнего капитал примется только нехотя, тогда, когда земледелие «перестанет быть дойной коровой». Карцов сослался на новость из «Нового времени» о создании «еврейского синдиката» по выдаче «мелкого земледельческого кредита», который заставит «бедных землевладельцев работать на синдикат, который и будет держать их в кабале».

После этого статья перешла на привычные для «Гражданина» темы. Сам

³⁴² Дневник // Гражданин. № 354. 24 декабря 1895. С. 3.

³⁴³ Дневник // Гражданин. № 355. 25 декабря 1895. С. 3.

факт доклада – «государственная опасность», поскольку Измалков, будучи воронежским помещиком, «является представителем среднего землевладения, тех многочисленных тружеников, рассеянных на обширном пространстве Русской земли, которые всегда составляли основу государственного строя». И «этот сын земли, эта соль русского населения» занимается тем, что «бросает своё историческое поприще и передаёт свою культурную миссию в руки анонимного капитала». Карцов предлагал подумать о способах не допустить земле превратиться в собственность капитала, «на службе которого русские, жизненные силы обратятся лишь в бессловных батраков»³⁴⁴. Но каковы эти способы, не сообщалось.

Той же проблематики касалась статья К. Головина «Дворянский вопрос», которую «Новое время» разместило в трёх номерах в апреле 1898 г. Вопрос этот постоянно поднимается, вызывает массу различных доводов, писал Головин. Указанные им позиции – это совершенно явно позиции «Гражданина» и самого «Нового времени»: «С одной стороны, повторялось не раз, что дворянство, как историческое служилое сословие, представляет собою стародавний оплот русского государственного строя; с другой – не менее часто провозглашалось, что в этой своей исторической роли дворянство не должно обособляться от прочих общественных классов, а сливаясь с ними в одно гармоническое целое, в качестве «лучших» людей русской земли, служить общему народному делу». Но ясного решения вопроса нет.

В статье Головина мы видим достаточно смелую претензию разрешить вопрос, о котором сказано уже очень много. Для этого прежде всего автор предлагал ответить: нужно ли вообще для страны сохранение дворянского землевладения? Несомненно то, что «без наличности такого класса людей, который может сознательно, умело и честно вести местное управление и по выборам, и по назначению правительства, страна обходиться не может». В России таким классом является поместное дворянство, и заменить его пока

³⁴⁴ Карцов А. Банк на замену помещика! // Гражданин. № 15. 22 февраля 1898. С. 2–4.

нечем.

Процесс обновления неизбежен, писал Головин, используя биологическую аналогию: «Подобно тому, как все живые организмы утрачивают некоторые из своих клеток, чтобы заменить их новыми, поземельное дворянство всегда получало извне приток свежих элементов, между тем как некоторые прежние его члены выбывали из его рядов». Но этот процесс нужно регулировать, чтобы «утраты восполнялись новыми, действительно лучшими людьми». Как власть подбирает «лучших людей»? Раньше – по военной доблести, а «источником власти являлось владение землёй». Но «в настоящее время, при огромном росте движимого богатства, центр тяжести перешёл от земли к капиталу и орудием приобретения власти является кошелёк». В соответствии с этим изменился и европейский порядок: «в этом преобразовании общественного строя и заключается весь смысл демократизации Западной Европы. Политическое первенство ушло из рук тамошнего поземельного дворянства, потому что сила денег переросла власть земли».

Хотя и «нечто подобное должно, конечно, совершить и у нас», такой прогресс не вызывал у Головина особого сочувствия. «Кошелёк в роли орудия подбора даёт несколько иные результаты, чем старинная дворянская шпага... немудрено, что изменившиеся условия добывания богатства и власти создают аристократию, имеющую в себе мало рыцарского». Да и русский промышленный класс, как Головин также признал, весьма ещё неразвит. В связи с этим ситуация вдруг приобретает националистический характер: «нам, русским, надо серьёзно задуматься над вопросом, раскрывать ли настежь ворота чумазой еврейской силе, принесшей с собою на Запад не мало плевел заодно с цветами прогресса». Эта «чумазая сила» готовится заменить дворянство, и чтобы этого не произошло, «не следует ли, среди происходящей у нас борьбы капитала с землёю, оказать поддержку последней, хоть несомненно слабеющей?» Если помещный класс будет сметён, то никого не останется «между простым мужиком, с одной стороны, и с другой - грабящим

его, чумазым и непонимающим его чиновником»³⁴⁵.

Таковы общие идеи, с которыми на страницах «Нового времени» выступил Головин. В двух последующих частях своей статьи он рассуждал о конкретных деталях дворянского вопроса и того, как следует помочь дворянству: о разорении имений, тарифах, наследовании. Его вывод в целом сводился к двум положениям: поместье дворянство нуждается в серьёзной постоянной помощи со стороны государства и в притоке свежих сил, причём по различным критериям: «желательно одно лишь, чтобы не служба только, а все виды умственного труда награждались включением в передовое сословие». Дворянство «должно воспринимать в себя в себя все лучшие умственные силы страны», и только тогда «оно будет на высоте своего положения и, неся местную службу, правительственную и земскую, не вызовет ни в ком зависти и недоброжелательства»³⁴⁶.

Можно сказать, что позиция автора отличается от разобранных выше идей Суворина. Если издатель «Нового времени» приходил к мысли, что дворянство должно подчиниться ходу истории, то Головин прямо писал о вытеснении дворянства финансовым капиталом как о деле нежелательном, которому правительство должно противиться. Однако, нет необходимости видеть здесь решительное противоречие. По сути, Суворин писал о том, что, по его мнению, являлось неизбежным, а Головин – о том, как дворянство могло бы к этой неизбежности приспособиться.

В более поздние годы в «Новом времени» тот же Головин ещё более прямо говорил об опасности ослабления дворянства в земстве. В октябре 1903 г. он писал, что дворянству приходится «выдавать самому себе отставку... выбрасывая за борт всё то, что обеспечивало за ним и земское положение и всё прошлое России». Головин пояснял, что дело идёт «не о каких-нибудь феодальных привилегиях» и не «об отмене позорных ненавистных преимуществ», а «попросту о первенствующем значении, присвоенном

³⁴⁵ Головин К. Дворянский вопрос // Новое время. 2 (14) апреля 1898. № 7937. С. 2–3.

³⁴⁶ Головин К. Дворянский вопрос // Новое время. 4 (16) апреля 1898. № 7939. С. 2.

дворянству историей и законом в местном самоуправлении». Но какие бы объяснения ни прилагались, налицо отличие от прежних публикаций, от того же «Дворянина», отрицательно говорившего о дворянском преимуществе как таковом.

Головин продолжал: «Вместо того, чтобы сплотиться в классовую группу», дворянство «пошло навстречу уравнительным веяниям» и заявило о готовности «принести себя в жертву на алтаре равноправности». Как мы упоминали, ранее в «Новом Времени» звучали слова о необходимости для дворянства влиться в класс крупных землевладельцев. Здесь же понятие класса явно отнесено к дворянству самому по себе.

Указанное стремление Головин назвал «несомненно благородным», но вело оно к дурным последствиям. Увеличение в земстве крестьян и интеллигентов покажет «готовность правящего класса окунуться в широкие волны народной жизни с перспективой там окончательно утонуть», но вышел ли бы прок от получившихся земств? Это «предсказывать ещё рано», но дело в том, что «защищать интересы тёмной массы правящий класс может тогда лишь, когда он твёрдо стоит и за собственные права» и не бросает их на ветер, «хотя бы это был ветер самый прогрессивный»³⁴⁷.

Суворин писал: «в моём понимании дворянство - ручей, становящийся с развитием просвещения рекою и морем; в понимании князей-журналистов дворянство – река, ограждённая набережными, которые надо постоянно ремонтировать и укреплять»³⁴⁸. Это описание представления собственного и оппонента представляется очень точным. В дворянском вопросе «Новое время» последовательно опиралось на идеи прогресса, изменения и приспособления, в которых ценность традиции или оказывалась подчинённой, или же вовсе игнорировалась. Дворянство в суворинской газете представлялось в качестве только одного из участников общественной и

³⁴⁷ Головин К. В земских собраниях // Новое время. 24 октября (6 ноября) 1903. № 9928. С. 3.

³⁴⁸ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 28 января (9 февраля) 1896. № 7154. С. 3.

экономической жизни. Эта жизнь меняется, прогрессирует, следовательно, должно меняться и дворянство. Мысль о подчинённости дворянства прогрессу проводилась в «Новом времени» со всей откровенностью, в отличие от аналогичных представлений о самодержавии, которые явно выражены только в личных материалах.

И князь Мещерский, и другие авторы «Гражданина» неустанно повторяли, что ценность дворянства заключается в оберегаемых им традициях государственного служения. Разрушение дворянской сословности, выражающейся в правах и привилегиях, растворение дворян в бессословной общности представлялось в «Гражданине» перспективой катастрофической, поскольку, по мнению его авторов, означало не изменение экономических принципов, но утрату традиции, идей и представлений, на которых основывалось иерархическое, патриархальное общество. Главная функция дворянина в соответствии с позицией «Гражданина» – быть «хранителем преданий», тем, кто передаёт консервативные ценности потомкам и распространяет их влияние ниже по социальной лестнице, влияя на простой народ.

Сравнивая позицию «Гражданина» и «Нового времени» по дворянскому вопросу, следует избегать их противопоставления как «дворянской» и «антидворянской». Оба издания предлагали свои пути решения проблем, как материальных, так и духовных, с которыми русское дворянство вступало в XX век. Но указанная принципиальная разница между приматом традиции или «всесословного дела» неизбежно приводила к противостоянию.

3.2. Интеллигенция

Приступая к отношению исследуемых изданий к интеллигенции следует уточнить, что именно в то время под ней понималось и каким содержанием наполнялось это понятие. Приходится учитывать, что это содержание могло быть различным в зависимости от употребления термина. Можно присоединиться к мнению Г.Н. Мокшина о том, что «собираемость термина “интеллигенция” и обусловила его расплывчатость и неопределённость.

Причём со временем количество определений только возрастает»³⁴⁹. На сегодняшний день существует несколько наиболее распространённых определений термина: во-первых, интеллигенция как просто образованные люди; во-вторых, «мессианское» понимание как те, кто объединён особыми задачами по распространению просвещения и прогресса; в-третьих, профессиональные работники умственного труда – понимание, утвердившееся в советское время и официально прописанное в Конституции 1936 г.

В Российской империи статус интеллигенции никогда не был законодательно определён, она не представляла собой отдельного сословия. Само это слово, являющееся транскрипцией латинского «*rassudok*, понимание», стало постепенно употребляться с первой половины XIX века. Понимание его в связи как с образованием, так и служением делу прогресса восходит к 1860-х гг. Одной из статей, выразившей прогрессистское понимание интеллигенции, стала «Задача русской молодёжи», опубликованная А.Д. Градовским в газете «Голос» 1 августа 1879 г. Он доказывал, почему молодые люди должны получать образование, а не «идти в народ» под воздействием модной агитации. Народники могут быть только «переряженными агитаторами, не могущими дать народу ничего, кроме “пропаганды”, то есть воззвания к грубейшим и кровавейшим инстинктам человеческой природы». Но «вы можете принести народу пользу, только оставаясь самими собою, то есть частью русской интеллигенции, постепенно увеличивая число образованных, разумных и нравственных русских людей».

Интеллигенция, по Градовскому, это «совокупность таких умов, в которых, как в фокусе, сосредотачивается разумение всех потребностей целой страны, от верхнего её слоя до нижнего, всех её стремлений и задач, которые умеют дать разумную формулу всякому движению, указать исход всякому замешательству и нравственному влиянию которых подчиняются все

³⁴⁹ Мокшин Г.Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж, 2007. С. 7.

действующие силы страны»³⁵⁰. Такая интеллигенция должна «вести общество вперед» и «обновлять родную страну».

В статьях «Гражданина» упоминания интеллигенции и интеллигентов встречаются очень часто. Мы уже упоминали о том, что «интеллигент» здесь постоянно выступает как синоним «либерала». Как мы помним, именно интеллигенты, по мысли князя Мещерского, «испортили» благие начинания Александра II.

Интеллигент безосновательно уверен в себе. Мещерский писал в ноябре 1898 г., после своего возвращения из поездки в Европу, что в Петербурге, в центре «нашей русской интеллигентной жизни», встречаешь и русского, «ноющего и стонущего под гнётом того, на что он жалуется, и весьма часто основательно жалуется», и «самодовольного, легкомысленного, самоуверенного русского интеллигента, который всё знает, всё умеет и отрицает две вещи: учение и совершенствование». Чем больше слышно жалоб на беспорядок и неуважение к личности – «тем нахальнее и самоувереннее россиянин-интеллигент провозглашает свою непогрешимость, своё всеведение». Мещерский заявлял, что он начнёт «верить в возможность зари просвещения и улучшения жизни только тогда, когда начну видеть в Петербурге интеллигентов, смиренно говорящих: я ничего не знаю, надо учиться, и тепло говорящих: надо выслушать, надо помочь»³⁵¹.

Интеллигент отличен тем, чем и либерал: он чужд народу, даже если представляет себя «другом народа». Мещерский описывал отчуждение интеллигенции от народа, говоря о «двух Россиях», в которых пребывают та и другая. «Одна Россия – Россия интеллигенции, живущая над русскою землёю, в облаках её доктрин, мечтаний и желаний; другая Россия – тысячелетний русский народ с его церковью, с его царём и с его одинокими, образованными русскими людьми»,³⁵² – писал «Гражданин» в первом номере за 1902 г.

³⁵⁰ Александр Градовский. Задача русской молодёжи // Голос. № 211. 1 (13) августа 1879. С. 1–2.

³⁵¹ Икс. Речи консерватора // Гражданин. № 85. 29 октября 1898. С. 2.

³⁵² Икс. Речи консерватора // Гражданин. №1 и 2. 8 января 1902. С. 16.

Изображением «либерального всероссийского мира интеллигентов в печати, в департаменте, в земстве, везде, где надо шевелить мозгами, будто бы для блага русского народа» в январе 1903 г. Мещерский назвал издаваемый Струве в Штутгарде журнал «Освобождение». России и русскому народу он чужд, поскольку «прямо переходит, не останавливаясь ни на чём, к конституции, как к идеалу, и всё остальное, то есть, excusez du pen, жизнь русского народа, он не признаёт даже достойным мысли». Здесь мы видим и сравнение современных Мещерскому либералов с их предшественниками, подобное тому, как в январе 1895 г. Мещерский сравнивал либералов с декабристами в пользу вторых. На этот раз он сравнил Струве с Герценом. Герцен «верно или не верно, но... предлагал задачи для разрешения ко благу русского народа и русского государства», в «Освобождении» же «нигде ни одного жизненного вопроса, нигде даже намёка на сочувствие той или иной народной нужде»³⁵³. В «Воспоминаниях» о Герцене говорилось жёстче: он «своим влиянием являлся самым циничным выразителем того характера случайности, который должны были принять задачи так называемого перерождения... в основу герценовского обличения легла его мелочная, личная, а потому антипатриотическая ненависть к Николаю I»³⁵⁴.

Можно сказать, что высказывания Мещерского об «либералах-интеллигентах» соответствуют пониманию интеллигенции как «передовой» части общества, которая претендует на роль проводников на пути прогресса. Но он употреблял это слово и в ином значении. Например, интеллигентом он называл помещика: «Мы поверили и решили: интеллигент сам по себе и народ сам по себе... мало по малу, особенно за последнее время, разговор с интеллигентом вообще перешёл на интеллигента в частности, на помещика. “Оторван” и он, и его не понимают, и у него та же рознь с народом»³⁵⁵. В воспоминаниях понятие встречается и в более оригинальном значении.

³⁵³ Дневники // Гражданин. № 7. 23 января 1903. С. 19.

³⁵⁴ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 47.

³⁵⁵ Вслух // Гражданин. № 10. 10 января 1894. С. 2.

«Продуктом великолепного николаевского царствования», писал Мещерский, было множество личностей, «изображавших собою неистощимый запас героизма, высокого и сознательного, и даже, если можно так выразиться, интеллигентного»³⁵⁶.

Таким образом, термины «интеллигенция, интеллигентный» могли использоваться князем Мещерским в очень разных, в зависимости от ситуации и контекста, смыслах. Тем не менее, в «Гражданине» эти термины с их производными использовались, по преимуществу, именно в смысле «либерального» разрушения.

Вероятно, одно из наиболее полных размышлений об интеллигентах в «Гражданине» было опубликовано в статьях Дмитрия Бодиско. Мы уже обращались к ним, когда говорили о поместных дворянах и «лендлордах». Последний находился в союзе с интеллигентами. Интеллигентов Бодиско разделял на три группы – «высшего, среднего и низшего полёта», хотя «стремления интеллигента, его идеалы, везде одинаковы».

Интеллигенты различались Бодиско по своему имущественному и социальному положению. Интеллигент «высшего полёта» являлся «продуктом столицы», он мог иметь капитал в банке и спокойно ратовать «против богатых людей и капитализма, громя тлетворное влияние капитала и становясь на сторону труда и трудящихся». Такой интеллигент любил «пококетничать и добродетелью, и прогрессистскими идеями», а последние давали «право быть произведённым в генералы-от-интеллигенции» и держать знамя прогресса, впрочем, под охраной полиции.

Интеллигент среднего полёта принадлежал к бюрократии, крупного капитала по большей части, за исключением адвокатов, не имел, но обеспеченность «двадцатым числом», то есть жалованьем, также давала ему возможность с «лёгким сердцем рассуждать о борьбе труда и капитала, становясь на сторону первого, и считая притом себя тем самым тружеником,

³⁵⁶ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 26.

который страдает от царства капитала». Для описания взаимоотношений интеллигентов «высших» и «средних» Бодиско использовал образ разделения властей: «интеллигент средней руки, живущий в провинции, является проводником идей, так сказать, исполнительной властью столичного интеллигента-законодателя, ежедневно издающего свои законы путём либеральной прессы и жидовских канцелярий».

Наконец, низший интеллигент – это обитатель по преимуществу деревни, которая, однако, являлась не лучшей для него почвой, поскольку «русская деревня сохранила до сего времени тот мощный русский дух, силою которого создалась обширная Россия с её особым, самостоятельным строем жизни и государства». Раньше (далее Бодиско писал о «безвластии» периода семидесятых годов) интеллигент «набросился на деревню всеми своими силами» в надежде поднять крестьянство, но «нигилизм, исшедший из либерализма», разбилась об устойчивость «двух земельных сословий государства», т.е. поместного дворянства и крестьянства.

Современный Бодиско интеллигент «преисполнен того же духа отрицания», что и нигилист семидесятых годов. Он не проявляет своих стремлений открыто, но «в душе также отрицает Бога и религию... готов отрицать и монархию», а «отсюда один шаг до отрицания власти, семьи и собственности в пользу осуществления утопических теорий равенства». Пропагандистами интеллигентских теорий Бодиско назвал «полуобразованных людей, исполняющих обязанности учителей земских школ». Они «обыкновенно мало симпатичны», грубы, непочтительны и желают казаться «чем-то самостоятельным, никому и ничем не подчинённым». Занимаются они тем, что «с крестьянами... под шумок беседуют о том, что на свете нет справедливости, что крестьяне-де обижены землёй, а у помещика её много». В церковь они демонстративно не ходят и постов не соблюдают, проповедуя, что «посты, попы и всё прочее есть только предрассудок и суеверие».

Говорил Бодиско и о интеллигентах-помещиках, употребляя это понятие

в смысле этики, а не образованности. Такие помещики по взглядам во всём солидарны с прочими интеллигентами, но «отрицают прежде всего дворянство». Свои теории они, однако, не прилагают к собственным крестьянам, находя для них «нужным и земского начальника, и полицию, и губернатора».

Все свои силы интеллигенты направляют на борьбу с поместным дворянством, «сословием, существование которого обуславливает собою охранение существующего порядка». Хотя Бодиско и видел «русский дух» в деревне, но на сопротивление интеллигентам крестьян он не рассчитывал, потому что «безграмотное крестьянство... легко могло бы быть направлено интеллигенцией по пути своих стремлений и идеалов»³⁵⁷.

Публикация Бодиско отличается от других статей «Гражданина» с их довольно однообразными бичеваниями «разрушителей». Здесь мы видим попытку подробного анализа масштабного современного автору явления. Описанные интеллигенты соотнесены в статье с либерализмом, об этом прямо говорят упомянутые «либеральные общества», «либеральные газеты», которые читали интеллигенты низшего разряда, наконец, то, что нигилизм в 1870-х годах вышел из либерализма. В то же время идеи, которых придерживались эти интеллигенты, имели явно социалистический характер, будучи направлены на передел земли между крестьянами и защиту пролетариата. Бодиско не приписал интеллигентам полного радикализма, указав, что до «отрицания власти, семьи и собственности» им оставался «один шаг», но именно такая перспектива для либеральных интеллигентов в его тексте представлена вполне реальной.

И, кстати говоря, фраза об «отрицании власти, семьи и собственности» может быть отсылкой к известной работе Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», русскоязычное издание которой вышло в Петербурге в 1894 г., за несколько лет до публикации статьи Бодиско.

³⁵⁷ Бодиско Д. Интеллигенты и проявление их в жизни деревни // Гражданин. № 5. 18 января 1898. С. 3–5.

Европейский либерализм того времени мог стремиться к изменению отношений в сферах власти, семьи и собственности, но отрицал необходимость их радикального разрушения. В этом и состояло отличие либерализма от социализма, например, в Великобритании, как это описывал в книге о либерализме Герберт Самуэль. В частности, он писал: «Факт тот, что право частной собственности было признано, законом и обычаем, испокон века»³⁵⁸.

Эта же установка прослеживалась и в русском либерализме 1860-х гг. Б.Н. Чичерин в «Истории политических учений», говоря об основных элементах человеческого общежития и основанных на них учениях, указывал на опасность отрицания социализмом тех самых принципов, о которых много позже писал Бодиско: «Социализм основывает свои требования на высшем начале государственной жизни, на общественном благе, но, развивая это начало в ущерб остальным, он доходит до отрицания свободы, собственности и семейства»³⁵⁹.

Однако к началу XX века ситуация изменилась, русский либерализм отошёл от ориентации на государство к принципам социально-революционным, ранее проповедовавшимся радикальными народниками. О том, как народничество влияло на либералов, какие убеждения были характерны для тех, кто вскорости пополнял «Освобождение» и конституционно-демократическую партию, пишет нижегородский исследователь Ф.А. Селезнёв в статье³⁶⁰ и монографии³⁶¹. Выводы Селезнёва о социалистической направленности, прослеживаемой в поколении либералов рубежа веков, очень хорошо накладываются на ситуацию, описанную в статье Бодиско. Особо для нас интересно следующее наблюдение учёного: «В

³⁵⁸ Герберт Самуэль. Либерализм: опыт изложения принципов и программы современного либерализма. М., 2009. С. 131.

³⁵⁹ Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. I. СПб., 2006. С. 29.

³⁶⁰ Селезнёв Ф.А. Либералы и социалисты - предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 22–34.

³⁶¹ Селезнёв Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917). Нижний Новгород, 2006.

провинции в 1905–1907 гг. на авансцену политической жизни выдвинулся “общеопозиционный тип деятеля”, не чуждавшегося работы в помощь и социал-демократам, и эсерам, и кадетам... провинциальная оппозиционная интеллигенция представляла собой единое в идейно-политическом плане “поле”, “полюсами притяжения” в котором были комитеты ПСР, РСДРП и кадетов»³⁶². К представителям такого «поля» можно отнести и персонажей, описанных Бодиско, которые могли чередовать чтение либеральных газет с проповедью социализма или анархизма крестьянам.

В «Новом времени» рассуждения об интеллигенции и интеллигентах встречались реже, чем в «Гражданине». В «Маленьком письме» от 2 сентября 1899 г., в котором шла речь о крестьянстве и дворянах, Суворин заметил, что «живя в деревне, невольно спрашиваешь: где пресловутая русская интеллигенция?» Всё делает мужик, «работу интеллигента надо отыскивать и стоит она страшно дорого». Но тут же Суворин, подобно Мещерскому, к интеллигентам причислил помещика: «Говоря об отсутствующей интеллигенции, я, конечно, не понимаю делающего своё дело помещика». Но Суворин видел и сдвиг в лучшую сторону: «возвращаясь к интеллигенции, должно сказать, что в последние годы она начала довольно усиленную работу в специальной литературе и журналистике по сельскому хозяйству»³⁶³.

В номере «Нового времени» от 18 июля 1897 г. была опубликована статья публициста Н.А. Энгельгардта, сына автора «Писем из деревни» А.Н. Энгельгардта, под названием «Кризис интеллигенции». Энгельгардт обратил внимание на расплывчатость понятия: «Интеллигенция – слово отвлечённое, означающее качество, одинаково присущее всем мыслящим существам. Интеллигенция есть повышенная сознательность и чувствительность». Именно через это Энгельгардт и определил интеллигента: это – тот, кто слишком «сознателен», кто заботится о том, «что совершенно до него не

³⁶² Селезнёв Ф.А. Либералы и социалисты - предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 30.

³⁶³ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. № 8446. 2 (14) сентября 1899. С. 1.

касается», размышляет «о таких явлениях, на которые он не может оказать ни малейшего воздействия». Интеллигент оказался чужд естественному культурному развитию, осуществляемому в преемственности поколений, «потому что он не имеет оседлости, постоянно кочует, покорный вечно неудовлетворенному стремлению, охватившему его». Интеллигент не живёт, он отвлечённо наблюдает жизнь, и «в то время, как все земские сословия непосредственно живут, творят и созидают, интеллигент лишь в отвлечении сознаёт процесс жизни, творчества, созидания».

Две роли интеллигенции, которые она могла бы исполнять даже в таком положении – «обнаруживать и указывать проявившуюся в жизни других сословий красоту» и «воспринимать идеи великих умов Запада и вносить их в русскую жизнь» также подверглись критике от Энгельгардта. Для этого интеллигенция не обладает ни досугом, ни обеспеченностью. Русский интеллигент – «бездомовный бобыль-пролетарий», он «читает Спенсера и Добролюбова», «живёт заваливающимся хламом европейского книжного рынка». Интеллигенция чужда красоте как русской, так и западной, она не идёт дальше Конта и Спенсера, поскольку они «снимают все противоречия и дают общие шаблоны международной мысли». Заботясь обо всём, она не позаботилась о себе самой, и «с каждым днём всё более разъединяется, разбивается и, пожалуй, скоро вся представит из себя массу отталкивающихся атомов». Народ не принял интеллигенцию, она «остаётся одинокой и глубоко несчастной»,³⁶⁴ – таким выводом закончил Энгельгардт свою статью.

Об интеллигенции говорил в своих фельетонах известный публицист и беллетрист Игнатий Потапенко, подписывавшийся в «Новом времени» псевдонимом Фингал. В номере от 17 сентября 1895 г. вышла его статья «Образованный человек», содержащая прямую полемику с Мещерским. «Когда я читаю в «Гражданине» рассуждения о перепроизводстве у нас интеллигенции, мне представляется чрезвычайно сытый, до отвала

³⁶⁴ Энгельгардт Н. Кризис интеллигенции // Новое время. 18 (30) июля 1897. № 7682. С. 2.

объевшийся человек, который видя, что другие едят, с отвращением пожимает плечами и брезгливо отворачивается», – писал Потапенко. Публицисты «Гражданина» ошибаются, уверял он, по той причине, что интеллигентом в России неоправданно именуется всякий, кто получил образование.

Потапенко ярко и образно описывал, как науки, преподаваемые в гимназиях и университетах, пролетали мимо учащихся, забывались и образование воспринималось в том смысле, чтобы исключительно достигнуть «статуса». Молодые люди «выходят... из школы не образованными, а напичканными разнообразным учебным фаршем». Огромное большинство из поступавших в университеты училось в них «с единственной целью – получить известное право, а затем, получив желаемое право, раз навсегда поканчивает с научной областью, чтоб перейти в область обделывания дел». «Вся суть», как утверждал Потапенко, во «вкусе к знанию, к умственной деятельности»³⁶⁵, без которых не может быть подлинного образования.

В фельетоне «Психопаты» Потапенко описал метаморфозы, происходившие с понятием «интеллигент» в России. Изначально это слово пришло в русский язык «с очень определённым значением человека, стоящего выше других по своим умственным способностям, человека образованного, культурного, приобщившегося к цивилизации». Но когда слово вошло в обращение, то выяснилось, что таких личностей «у нас не очень-то много», а в иных кругах нет совсем.

В такой ситуации «интеллигентами» себя стали называть все, кто внешне выделялся из «толпы». Так, портной, который «сшил сам себе чёрный сюртук и купил цилиндр и важно расхаживает по городу, в то время как другие ходят в кафтанах и самое большее в пиджаках и картузах – он интеллигент». Слово «испортилось», и когда «у нас действительно образовался обширный круг людей, «приобщившихся к цивилизации»»³⁶⁶, то им пришлось отказаться от своего имени и подыскивать какое-нибудь другое.

³⁶⁵ Фингал. Образованный человек // Новое время. 17 (29) сентября 1895. № 7023. С. 3.

³⁶⁶ Фингал. Психопаты // Новое время. 10 (22) января 1899. № 8215. С. 3.

Немногим ранее Фингал говорил и об интеллигенте как «духовном вожде» народа. В «Новом времени» от 27 сентября 1898 г. был помещён его фельетон «Сфинкс», в котором рассказывалось о «петербургском интеллигенте» Иване Сергеевиче Добромыслов, который «любил народ». Ему самому неизвестно, как и почему он его полюбил, потому что «никогда он его не видал». Пытаясь подражать народной жизни, т.е. обучаясь сапожному ремеслу, народным словам и питью водки, «в народ он не ходил», потому что «вдруг появилось новое учение, которое утверждало, что в народ ходить глупо, а надо просто развивать свой ум и потом, достаточно развивши его, жить в деревне в качестве помещика, учителя, писаря и т.п. и быть для народа в роде светильника во тьме».

Учения множились. Одни утверждали, что народ «носит в душе своей все самые высокие идеалы... и, вместо того, чтобы собираться его учить жаждущий истины интеллигент должен у народа поучиться, как надобно жить на свете по подлинной правде», другие – что у народа «в зачатке есть все данные» для того, чтобы «из него вышел народ-гигант, которому даже суждено оживить новою жизнью дряхлеющую цивилизацию западных народов» и надо только дать народу умные книжки, третьи – что народ «вырождается и чуть даже уже не выродился», четвёртые – что деревня «осуждена на поглощение фабрикой и что мужик, в его настоящем виде, обязан погибнуть и затем возродиться в капитале», пятые – «что народ, это – сфинкс, великий сфинкс, который в своём вековом молчании хранит какую-то тайну».

Растерявшийся среди этих учений Добромыслов поехал в деревню, чтобы пожить в ней, распространяя среди народа книжки и присматриваясь к нему. Действительность оказывается неожиданной: народ неграмотен, книжки ему не интересны, а интересен вопрос о добыче пропитания. В разговоре с земским учителем о народе выясняется, что «вместо того, чтобы печатать книжки, нужно достать ему хлеба, или придумать, чем увеличить его заработок». В конце фельетона Добромыслов пригласил учителя к себе «как

человека, который открыл ему Америку»³⁶⁷.

В «учениях», среди которых путался герой фельетона, узнаются представления, существовавшие в интеллигентской среде. Не ходить в народ, а «развивать ум» и быть для народа «свотильником во тьме» явилось, видимо, отсылкой к процитированной выше статье Градовского «Задача русской молодёжи». Призыв интеллигенту учиться у народа, носящего в себе «самые высокие идеалы», характерен для крайне правого народничества, представителями которого были Л.Е. Оболенский, В.С. Пругавин, а также – позднее перешедший в «Новое время» из «Недели» М.О. Меньшиков. Полемицировал с ними, например, А.М. Скабичевский, указывавший на жестокость и грубость народной жизни.

Представление о поглощаемой фабрикой деревне и мужике, который должен «возродиться в капитале» принадлежало марксистам, в частности М.И. Туган-Барановскому. Наконец, образ «сфинкса», давший название фельетону, встречается у разных авторов. Он использовался Герценом в «Былом и думах»: «Чаадаев и славяне равно стояли перед неразгаданным сфинксом русской жизни, – сфинксом, спящим под солдатской шинелью и под царским надзором»³⁶⁸. Ему же посвящено стихотворение в прозе «Сфинкс» И.С. Тургенева (1878 г.). Вероятно, Фингал намекал именно на Тургенева. У последнего Сфинкс – это «ярославский, рязанский мужичок, соотчич мой, русская косточка», у которого «глаза твои – эти бесцветные, но глубокие глаза говорят тоже... и как же безмолвны и загадочны их речи»³⁶⁹. В фельетоне «сфинксами» иронично называются крестьянки, которым Добромислов пытался раздать свои книжки.

В целом сатира этого текста направлена на защиту характерной для «Нового времени» идеи – приоритета труда, культуры над теоретизированием. Создание доктрин и «печатанье книжек» бесполезны, пока не решены

³⁶⁷ Фингал. Сфинкс // Новое Время. 27 сентября (9 октября) 1898. № 8112. С. 3.

³⁶⁸ Герцен А.И. Былое и думы. М., 2003. С. 468.

³⁶⁹ Тургенев И.С. Сфинкс // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. X. М.: Наука, 1982. С. 158.

проблемы подъёма народного благосостояния, избавления от бедности и голода. Но очевидно, что автор был хорошо осведомлён об интеллигентских представлениях о народе и смог кратко, но ёмко описать их ряд.

Впоследствии Фингал высказывался об интеллигентах более жёстко. Описывая произошедшее в самарской Думе обсуждение вопроса о постройке народного театра, который был отклонён, он говорил так: «“Интеллигент”, это – проклятое слово, которое следует вырвать из нашего языка законодательным путём. Но самарский интеллигент – уж это что-то прямо чудовищное». Фельетонист выражал надежду, что этот интеллигент «сам собой иссякнет» с допущением в Думу квартирнанимателей. «“Интеллигент” и с высшим образованием!» Казалось бы, что это гарантия за просветительное направление, а оказывается совсем наоборот»³⁷⁰ – таким заявлением заканчивался фельетон.

Рассмотрим ещё несколько публикаций обоих изданий, касающийся важнейшего для интеллигенции второй половины XIX века вопроса о взаимоотношениях с народом. В «Гражданине» в мае 1903 г. была опубликована статья А. Кудрявцева «Задачи воспитания народной интеллигенции». Кудрявцев задавался вопросом – что бы мог сказать о современных российских проблемах мужик, «если бы он обладал способностью и уяснить себе всё это и выразить с такою же отчётливостью и полнотой, как, например, это может сделать человек, получивший, ну... университетское образование?» Но мужик молчит, а интеллигент при всё старании не может «перенестись» на его точку зрения.

Решение проблемы сближения мужика и интеллигента, как его описывал Кудрявцев, заключалось в необходимости для интеллигенции встать на почву трудовой жизни, жить самостоятельно, а не за счёт народа. «До тех пор, пока у нас самих не будет силы для совершенно самостоятельной, без мужичьей спины, жизни, мужик никогда не поверит нам». «Больная, расслабленная и

³⁷⁰ Фингал. «Две большие разницы» // Новое время. 2 (14) марта 1899. № 8265. С. 2.

развратная» интеллигенция не может ничего дать мужику, не может никуда его вести, он, напротив, «охвачен заразой», стремясь за ней. «Интеллигенция должна выделить из своей среды сильных, деятельных людей, жизнь которых могла бы послужить образцовой формой жизни для русского интеллигентного человека и составила бы для мужика необходимый, в настоящую минуту, для него чистый и светлый идеал». Статья заканчивалась призывом, чтобы интеллигентный человек нашёл в России «свой долг, своё законное место»³⁷¹.

Обратим внимание на то, что статья Кудрявцева появилась в «Гражданине» уже к концу исследуемого нами периода, когда Мещерский больше обращался к теме «природного либерализма».

В августе 1895 г. в «Новом времени» появилась статья Н.О. Лобачевского «Колонии интеллигентных земледельцев», посвящённая тому, что впоследствии в историографии получило название коммунитарного движения – попыткам создания отдельных поселений, жители которых занимаются «духовным перерождением» и справедливым трудом на природе. Лобачевский писал, что сам по себе уход в деревню не удивителен и не заслуживает попрека, но «совсем в другом виде представляется этот вопрос, когда тут вмешивается “принцип”, когда поборники сельской жизни “трудами рук своих” говорят, что это не только здоровая, спокойная и счастливая жизнь, но вместе с тем и единственно справедливая». Ведь «интеллигентные люди, остающиеся по тем или другим причинам в городах... уважения себя не лишили и то же сознают, что они живут “трудами рук своих”, только в иной форме».

В статье Лобачевского скептически говорилось об идее «долга перед народом». В семидесятые и восьмидесятые годы, писал автор, доказывалось, «что, с одной стороны, труд всякого интеллигентного человека бесполезен для народа, а с другой – этот интеллигентный человек, воспитанный на средства народа, в сущности вечный и неоплатный его должник». Но «уже тогда многие начали задумываться над вопросом о том, ужели же для интеллигентного

³⁷¹ Кудрявцев А. Задачи воспитания народной интеллигенции // Гражданин. № 35. 1 мая 1903. С. 4–5.

человека нет жизни без краски стыда на лице?» Лобачевский критиковал нравы колонистов, в том числе и последователей Льва Толстого, приводил примеры ухода от труда в «духовные» разговоры, недисциплинированности, попрошайничества. Он говорил о невозможности массового следования идеалистическим принципам: «Жизнь, полная самоотречения, с ежедневными и чуть ли даже не ежечасными нравственными подвигами, под силу только натурам исключительным».

Вывод Лобачевского о колониях был таков: «Собрания людей изломанных, потерявших простое понимание жизни, взаимно друг за другом шпионящих, отуманенных гордостью, на которую не имеют ни малейшего права, – подобные колонии не заслуживают даже и сочувствия»³⁷².

С.Н. Сыромятников говорил о сближении с народом более сочувственно. В статье «Разложение воли», вышедшей в «Новом времени» 1 мая 1894 г., он писал, что «устроителями являются не Сидор Петров и не Лука Пропойцин, а интеллигенция народа, то есть тот класс, которого народ вскормил, избавил от чёрной работы и в котором олицетворялся мозг нации». Простая порядочность требует, как писал Сыромятников, «отплатить своим трудом тем безвестным миллионам, которые нас сделали тем, что мы есть». Но опроститься значило для Сыромятникова «заниматься не своим делом и обмануть расчёты народа»³⁷³.

В статье «Люди будущего века», опубликованной в трёх декабрьских номерах 1895 г., Сыромятников обратился к теме исканий молодёжи, очевидно, интеллигентной, которые постепенно меняли свой характер от рационального к моральному и эстетическому. «В шестидесятих годах мы искали правды государственной, – писал Сыромятников, – в семидесятих – правды экономической, в девяностых – правды этической, моральной. Я не знаю, какая из этих правд меньше. Мне кажется, что все они равны между собою». Он

³⁷² Лобачевский Н.О. Колонии интеллигентных земледельцев // Новое Время. 15 (27) августа 1895. № 6990. С. 2–3.

³⁷³ Сигма. Разложение воли // Новое время. 1 (12) мая 1896. № 6526. С. 3.

уверял, что идеалистические искания молодёжи не противоречили необходимости решения практических вопросов. Молодёжь не отвергала законов, но понимала, что «без нравственности и просвещения» они не могли «исправить дурное и невежественное государство». Она «не выкинула за борт компаса разума, но не отрицает и солнца, и звёзд, которыми руководствовались мореплаватели далеко до изобретения компаса».

Источник движения Сыромятников видел в обращении к деревне. О собственном поколении он сказал, что «под влиянием слов Толстого, многие из нас пошли в деревенскую церковь» – и эта церковь здесь понималась не как конфессия, но как «народная жизнь». И теперь «мы ещё инстинктивно, по-детски любим маленькую сельскую церковь с зелёной крышей и серенькую покривившуюся часовенку с галерейкой, любим старо-печатную книгу». Сыромятников призывал Православную Церковь обратить внимание на это движение, поскольку «наши внуки, воспитанные в городе, не пойдут в эту церковь, не будут, может-быть, любить истёртую книгу»³⁷⁴.

Текст Сыромятникова, как можно видеть, насыщен метафорами. Необходимость связи образованного класса с историей и культурой он провёл достаточно ясно. Традиционная культура здесь показана как источник, к которому приходит интеллигенция в своих поисках. Это стремление надо сохранить.

Впоследствии Сыромятников говорил о русском писателе как том, кто приходит к народу и несёт ему культуру. В цикле статей «Дома» 21 апреля 1902 г. он писал: «к народу пришли Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Жуковский и заговорили с ним таким языком, каким не говорил с ним никто никогда с самого основания России... раздалась громкая степенная речь русского творческого боярства, создателей новой прекрасной и светлой России». Развитие и самостоятельность народа имеют залогом «богатство литературы и проникновение её во все слои государственного организма»³⁷⁵. Но писателей

³⁷⁴ *Сигма*. Люди будущего века // Новое время. 10 (12) декабря 1895. № 7114. С. 3.

³⁷⁵ *Сигма*. Дома. Ч. XVII // Новое время. 21 апреля (4 мая) 1902. № 9384. С. 2.

Сыромятников не называл «интеллигенцией».

Ранее, однако, он высказал и мысль, что спасение деревни заключается только в ней самой: «Только сама деревня может спасти деревню, потому что в ней здоровое ядро народа»³⁷⁶. В начале XX века Сыромятников писал об идеалах деревенской жизни, борьбе городской европейской цивилизации с деревенской восточной. «Насилие Европы над Азией есть насилие горожан над крестьянами», – утверждал он в шестой статье из цикла «Опыты русской мысли». «Русский национализм заключается в борьбе с городом... в изучении восточных деревенских идей и проведении их в жизнь»³⁷⁷.

М.О. Меньшиков в серии «Из писем к ближним» описал диалог со знакомым баринном, который изображал собой космополита и говорил, в частности, что «мы – люди культурные – небожители... Нарождается всемирная нация, которая сменит все остальные. Это люди всесторонней интеллигенции, люди гуманного европейского просвещения». Меньшиков отвечал, что «если считать своей родиной весь мир, то значит не иметь вовсе родины. Родное – не потому родное, что хорошо, а хорошо потому, что родное»³⁷⁸.

Третьего мая 1902 г. «Новое время» вышло с некрологом знаменитому народному педагогу С.А. Рачинскому, которого можно было бы назвать одним из выдающихся деятелей интеллигенции, воплотившим в определённом смысле идеал «служения народу». «В наше смутное время покойный был ярким светочем, который привлекал к себе всех ищущих правды и личным своим просветительным подвигом в глухой деревне, и своими глубокими, полными знания народной жизни трудами, и обаянием своей высоконравственной личности»,³⁷⁹ – писала газета, однако Рачинский интеллигентом не назывался. Слов «интеллигент», «интеллигенция» в

³⁷⁶ *Сигма*. Дома // Новое время. 3 (16) марта 1902. № 9337. С. 2.

³⁷⁷ *Сигма*. Опыты русской мысли. Ч. VI // Новое время. 21 января (3 февраля) 1901. № 8945. С. 2.

³⁷⁸ Меньшиков М. Из писем к ближним. Ч. XIX. Ubi bene // Новое время. 21 апреля (4 мая) 1902. № 9384. С. 3.

³⁷⁹ С.А. Рачинский (некролог) // Новое время. 3 (16) мая 1902. № 9396. С. 3.

некрологе нет вообще. Так же не называл Рачинского интеллигентом и Розанов³⁸⁰.

И «Гражданин», и «Новое время» весьма критично относились к интеллигенции, но в суворинской газете отсутствовала злая, даже желчная борьба с «интеллигентами-разрушителями», характерная для «Гражданина». «Гражданин» описывал интеллигента по преимуществу как врага, который чужд народной жизни, «Новое время» – как мечтателя, представления которого также далеки от реальности, но который скорее нелеп, чем опасен. В «Гражданине» образ интеллигента более политизирован. При этом «Гражданин» идеологией интеллигентов считал либерализм (социализм), «Новое время» чаще вспоминало в связи с интеллигенцией народничество.

В то же время стоит сказать, что вопросу о будущем интеллигенции и «Гражданин», и «Новое время» уделяли меньше внимания, чем будущему дворянства. Для обоих изданий «интеллигент» был более идеологическим или культурным, нежели социальным, понятием, которое смыкалось с темами просвещения, образования, культуры, или же революционного разрушения. Эти функции могли накладываться на представителей различных социальных или профессиональных групп – дворян, крестьян, педагогов, «духовных искателей» вроде последователей Льва Толстого. А поскольку не предполагалось, таким образом, существования интеллигенции как единой группы, то и не ставился вопрос о её положении в русском обществе, том, какое место она в нём должна обрести.

3.3. Студенчество

Студенты в Российской империи рубежа XIX–XX веков были одной из наиболее активных, склонных к выступлениям общественных групп. «Студенчество – квинтэссенция русской интеллигенции»,³⁸¹ – писал в сборнике «Вехи» А.С. Изгоев. Студенты с юношеским энтузиазмом

³⁸⁰ Розанов В. С.А. Рачинский и его Татево // Новое время. 22 мая (4 июня) 1902. № 9415. С. 2.

³⁸¹ Изгоев А.С. Об интеллигентной молодёжи (Заметки о её быте и настроениях) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 104.

стремились к знаниям, среди них активно распространялись идеи изменения государства и общества на пути «прогресса», выражавшиеся в народничестве и марксизме. А.Е. Иванов в своей монографии так описывает ситуацию: «К первой русской революции студенчество пришло вооружённым традицией массовых антиправительственных действий – всероссийских забастовок в 1899, 1901, 1902 гг., антивоенных выступлений в 1904 г. В то время его политические устремления явно превалировали над интересами материально-бытовыми и академическими. К 1905 г. студенчество было дифференцировано по всему спектру политических направлений, наличествовавших в русском обществе»³⁸².

Стоит упомянуть эпизоды соприкосновения Суворина со студенческим миром, произошедшие в конце 1870-х гг. В 1878 г. он отказался принять пожертвования в пользу голодающих крестьян Вятской губернии, чем возмутились петербургские студенты – технологи и медики, в результате попросившие его не присылать «Новое время» в их библиотеки. Этим, в свою очередь, возмутились несколько московских бывших крестьян и написали 7 февраля в редакцию, что «все те негодяи, которые решились замарать имя Специального Заведения, именуемого «Технологическим институтом» – таким нахальным и несправедливым письмом... заслужили самое полное презрение».

Авторы письма – Николай Петров, Осип Михайлов и другие – заявили: «Горе той части учащейся молодёжи, которая, вместо того чтоб учиться, – возомнила о себе так, что осмеливается называть себя “молодою русскою интеллигенцией” и воображают себя какими-то вершителями судеб!» Если студенты будут и дальше «вызывать страсти в народе, бросать грязью в людей честных и достойных уважения и любви массы, то первый же взрыв народа обрушится на Вас же самих»³⁸³.

³⁸² Иванов А.Е. Студенчество в России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 7.

³⁸³ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 671. Л. 5.

Также в архиве Суворина сохранилось письмо, написанное 17 марта 1879 г. двумя студентами Медико-хирургической академии – К. Васильевым и Василием Баевым, возмущёнными тем, что городские не пустили их в Летний сад. Они писали: «Подумаешь, точно в самом деле мы, студенты, люди, лишённые всяких нравственных основ!... Учащаяся молодёжь, поистине, переживает весьма трудную минуту, которая редко выпадала на её долю. Чтобы ни случилось подлого, возмутительного, в нас видят первичных кандидатов на преступление... нас не пустили потому только, что мы студенты, точно слово “студент” синоним всего подлого и испорченного»³⁸⁴.

В исследуемый нами период посвящённые студенчеству материалы и в «Гражданине», и в «Новом времени» появлялись чаще всего в связи с волнениями и выступлениями учащейся молодёжи.

Осенью 1896 г. начались студенческие волнения в Московском университете. После демонстраций и арестов в октябре – ноябре, 5 декабря в прессе было опубликовано «Правительственное сообщение, выясняющее студенческие беспорядки», в котором вина за них возлагалась на «политических агитаторов».

Через два дня, 7 декабря, в «Новом времени» появилось «Маленькое письмо», посвящённое этому сообщению, в котором Суворин приветствовал такой подход. «Нет ничего вреднее для дела, как смотреть на волнения молодёжи точно так же, как можно смотреть на бунт взрослых», – писал Суворин. В волнениях «есть вещи, говорящие о невнимании взрослых к явлениям жизни». Молодёжь требует любви, но не той, «которая подзадоривает её и выставляет застрельщиками, передовыми бойцами», а любви «созидающей», «которая внимательна к нуждам её, к её сердцу и разуму».

Проблемы молодёжи требуют осторожности и внимания, поскольку они непосредственно связаны с прогрессом общества. Школа «готовит граждан

³⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 671. Л. 8.

для сложной жизни, для государственных потребностей и для семейных потребностей, которые растут и выросли из тех рамок, в которых были они 30–40 лет тому назад». Надо считаться с тем и идти навстречу тому, что «новые поколения несут с собою новые думы, новые наслоения, почти новую душу»³⁸⁵.

Мещерский в «Гражданине» оценил ситуацию более пессимистично. «На много грустных размышлений наводит это правительственное сообщение», – записал он в «Дневниках» от 5 декабря, опубликованных в журнале 8 числа. У родителей учащейся молодёжи, по мысли Мещерского, чтение сообщения должно было создавать в душах «кошмар мучительный и тоскливый... тем более ужасный, что всем чужется его безысходность и его бесконечность». Обвинение в кошмаре он возложил на «анархические» условия высшего образования, в которых «нужда жизни, материальное лишение и, следовательно, тревожные, нервозные, разочарованные и всегда возбуждённые умы – играют главную роль, а наука и учение совсем второстепенную и случайную». Необходимы только «крутые» меры, ведущие к превращению университета в исключительно учебное заведение с запрещением любых сходов. «Кто не желает учиться, тот в университете оставаться не может», и «кто хочет заниматься политикою, а не наукою в университете – тот не должен быть в университете»³⁸⁶.

В последующих номерах «Гражданин» развивал тему. В неподписанной статье «Профессор» журнал критиковал современных университетских преподавателей, которые, в отличие от прежних, относятся к делу бессердечно, «дают сведения совершенно так же, как шарманки дают музыкальные мелодии: пришёл, прочитал и ушёл, – это для профессора; пришёл, прослушал и ушёл, – это для студента». Они толпятся «в храмах науки, где свечки более коптят, чем светят, где жрецов сменили наёмники». Без политики, конечно, не обошлось: эти наёмники «к науке дерзнули примешать политику, к её свету –

³⁸⁵ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. № 7465. 7 (19) декабря 1896. С. 2.

³⁸⁶ Дневники // Гражданин. № 92. 8 декабря 1896. С. 19–20.

потёмки подпольных интриг». Настоящих профессоров и науку «снесла грязная и мутная волна либеральствующего прогресса»³⁸⁷.

Университетское образование должно активно вовлекать студентов в процесс, утверждалось в статье «Университетский вопрос»: «Требуется именно так организовать университетское ученье, чтобы студенты были не только пассивными слушателями профессорских лекций, но усвояли бы надлежащие научные знания... связывали бы не с будущим экзаменом, а с насущным порядком своих научных занятий»³⁸⁸.

Похожие мысли в «Новом времени» ещё в феврале 1895 г. высказывал С.Н. Сыромятников. В статье «Из недавнего прошлого» он заметил, что «в печать проникают глухие слухи о каких-то землячествах, союзах и т.п. обществах студентов». Обеспокоенность вызывало то, что «в этих собраниях первую роль играют не более серьёзные, а более красноречивые и страстные», вследствие чего «от одного к другому переходит какая-нибудь красивая идея, часто совершенно ложная, но внушенная страстным проповедником».

При этом такие сходки сами по себе Сыромятников оправдывал, указывая, что «нормальный юноша не может жить без друзей, без приятелей, без общения и споров». Студенты, по его мнению, «если... не имеют права заниматься политикой, то они должны интересоваться общественной жизнью, литературой, искусством своей страны». Сыромятников писал, что высшее образование должно не только давать сумму знаний, но быть «школой жизни». Что будут завтра делать студенты, если они «вынесли из университета только знание химических формул, дифференциалов или умение назвать всех Владимиров и всех Мстиславов, княживших в России?» Только если они будут «знакомиться с текущей литературой, образовывать себя, сходитья с людьми других отделов знания... их нельзя будет уловить в сети той или другой крайней партии».

В качестве меры против «крайних партий» Сыромятников предлагал

³⁸⁷ Профессор // Гражданин. № 93. 12 декабря 1896. С. 4.

³⁸⁸ Сж. Университетский вопрос // Гражданин. № 95. 19 декабря 1896. С. 7.

открывать при университетах законные «научно-литературные общества». Примером он приводил такое общество, существовавшее при Петербургском университете с 1882 по 1887 гг., в котором он сам участвовал. Сыромятников тепло вспоминал, что тогда в «живом обмене молодой мысли за стаканом чаю не было и следов официальной скуки», что представляемые на заседаниях рефераты «нас сближали... в общении учеников и молодых мастеров науки заключалось средство расширить кругозор», что «знакомство с Европой и работами русских земств уничтожало в самом корне неоправдываемые историей мечтания». Дайте студентам свободно обсуждать идеи, ведь эти идеи «опасны только тогда, когда они скрываются где-то во мраке. Они теряют свой ореол, когда начинают обсуждаться». Студенческое общество дало бы законный выход молодой силе, под руководством профессоров студенты растеряют разрушительный, нигилистический запал, но сохраняют «запас чистых надежд, чистых начал, веры в лучшее»,³⁸⁹ – такую перспективу постарался нарисовать Сыромятников перед читателями «Нового времени».

Сыромятников умолчал о том, что среди членов описанного им общества были участники заговора, готовившие покушение на Александра III 1 марта 1887 г., в том числе – брат В.И. Ленина Александр Ульянов. Сам Сыромятников состоял при обществе библиотекарем, хранил нелегальную литературу, за что был исключён из университета и выслан под надзор полиции. Восстановился он в том же году. Таким образом, студенческое общество и обсуждение идей вовсе не уничтожило «неоправдываемые мечтания», а идеи не стали менее опасными. Законодательство того времени никаких «законных сходок» не позволяло. «Правила для студентов университета во время прохождения курса», опубликованные в июле 1885 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», указывали, что «студентам воспрещаются всякие сборища и сходки с целью обсуждения каких-либо дел сообща» (§ 15) и что «студентам воспрещается принимать участие в каких бы то ни было тайных обществах и

³⁸⁹ *Сигма*. Из недавнего прошлого // Новое время. 5 (18) февраля 1895. № 6803. С. 3.

кружках, хотя бы и не имеющих преступной цели» (§ 16)³⁹⁰.

Тем не менее подход Сыромятникова близок «Гражданину» тем, что предлагал преодолевать антиправительственное студенческое брожение через развитие науки, но резко отличался от него ставкой на самостоятельность студентов. Для «Гражданина» желаемым средством оказывалась не «законная сходка», а профессор, искренне руководящий студентами и зажигающий их любовью к науке.

В номере суворинской газеты от 18 февраля 1897 г. «Фингал» – Игнатий Потапенко – опубликовал фельетон «Разговор», написанный в форме диалога с современным автору студентом. Этот студент жаловался на то, что нравственный уровень его среды падал из-за оторванности от семей и недостатка влияния искусства. Здесь сразу можно вспомнить более поздние рассуждения Мещерского, приведённые выше. Но тут же Потапенко высказал мысль, явно противоположную многим текстам Мещерского, о том, что студенчество шестидесятых годов «был много выше нынешнего... уже хотя бы по той жизнедеятельной силе, которая в нём была, по тому неукротимому, почти безумному исканию высокого, захватывающего дела, что теперь заменилось ленью, апатией, равнодушием».

Собеседник-студент охотно признал правильность этого тезиса, после чего Потапенко немедленно показал, что и то студенчество было не менее современного чуждо семье и искусству. И мы видим снова сближение и одновременно – противоположность мысли Мещерского: учащаяся молодёжь должна быть руководима общим направлением общества, но не на пути дисциплины и верности традиции, а на пути стремления к прогрессу. «Я утверждаю, что ни семья, ни искусство, несмотря на свою способность оказывать благотворное действие, не подымут вас до высоты молодёжи 60 и 70-х гг., до тех пор, пока в самом обществе не появится захватывающий поток, подобно тому, какой был тогда». Автор призывал: «Подымитесь вы, само

³⁹⁰ Правила для студентов университета во время прохождения курса // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Июль. С. 37–38.

общество, и молодёжь тотчас же подыметя». Молодёжь – передовой элемент в том, что она «крайне восприимчива ко всему новому», но она не может вести общество вперёд. Дай ей соответствующую почву, жизненную силу, «и ты увидишь, как мы закипим и заиграем».

Что же до непосредственно беспорядков, то относиться к ним Потапенко предлагал, подобно Суворину, с любовью и пониманием: «в деле сношения с студентами и удержания их в границах законности очень многое, если не всё, зависит от лиц и их умения быть добрыми, разумными и снисходительными»³⁹¹.

Вскорости случились события, непосредственно коснувшиеся жизни Суворина и его репутации в российском (и прежде всего – петербургском) обществе. В феврале 1899 г. началась первая всероссийская студенческая забастовка. В Петербургском университете 8 числа студенты сорвали выступление ректора на юбилейном акте, после чего вышли на улицу, и у Румянцевского сквера произошло их жёсткое столкновение с полицией. Суворин выступил в своей газете с комментариями к этим событиям, после чего вся история приняла для него крайне тяжёлый характер.

Противостояние нарастало. Сходка студентов Петербургского университета постановила прекратить занятия до гарантий со стороны правительства, «что впредь так беззастенчиво и нагло не будут нарушаться элементарнейшие права человеческой личности»³⁹². Полиция приступила к аресту и высылке бастовавших студентов, а движение перекинулось на другие учебные заведения, в том числе Московский, Харьковский и Киевский университеты. 20 числа появился Высочайший указ о расследовании причин и обстоятельств забастовки комиссией под руководством бывшего военного министра и члена Государственного совета генерала П.С. Ванновского.

На следующий день Суворин приветствовал это начинание, заявив, что

³⁹¹ *Фингал*. Разговор // Новое время. 18 февраля (2 марта) 1897. № 7536. С. 2.

³⁹² Студенческое движение 1899 года: сборник / Под редакцией В. Черткова. Издание «Свободного слова», № 29. Maldon (Essex), 1900.

«перед этим великодушным действием государя, который может желать только одной правды, мы должны преклониться не только по долгу... но и по чувству справедливости». О самих беспорядках Суворин высказался достаточно жёстко и решительно, близко к Мещерскому, что молодёжь «должна учиться и повиноваться существующей дисциплине». Стачки вредны с точки зрения всё того же идеала труда и просвещения: «прилежным учением, упорным трудом молодёжь достигнет гораздо больше, чем всякими беспорядками». Суворин «встретил бы с удовольствием не стачку молодёжи не ходить на лекции, которые она и без того посещает слишком мало, а стачку молодёжи непременно посещать лекции»³⁹³. Государству от стачек ничего не будет, желающих учиться оно найдёт, а пострадают сами же студенты.

Студенты не приняли аргументов Суворина. «Я слышал, что молодёжь недовольна тем, что я сказал третьего дня», – писал он 23 числа, пытаюсь оправдаться в незнании всех обстоятельств дела, но повторяя: «молодёжь должна быть воспитана и должна отплатить народу, на счёт которого она учится, отплатить государству своим просвещённым трудом, своими знаниями». В этом «Маленьком письме» появилась черта, близкая Мещерскому: осуждение зрелых лиц, поддерживавших движение студентов. И связано это было именно с либерализмом: «вот наша черта, которая меня всегда глубоко возмущала, – выезжать на плечах молодёжи, точить свой либерализм о голову этой молодёжи, точить, подтачивая её и расслабляя, и показывать своё недовольствие, свои прогрессивные взгляды на те или другие порядки за спиной молодых людей»³⁹⁴.

Недовольство позицией Суворина распространялось. «Получаются письма из Петербурга, настроение в пользу студентов», – писал Суворину Чехов 4 марта. Чехов полагал, что, когда бьют нагайкой, невозможно говорить о правовых отношениях с таким государством, и потому также высказывал несогласие с Сувориным. «Разве я в случае насилия с его стороны не могу

³⁹³ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 21 февраля (5 марта) 1899. № 8257. С. 2.

³⁹⁴ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 23 февраля (7 марта) 1899. № 8259. С. 1.

вопить о нарушенном праве?» Если понятие о государстве не основано на правовых отношениях, то оно – «жупел, звук пустой, путающий воображение»³⁹⁵.

Наконец, 16 марта Суворин обратился к своим оппонентам: «Позвольте спросить, что делали в эти две недели, от 9 до 20 февраля, те взрослые, которые идут теперь против меня походом? Что, они тоже забастовали?... ударили ли они хоть палец о палец, чтоб как-нибудь проявить своё платоническое сочувствие?» Ничего они не делали, писал Суворин, а только гнали за популярностью «в хвосте молодёжи... безопасным и дешёвым путём».

Суворина возмущали не высказывавшиеся против него печатные статьи, а личные письма и оскорбления. Именно печать должна иметь возможность честно разобраться в происшествии: «я убеждён, что если б печать могла говорить о «беспорядках 8 февраля» на другой же день, могла бы хоть регистрировать показания той и другой стороны немедленно, всё бы обошлось гораздо спокойнее и скорее». Суворин выдвигал принцип: «что делается на улице, то должно быть гласным, ибо в порядке и справедливости заинтересовано всё население»³⁹⁶.

Возмущение выступлением Суворина дошло до того, что Комитет взаимопомощи русских писателей обвинил его в инициации запрета на печать заявлений против не одобряющих выступление газет, то есть «Нового времени». Дело в суде чести закончилось только порицанием в «недостаточности нравственной ответственности», позиция Суворина не была признана «бесчестной», но все следовавшие друг за другом события нанесли и ему самому, и «Новому времени» сильнейший удар. Напряжённость тех дней видна в некоторых личных записях современников.

Сам Суворин писал в дневнике 26 марта: «В чём дело? В том, что я просто посмотрел на столкновение полиции со студентами. Из этого случая

³⁹⁵ Чехов – Суворину, 4 марта 1899 г. Ялта. // Переписка А.П. Чехова. В 3 т. Т. 1. М., 1996. С. 405–406.

³⁹⁶ Суворин А. Маленькие письма // Новое время. № 8279. 16 (28) марта 1899. С. 2.

захотели сделать политическое событие и сделали... III Отделение Союза хочет меня судить. Я ему скажу, чего оно стоит. По существу дела надо было сказать: убирайтесь все вы к черту, и больше ничего»³⁹⁷. Тяжёлое раздражение преследовало его и впоследствии.

«Сорок лет общество прислушивалось к его мнению, и вдруг в один день он потерял свою популярность. Студенческая история погубила его. Первый раз в жизни он не попал в тон», – записала в дневнике С.И. Смирнова-Сазонова 12 марта. И далее о Суворине, в записи за 21 марта: «Он теперь невменяемый. В 65 лет, всеми оплётанный, затравленный, он падает всё ниже... Раньше терроризировало всех “Новое время”, теперь Союз писателей бьёт его тем же оружием... Всё это, конечно, не за одно письмо о студентах, нет, это расплата за прошлое»³⁹⁸.

В дневнике писателя В.Г. Короленко, писавшего определение по делу Суворина, видно возложение ответственности за беспорядки на полицию. Как он писал, «Маленькое письмо» Суворина, «систематически подменяющее действительную причину беспорядков (нападение полиции на улице) «нежеланием подчиняться порядкам учебных заведений», – вызвало в обществе бурю негодования»³⁹⁹. Короленко всё же признал, что «в данном деле у Суворина не было бесчестных побуждений: он полагал, что исполняет задачу ментора. Но у него давно уже нравственная и цивилическая глухота и слепота, давно его перо грязно, слог распушен, мысль изъедена неискренней эквилибристикой»⁴⁰⁰.

А вот князь Мещерский своего давнего оппонента поддержал. Он высказывал то же мнение: «подлые друзья молодёжи», толкающие её на бунт, ещё посмеются «над этими разбитыми жизнями, над этими безутешными слезами, над этими неисцелимыми скорбями», а студенты проклянут «этих

³⁹⁷ Суворин А.С. Дневник. С. 324.

³⁹⁸ Макарова О. А.С. Суворин в дневниках С.И. Смирновой-Сазоновой. Ч. 2 // Новое литературное обозрение. 2015. № 1. С. 167–168.

³⁹⁹ Короленко В.Г. Полное собрание сочинений. Посмертное издание. Дневник. Т. IV. Полтава, 1928. С. 153.

⁴⁰⁰ Там же. С. 171–172.

тайных, но подлых друзей»⁴⁰¹. Мещерский «весьма обрадовался» тому, что Суворин «не только не смолчал, как всегда это делалось в печати, из опасения какому-то либеральному божеству не угодить, но высказался без всякого стеснения и замаскирования мыслей»⁴⁰².

Как мы видели выше, в 1896 г. «Гражданин» утверждал совершенно ту же позицию: в университете не место политике, кто желает заниматься сходками, а не наукой, должен покинуть университетские стены. В журнале Мещерского это было высказано даже более жёстко, но такого сильного общественного резонанса это не вызвало. Дело здесь, мы полагаем, и в уже устоявшейся «реакционной» репутации «Гражданина», на фоне которой очередное выступление в том же духе не было неожиданным, и в сложных отношениях Суворина с деятелями литературы. Приведённые дневниковые записи свидетельствуют о накопившихся к 1899 г. личных претензиях.

Описанные события стали ситуацией, когда дорогой Суворину и в целом «Новому времени» идеал труда, просвещения и культуры вошёл в противоречие с установками, которые в интеллигентном обществе получили статус «либеральных». Интеллигенция сочувствовала бастовавшим студентам, Суворин видел в них угрозу для российского образования и через это внезапно для самого себя оказался фактически на одной стороне с «Гражданином».

Неудивительно, что впоследствии Суворин уже старался не прикасаться к студенческой теме. В «Гражданине», в «Речах консерватора» от 5 июля 1901 г. появилось следующее замечание по этому поводу: «А.С. Суворин, в минуту искреннего сознания, насколько учащаяся молодёжь неправа в своих беспорядках, написал прекрасную по её адресу увещательную статью. И что же? На другой день публика так на него озлилась за то, что он не полз у ног шалящей молодёжи, а сказал ей в лицо правду, что г. Суворин испугался гнева этой публики и замолк»⁴⁰³.

⁴⁰¹ Речи консерватора // Гражданин. № 15. 25 февраля 1899. С. 3.

⁴⁰² Дневники // Гражданин. № 15. 25 февраля 1899. С. 15.

⁴⁰³ *Икс*. Речи консерватора // Гражданин. № 50. 5 июля 1901. С. 3.

Сам «Гражданин» продолжал обличать студенческое движение и то, в чём он видел его причину. В марте 1901 г., после студенческого выступления на Казанской площади против временных правил, Мещерский писал, что страшны не подобные выступления сами по себе, но то настроение, которое к ним приводило: «беспорядки на улицах ничто в сравнении с тем хроническим органическим беспорядком, вследствие которого мы признаём возможным десятки тысяч молодых людей приобщать к высшему образованию без малейшего внимания к их душевному миру в таком возрасте, когда душевные впечатления настолько сильны, что не только складывают характер, но создают направление целой жизни».

Душевный мир учащегося, конечно, должен был формироваться на основе традиционных ценностей, это ясно из той же статьи, её слов о том, что «многотысячной среде молодых душ... никто звуками любви не говорил ни о Боге, ни о Царе, ни о родной земле, ни об ней самой». Напротив, «отцы и матери, совсем забывая, что их слушают их дети... в запуски один перед другим ввали с утра до вечера, чтобы проявлять свой сентиментальный либерализм, или свой либеральный сентиментализм»⁴⁰⁴.

Необходимо для правильного образования было знание русской истории, писал Мещерский в «Дневниках» от 7 ноября 1896 г. «Ни одна наука у нас не находится в таком пренебрежении в нашей школе, как Русская история в частности, и история вообще». Школа не давала «знания своей истории, как основы духовного образования, как вдохновения и источника для любви своего народа». Напротив, молодому уму приходилось «слышать восхваления европейских конституций, рядом с памфлетами на таких великих монархов-гениев в русской истории, как Николай I».

Студенческие волнения Мещерский упоминал как пример, подтверждающий правильность его собственных взглядов на грозящие России опасности. В этих беспорядках «скрытые и подлые друзья молодёжи играли

⁴⁰⁴ Дневник // Гражданин. № 20. 15 марта 1901. С. 12–13.

закулисную роль вожаков, а молодёжь – открытую роль действующих лиц и козлиц отпущения». А вина лежала на интеллигенции, которая отравляла народ своим отрицательным ядом, порождая подобные события. «В настоящее время, в огромной прогрессии возросла, обрекаемая жизнью на неудовлетворённость интеллигентная масса людей, миазмы которой проникают собою всю наднародную атмосферу гораздо сильнее, чем проникали они её тридцать лет назад»⁴⁰⁵.

В деле образования интеллигенция вредила так же, как и всюду, писал «Гражданин». Она старалась разрушить связь народа с государем и традиции в целом. Мещерский убеждённо говорил об этом в «Дневниках» от 5 июля 1901 г. по поводу планировавшейся новым министром просвещения генералом Ванновским школьной реформы. Допустить, чтобы началом реформы был, как выражался князь, «либеральный или интеллигентный *suffrage universel* (всеобщее избирательное право (*франц.*) – *Д.И.*)», «равносильно духовной смерти русской школы». Либералы требовали «прежде всего расширения области знаний в школе, как средства воспитывать такую же беспочвенную интеллигенцию, как они», в то время как для государя и России было нужно, чтобы «школа была исключительно святилищем учения, но ни в каком виде очагом каких бы то ни было беспорядков» и чтобы люди воспитывались не только со знаниями, но «с принципами и умом, развитым в духе всемирной школы». Либеральный путь разрушения классической школы князь назвал «бездонной ямой»⁴⁰⁶.

В «Гражданине» мы находим и стремление описать феномен учащейся молодёжи, её положение и проблемы. Пример этому – «Дневники» от 21 февраля 1902 г. Мещерский в них писал, что студент оторван от своей семьи, где прошло его детство и юность, так же оторван и от интеллигентного общества и «ничем не участвует в его обиходе жизни», но при этом студенты воображали себя «какими-то героями этого общества, в каком-то обольщении

⁴⁰⁵ Дневники // Гражданин. № 83. 7 ноября 1896. С. 19.

⁴⁰⁶ Дневники // Гражданин. № 50. 5 июля 1901. С. 18–19.

себя чарами общественного к ней культа и какой-то невидимой солидарности». Профессора при этом не считали нужным заботиться о том, «как понимает учащийся свои обязанности».

Главной чертой студентов, характеризующей их «беспокойное состояние», Мещерский назвал «мечтательное стремление к будущему». И если бы общество было «строгим порицателем этой беспокойной мечтательности», если бы профессора с не лицемерным участием были бы подвигаемы «к принципиальному противодействию мечтательности», то это стремление «не принимало бы в среде учащейся молодежи характер вод, выступающих из берегов».

В качестве лечения от «мечтательности» Мещерский предложил вынести жизнь студентов в природу и деревню, с их «неизбежно оздоравливающим влиянием». Если вы «в длинные промежутки между умственными занятиями вставьте часы движения, забав, развлечений, занятий на деревенском просторе, то можно вперед поручиться, что как бы ни была склонна русская натура к мечтательности», её проявления будут исчезать «от отсутствия жизненной для неё почвы»⁴⁰⁷. Здесь можно снова видеть противопоставление провинции и Петербурга, жизни и тления, здорового народного духа и интеллигентного доктринёрства, характерное в целом для «Гражданина».

Характерная черта, проявляющаяся в рассуждениях «Гражданина» об образовании – неприязнь к замене традиций, принципов жизни, идеала пользы государству «голой» наукой или доктриной. Мещерский выступал против того, чтобы получение высшего образования становилось главной целью образования вообще. В «Речах консерватора» от 25 июля 1902 г. он писал, что «голая действительность ужасна», поскольку «реальные училища и гимназии одинаково не давали законченного образования настолько, чтобы окончившим в них курс был открыт доступ к всякому, хорошо оплачиваемому труду».

⁴⁰⁷ Дневники // Гражданин. № 15. 21 февраля 1902. С. 21–22.

Задачей Министерства просвещения он считал дать молодёжи законченное среднее образование, «с возможностью 17–18 лет начинать трудовую жизнь, с пользой для себя и для государства, и только меньшинству предоставлять свободу 12 лет учиться, чтобы достигнуть высшего образования»⁴⁰⁸.

Но Мещерский был против не только школы без традиции – он был и против того, чтобы сама традиция превратилась в один из учебных предметов. В июне 1901 г. в «Новом времени» появлялись статьи об «отечествоведении». В них предлагалось внесение в школьное образование идеалов, казалось бы, совершенно согласных с убеждениями «Гражданина». В статье от 5 июня «Новое время» писало, что «в чисто государственной школе... о царе наши юноши так же мало слышали, как о родине и об отечестве», что из «винегрета знаний ныне умирающей школы выносилось совершенно ложное воззрение... что развитие центральной власти у нас шло таким же путём, как на Западе» и с недовольством отмечало, что «мы в наших разного рода курсах уделяли западным конституциям гораздо больше внимания, чем нашему государственному строю»⁴⁰⁹.

Тем не менее, с точки зрения «Гражданина» «отечествоведение» было проектом либеральным. «День, когда в виде школьного предмета для уроков введут науку, где учитель будет учить детей самодержавию и патриотизму, я буду считать днём начала конца России», – сообщали «Речи консерватора» в номере от 8 июля. Подобное «отечествоведение» убьёт формализмом то, что «должно войти в плоть и кровь и дух русского юношества воспитанием», поскольку его «по 3 р. в час будет как попугаям преподавать какой-то учитель», который, к тому же, может «объяснять это самодержавие как ему угодно». Самодержавие не должно ставится в один ряд с предметами научного изучения: «во всяком случае это будет доказывать, что знакомство русского юношества с самодержавием будет признано только в одинаковой мере полезным, как ознакомление с обезьяною, или с электрическим прибором».

⁴⁰⁸ *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. № 56. 25 июля 1902. С. 2.

⁴⁰⁹ Отечествоведение // Новое Время. 5 (18) июня 1901. № 9069. С. 1–2.

К традиции следует приобщаться не научным изучением, но личным в неё погружением. Любовью к государю и к русской жизни «надо пропитать, как чистым воздухом, всю школу снизу до верху», а «главную долю отечествоведения человек должен приобретать собственным изучением России, собственным трудом на месте и обстоятельным чтением». Указывалось и то, что в результате введения таких уроков число нелюбящих государя и Родину людей стало бы увеличиваться так же, как из-за обязательного Закона Божьего увеличивается число неверующих⁴¹⁰.

В вопросе о студентах «Новое время» заняло уже знакомую нам позицию приветствия прогресса и молодёжи как деятелей обновления, но нежелание Суворина согласиться с ценностью политической борьбы в стенах университета, его борьба за просвещение и разумный, спокойный ход жизни оттолкнули от газеты радикально настроенных студентов, не желавших мириться с любой формой правительственного насилия. Такую же позицию заняла и либерально настроенная часть интеллигенции, увидевшая в статьях Суворина то, что он вовсе не имел в виду – защиту полицейского произвола.

Со своей стороны, «Гражданин» по студенческому вопросу изначально занимал ту позицию, которую «Новое время» озвучило в феврале 1899 г.: студент должен учиться, а не заниматься политикой. Обоими изданиями поднималась проблема взаимосвязи учащейся молодёжи с обществом: «Гражданин» призывал общество стать более консервативным для пресечения либеральных настроений в студенчестве, в «Новом времени» Потапенко рассуждал о студентах как «передовом отряде» общественного прогресса. Если в «Гражданине» высказывалось упование на профессорский состав, его роль в деле воспитания молодёжи и недопущения беспорядков, то «Новое время» – особенно в публикациях Сыромятникова – делало акцент на развитии студенческой самодеятельности.

3.4. Народ

⁴¹⁰ *Икс.* Речи консерватора // *Гражданин*. № 51. 8 июля 1901. С. 3–4.

Вопрос о простом народе, прежде всего крестьянах, его положении, проблемах и взаимоотношениях с интеллигенцией постоянно ставился в пореформенной России. Если идея о «долге перед народом» прослеживается с екатерининского времени, то к началу XX века всё значительно усложнилось. Появилось множество новых факторов, из которых главным являлось само наличие лично свободных крестьян, а также повышение уровня их образованности, расслоение крестьянского сословия по имущественному и общественному положению, демографический рост, а также переживаемые деревней периоды голода.

Из уже рассмотренных материалов «Гражданина» можно сделать определённые выводы о позиции издания в вопросе о народе. Мы видели, как оно писало об отношениях любви между народом и царём, о необходимости власти «сильной и близкой к народу», об охране самодержавием свободы. Однако отсутствовали выраженный пиетет в отношении крестьян или мещан, или надежды на их идеалы, характерных для части народничества. Журнал Мещерского признавал «стихийный монархизм» крестьянства, но указывал, что это чувство должны поддерживать и направлять представители элиты – помещные дворяне и основанная на традиционных ценностях школа. О самоуправлении «Гражданин» писал, что крестьяне его отдали «за ведро водки», а Мещерский в своих воспоминаниях признавался, что на собственном опыте убедился в тщетности надежд на благодарность крестьян помещикам после освобождения: «Издавна был у крестьян моего отца обычай в Новый год и на Пасху присылать депутации с поздравлениями... Последнее приношение ими сделано было в январе 1861 года. После ни разу они не приходили поздравить моего отца! Черта эта комментарий не требует»⁴¹¹.

О грубости нравственных идеалов народа говорилось в «Маленьких мыслях» «Серенького» – И.И. Кольшко – «Откуда зло народное?» в номере от 4 февраля 1901 г. «Не веря в мрачную гипотезу “зла народного”, зла

⁴¹¹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 101.

наследственного, не побеждаемого ни культурой, ни средой, я верю, что в переживаемую нами эпоху мужик уже не может ни вдохновить таланта, ни размягчить сердца, ни насытить ума». Мужик измельчал, озлобился, «изо-дня в день становится грубее, ленивее, пьяней». Великорусский народ «выродился как племя... где его мощь, выдержавшая и татарщину, и польщизну, и французщину?» Великоросс «выродился и физически и нравственно», его «теперь не отличишь от белоруса, литвина, даже чухонца».

А причина такого неутешительного диагноза – вновь интеллигенция. Не народ передаёт нам, писал Колышко, «слою интеллигенции так или иначе цепляющейся за народ, – свою дикость, жестокость и все свои разрушительные свойства, а наоборот, мы передали народу этот яд, развративший и обезличивший его». Упомянул автор и дворян как «духовных руководителей» или «защитников» народа: просачивание зла «теперь несравненно легче, чем прежде, ибо между народом и нами (городской интеллигенцией) ныне не стоит больше того слоя, задерживавшего и впитывавшего в себя городские пороки, – который называют дворянством»⁴¹². Таким образом, текст следовал знакомой нам расстановке сил: дворяне охраняют традицию, интеллигенция её разрушает, а страдает, в итоге, народ, в котором не находилось собственных сил для спасения устоев.

Народ нуждается в дисциплине, повторял «Гражданин», и её ослабление губит его. «Там, где начальники добросовестны, честны, разумны, – народ непоколебимо спокоен. Малейшее отступление от этого «девиза власти», малейшая неуверенность, я уже не говорю, искажение закона, критика распоряжений, либеральничанье, – и это будит, воспитывает в народе дурные инстинкты, волнует его»,⁴¹³ – говорилось в выпуске 4 июля 1902 г.

Мужик готов незаконно отнять землю у помещика и даже не считает это воровством, рассказывала статья «Из жизни деревни» в «Гражданине» от 5 мая 1902 г. «Если бы этим людям сказали, что их приятель вор, только что

⁴¹² *Серенький*. Маленькие мысли // Гражданин. № 10. 4 февраля 1901. С. 2–5.

⁴¹³ *Николай Алексеевич Павлов*. Мысли дворянина // Гражданин. № 50. 4 июля 1902. С. 3.

уличённый в явном воровстве, они бы очень удивились», потому что «какой он вор, если закон его не карает». Заодно «являются ещё и “услужливые господа”, которые называют по-своему “такое снисхождение закона”», то есть пороки, существующие в крестьянском обществе, поддерживаются как упущениями в законе, так и интеллигентами, которые очевидно подразумевались под «услужливыми господами». Неграмотность мужика не является его оправданием, потому что свою выгоду он прекрасно знает: «попробуйте у этого тёмного мужичка, как он себя выставляет перед судьями не умеющим ни на планы посмотреть, ни имени своего подписать, попробуйте отнять у него хоть четверть аршина его земли, и вы увидите, как он запротестует»⁴¹⁴.

Тогда же, в мае 1902 г., «Гражданин» и «Новое время» по-своему отреагировали на вспыхнувшие в Харьковской и Полтавской губерниях крестьянские волнения. Мещерского «не поразила удивлением та лёгкость, с которую крестьяне дают веру всякому самому нелепому толку, когда этот толк связан с выгодами материальными», ведь и «образованным людям кликните только: там-то найдены залежи золота, – и толпы, охваченные неудержимым порывом, бросают всё»⁴¹⁵. Удивляло его то, что ничего не было сделано против распространения подобных слухов ни полицией, ни земскими начальниками. Мещерский, похоже, был убеждён, что без «прокламаций» обойтись не могло.

Такой же подход предлагало и «Новое время». Преступные намерения «зародились в крестьянской среде под влиянием неудовлетворительного экономического положения... но не самостоятельно зародились, а были подсказаны и внушены “лицами, занимавшимися преступною пропагандою”». А это должно привлечь внимание «к тем особым условиям, в которых поставлено у нас крестьянское население», которое «все строим своей жизни обособленное от жизни остального общества», к тому, что оно чуждо «тем процессам умственного и гражданского развития, из которых слагается

⁴¹⁴ *Н..та.* Из жизни деревни // Гражданин. № 33. 5 мая 1902. С. 10–11.

⁴¹⁵ Дневники // Гражданин. № 34. 9 мая 1902. С. 20–21.

культурная жизнь»⁴¹⁶.

«Гражданин» периодически обращался к проблемам устройства крестьянского сословия и хозяйства, констатируя, что в этой области желательно многое исправить, однако конкретных решений журнал избегал, указывая, что этими вопросами должны были бы заняться «знающие дело люди».

Наказания крестьян были вопросом, постоянно вызывавшим столкновения «Гражданина» с «Новым временем». Эта мера необходима, поскольку крестьяне не могут понять по-другому, утверждалось на страницах «Гражданина». «Лёгкие взыскания не производят на крестьян желаемого действия, – это паллиативная мера, не достигающая своей цели» – писал анонимный автор статьи «Отклики из деревенской глуши». «Только строгие наказания и строгая дисциплина в состоянии их направить на истинный путь». Крестьянин «на разные увещания, предупреждения, уступки и снисхождения он без всякого сомнения посмотрит, как на слабость, нерешительность и даже трусость, и сочтет своим долгом оказать противодействие»⁴¹⁷. В качестве действенных наказаний статья предлагала штрафы, аресты и общественные работы.

«Новое время», со своей стороны, постоянно говорило о наказаниях как дикости и варварстве. «Напрасно иные дикие душой и сердцем господа из привилегированных классов общества ухищряются свести вопрос о сечении на почву отеческих отношений к крестьянам»,⁴¹⁸ – говорилось в неподписанной статье «Бить или не бить?» в номере газеты от 2 октября 1895 г., и в этих словах виден явный намёк на проповедуемые «Гражданином» патриархальные идеалы.

«Новое время» в целом публиковало касающиеся положения крестьян материалы чаще «Гражданина». Вопрос о народе в суворинской газете

⁴¹⁶ Правительственное сообщение о крестьянских беспорядках // Новое время. № 9393. 30 апреля (13 мая) 1902. С. 2.

⁴¹⁷ Отклики из деревенской глуши // Гражданин. № 83. 7 ноября 1896. С. 7.

⁴¹⁸ Бить или не быть? // Новое время. 2 (14) октября 1895. № 7038. С. 1.

связывался с темой прогресса. В соответствующих статьях рассматривались вопросы о том, как меняется положение крестьян в связи с общими изменениями в стране и какие с этим связаны затруднения.

В марте 1894 г. «Новое время» опубликовало статьи Ф. Ромера «Орловский «мужик»», посвящённые именно этим проблемам. «Давно уже ведётся довольно страстная печатная война между завзятыми поклонниками и хулителями русского крестьянства», – писал Ромер. «Никогда ещё люди, притязающие на исключительный патриотизм, не обрушивались на несогласных с ними с такой пеной у рта, и только за то, что эти несогласные отказались признать всё русское крестьянство каким-то диким, разнузданным и развращённым стадом».

Ромер признавал и доказывал, что в Орловской губернии наблюдается «несомненный, бесспорнейший регресс» крестьянского хозяйства», виной чему стали уничтожившие извозный промысел железные дороги. Но он же уверенно отрицал идею порочности крестьянства, его лени и неспособности. «Хозяйственная косность наших орловцев» не безнадёжна, но как же помочь крестьянину в изменяющихся обстоятельствах? Ромер давал чёткий ответ: помочь ему надо знаниями. «Наука, проверенная опытом, упрощённая до уровня самых заурядных способностей, показанная сотни раз в практическом применении, вот что было учителем западных земледельцев. А мы что дали своим?» Но «прежде всяких специальных знаний нужна – простая грамотность. И её-то до сих пор ждут 90% нашего великого народа!»

Важно отметить, что по вопросу об общине – важнейшем в аграрной проблематике рубежа столетий – Ромер занял явно консервативную позицию. Он доказывал, что общинное землевладение не препятствовало развитию хозяйства. Хотя оно и сковывало отчасти инициативу, но «сотни примеров самых убедительных, рассыпанных чуть не по лицу всей земли русской, в достаточной степени свидетельствуют о полнейшей его совместимости с агрономическими идеалами всякого рода». К тому же, по его мнению, заменять общину индивидуальными хозяйствами было бы слишком дорого, таким

хозяйствам будет неоткуда брать воду, к тому же создастся «огромное сословие бездомных пролетариев»⁴¹⁹.

В конце большой, публиковавшейся на протяжении ряда газетных номеров статьи Ромер делал вывод о необходимости заботы о просвещении народа. «Первой и существеннейшей задачей нашей внутренней политики является оздоровление, развитие и поднятие во всех отношениях крестьянского «мира». Первые же шаги по этой дороге несомненно и настойчиво указываются нам самой жизнью, это – обязательная грамотность, коренная реформа низших судебных инстанций и возможная борьба с тёмными силами «трактира»»⁴²⁰.

Подобные слова – о необходимости для народа подъёма, просвещения, культурного развития – звучали в «Новом времени» постоянно на протяжении многих лет. Суворин писал об этом в «Маленьком письме» от 12 декабря 1894 г. Здесь он говорил, что трудно решить вопрос о положении крестьян до их освобождения и после него, но «очень веским» аргументом в пользу улучшения их благосостояния для него было культурное развитие. «На всех интеллигентных поприщах теперь найдёшь крестьянских детей... Крестьянские дети появились среди учёных, профессоров. Выросла народная литература, о которой недавно ещё помину не было». Суворин желал «бодрого духа, новых усилий и новых людей, и они будут, и без них нельзя обойтись». Это и был его национализм: «В этом не только должен быть сохранён принцип Россия для русских, но усилен, развит и усвоен, как непреложная истина»⁴²¹.

В выпуске «Нового времени» от 9 ноября того же года появилась короткая неподписанная статья «О народном образовании», посвящённая слуху об опытном введении обязательного образования в некоторых губерниях. Такой слух представлялся автору хорошим симптомом, свидетельствующим о том, «до какой степени наболел в провинции вопрос о

⁴¹⁹ *Ромер Ф.* Орловский «мужик» // Новое время. 9 (21) марта 1894. № 6475. С. 2–3.

⁴²⁰ *Ромер Ф.* Орловский «мужик». Ч. III // Новое время. 23 марта (4 апреля) 1894. № 6489. С. 3.

⁴²¹ *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 12 (24) декабря 1894. № 6750. С. 2.

народном безграмотстве и невежестве» и «как хорошо понята провинцией разница между грамотным и невежественным крестьянином». «Земство много сделало для народного образования, но далеко не всё», признавал автор и напоминал, что государство не бедно и должно само заняться народным образованием, ведь «не оскорбительно ли в конце XIX-го века доказывать, что школа не только возвышает человека в умственном и нравственном отношении, но и выгодна для страны в узком меркантильном смысле»⁴²². Раз у земств не хватает средств на организацию образования, ей должно заняться государство.

Но и начинания земств в этой области «Новое время» стремилось поддержать. В новостной колонке от 20 сентября 1895 г. газета с воодушевлением сообщала читателям, что уездное слободское земство Вятской губернии «на будущий год увеличивает число своих школ шестью новыми», таким образом поставив на очередь «такое огромное и важное дело, как введение всеобщего обучения». Газета в то же время предупреждала, что из-за важности дела к нему следует приступать «с большою осторожностью». Мещерский, как помним, сетовал на то, что между разными народными школами либералами была посеяна рознь. «Новое время» также признало, что «дело народного образования у нас имеет пестрый характер» из-за существования школ разных типов и благодаря «значительному несходству мнений и взглядов уездных земств на их образовательные задачи». Но именно земства должны сплотиться в решении задач народно школы. Они, по мысли «Нового времени», должны были собрать возможные сведения о состоянии вопроса и предоставить правительству, которому «останется только взять его в руки и установить школьное законодательство». Земская задача – «вывести народ из плена невежества и безграмотности»⁴²³.

«Колышется понемногу болото российской безграмотности. Древняя плесень невежества мало-помалу стирается даже в бывших глухих, медвежьих

⁴²² О народном образовании // Новое время. 9 (21) ноября 1894. № 6717. С. 2.

⁴²³ Земства и образование // Новое время. 20 сентября (2 октября) 1895. № 7026. С. 1.

углах», – такое воодушевлённое высказывание находим в номере от 29 сентября того же года по поводу решения о заведении сорока новых школ в Уржумском уезде Вятской губернии и слухов о проектировании всеобщего обучения некоторыми земствами Таврической губернии. Но здесь тема приобрела националистический оттенок. Беспокойство «Нового времени» вызвало то, что в Бердянском уезде на сто десять земских школ приходилось семьдесят немецких, вследствие чего «приходится спросить – о какой грамотности идёт там речь: о русской или немецкой?» Образование – средство к усилению нации. В пользу этого тезиса «Новое время» приводило пример того, что финляндские сепаратисты стремились к финской всеобщей грамотности как «вернейшему средству» «к духовному и политическому отчуждению Финляндии от остальной России». Таким же образом и сделать армянский язык преподавания на Кавказе «значило бы положить основание новому и достаточно великому армянскому царству»⁴²⁴.

В апреле 1897 г. «Фингал» Игнатий Потапенко признавался читателям «Нового времени» в своих мечтах о том, «чтобы наука, в лице ее живых представителей, могла двигаться по нашей обширной стране беспрепятственно. Страна в этом нуждается, и есть люди, готовые разносить по ней свет. Ну, так надо, чтобы эти люди, по крайней мере, не чувствовали себя контрабандистами»⁴²⁵.

«Гражданин», со своей стороны, так же поддерживал образование в крестьянской среде, но в нём утверждалась мысль о его исключительно практической значимости для крестьян. Их надо учить тому, что полезно для их образа жизни, а не «кирпичикам», если вспомнить слова Мещерского. Так, А. Пржецлавский писал в «Заметке по поводу действительных, коренных нужд крестьянского сельского хозяйства»: «Молодое же крестьянское поколение следовало бы обязательно привлекать к образованию, соответствующему его

⁴²⁴ Земства о введении всеобщего обучения // Новое время. 29 сентября (11 октября) 1895. № 7035. С. 2.

⁴²⁵ *Фингал*. Духовная жажда // Новое время. 6 (18) апреля 1897. № 7582. С. 3.

будущим затеям по сельскому хозяйству». В народных школах должны преподаваться «исключительно: Закон Божий, грамота, четыре правила арифметики о общее понятие об огородничестве или пчеловодстве»⁴²⁶.

Призывая к просвещению народа и приветствуя шаги в этом направлении, «Новое время» признавало и то, что современное ему положение народа проблематично. Подобно «Гражданину», газета Суворина писала о необходимости наведения порядка в законодательстве по крестьянскому вопросу. Положение крестьян менялось, на него оказывали влияние разнообразные обстоятельства, в результате в их управление вкрался произвол – рассказывала статья без подписи «Крестьянское дело» 19 октября 1895 г. Среди таких обстоятельств статья называла, хотя несколько неявно, и развитие быта крестьян. Положение от 19 февраля 1861 г., как говорилось, устарело в «правовых отношениях семейных и имущественных, где некоторые установленные для лиц крестьянского звания ограничения и отступления от общего гражданского законодательства уже не имеют более ни фактического основания, ни оправдания патриархальностью быта».

«Новое время» указывало, что положение крестьян «составляет самую слабую и самую тeneвую сторону нашей пореформенной жизни», что «всё прочее двинулось вперёд... одно крестьянское дело едва ли не вовсе чуждо успехов». Голод и холерные бунты обнаруживали «крайнюю экономическую слабость и беспомощность... темноту и некультурность» крестьян. Газета повторяла, что для решения вопроса необходимо владеть полнотой информации о нём: «необходимо, чтобы это дело было соображено в полном своём объёме», и только тогда касающееся его законодательство «может быть приведено в стройную систему», которая будет облегчать крестьянам успехи в «благосостоянии, гражданственности и просвещении»⁴²⁷.

Как мы уже упоминали, наиболее крупным бедствием русской деревни

⁴²⁶ Пржецлавский А. Заметка по поводу действительных, коренных нужд крестьянского сельского хозяйства // Гражданин. № 35. 12 мая 1902. С. 10.

⁴²⁷ Крестьянское дело // Новое время. 19 (31) октября 1895. № 7055. С. 1–2.

конца XIX в. был голод. Неурожаи 1891, а затем 1897 и 1898 гг. оказали большое влияние на русское общество. И власть, и земства принимали меры к преодолению голода, а в интеллигентной среде усилилось настроение в пользу политических реформ. «Русская народническая интеллигенция была склонна считать, что главное – это предоставить крестьянам политические права, распространить в деревне знания, отдать крестьянам казённые, монастырские и помещичьи земли – и кризис будет устранён»⁴²⁸.

Призывы помочь деревне печатались и на страницах «Нового времени». «Мы ведь и так уже почти атрофированы нашей неурожайной и голодающей деревней... как же может быть неясно, что на этой зыбкой почве держаться нельзя и что голодающая деревня съедает страну, не становясь от этого сытой»⁴²⁹. В это же время в газете резко увеличилось количество статей, посвящённых проблемам деревни. Главной темой был вопрос об общине, и по нему в «Новом времени» развернулась большая дискуссия.

Н.А. Энгельгардт под псевдонимом «Буглима» писал в номере от 13 января 1899 г. об устройении земледельческих артелей Н.В. Левитским. Один из безымянных собеседников диалога, «неонародник», принадлежал к этому движению, в связи с чем второй собеседник спрашивал: «Как относится нарождающееся общество к тем тысячам артелей, которые покрывают землю русскую – к всероссийской общине?» Левитский, по его мнению, «пытается... дать в жизни образчик живой, добровольно сложившейся общины, которую можно было бы заменить омертвелую, казённую, видимо, отживающую, фискально-полицейскую общину». Вместе с указанием направления в диалоге прозвучал и упрёк народникам в бездействии. Надо «заняться теоретической и практической разработкой громадной важности вопроса», в котором «марксисты действуют, пока народники спят»⁴³⁰.

На следующий же день в газете появилась неподписанная статья «Мир и

⁴²⁸ *Ольденбург С.С.* Царствование Николая II. С. 188.

⁴²⁹ Пора помочь деревне! // Новое время. № 8368. 16 (28) июня 1899. С. 2.

⁴³⁰ *Буглима.* Петербургские разговоры // Новое время. 13 (25) января 1899. № 8218. С. 2.

личность», резко высказывавшаяся против вывода крестьян из их «мира»-общины и предложений по этому поводу академика И.И. Янжула. Именно в общине крестьянин реализовал свой потенциал, уверяла статья: «Личность “в мире” перенесла иго татарское, иго крепостное и окупила то могущество и тот престиж, которыми теперь Россия пользуется в глазах своих соседей... только живя в мире личность не опустила руки и не махнула безнадёжно этими высохшими руками на свой труд и свои надежды». Потому «нельзя деморализировать крестьянскую личность, выгоняя её из мира на все четыре стороны. Деморализация есть самый надёжный залог самого ужасного пьянства. В виду этого, да живёт “мир” на погибель пьянству!»⁴³¹

Ещё через день «Новое время» опубликовало также неподписанную статью «Оскудение центра, община и деревенские беспорядки». Община здесь рассматривалась не только как норма крестьянского быта, но как основа всей русской жизни. Прозвучала поднимавшаяся в «Новом времени» тема опоры самодержавия на жизни народа: «Общинная, земская Русь всегда была, есть и всегда останется передовым застрельщиком и самым верным оплотом Единодержавия и верховной власти». Статья указывала на пример Запада, где «города устояли, благодаря своей общественной силе, против кулачного права рыцарей» и даже «успешно борются с властью денег, всё шире и шире развивая своё общественное хозяйство». Но и сами капиталисты, «которым открыто безбрежное море личной предприимчивости, сами начинают всё чаще и чаще от нее отказываться и переходят к общественному хозяйству», под которым автор понимал акционерные компании.

Другой темой статьи, заметно выделяющейся на фоне общего направления «Нового времени», стала необходимость правительственного покровительства. «Нигде, ни в России, ни вне ее, ни одно сословие, ни один класс населения не устраивал своего быта исключительно своими собственными силами», все классы «прибегали к покровительственной и

⁴³¹ Мир и личность // Новое время. 14 (26) января 1899. № 8219. С. 2.

воспособляющей политике правительства». И здесь вновь статья указывала на пример Запада, где, в отличие от русской деревни, «более культурная деревня Запада знает, терпит и даже любит множество всевозможных начальств». Эти начальники тоже отличаются от русских, они «не сидят по городам, занимаясь исключительно писание бумаг часов по пяти в сутки», но «принимают деятельное участие в жизни деревни личным трудом».

Обычный для «Нового времени» призыв к просвещению народа в статье совместился с признанием необходимости правительственной помощи в этом деле. Крестьянин, как указывалось, «дорожит, как и все мы, более его образованные и состоятельные лица, не культурой наизнанку и не возвращением ко временам дорюриковым; дороги ему, как и высшим сословиям, покровительство и плодотворная культурная помощь государственной власти»⁴³².

Но в то же самое время читатели «Нового времени» услышали голос, решительно призывающий к освобождению крестьян от общины. Принадлежал он сыну Льва Толстого Льву Львовичу. В номерах за 4–5 января 1899 г. был опубликован его рассказ «Мир-дурак», заканчивавшийся словами деревенского старосты: «Мир этот самый дурацкий, пьяный, жизнь нашу заедает. Всё равно один я живу на свете, один и помирать буду, один работаю, своим разумом управляюсь. На что мне другие люди?... пословица есть одна, верно говорится: “Мужик-то умён, да мир-то дурак”»⁴³³. В комментариях Валерии Абросимовой к воспоминаниям Л.Л. Толстого «Опыт моей жизни», опубликованным в литературном журнале «Окно», приводится цитата из письма Суворина автору от 13 декабря: «Рассказ Ваш набирается. Хотя он противоречит нашим взглядам на общину, мы его напечатаем и он хорошо написан и может возбудить разговор»⁴³⁴.

⁴³² Оскудение центра, община и деревенские непорядки // Новое Время. 15 (27) января 1899. № 8220. С. 2.

⁴³³ Толстой Л.Л. Мир-дурак // Новое время. 5 (17) января 1899. № 8210. С. 2.

⁴³⁴ ОР РНБ. Ф. 115. Д. 66. Л. 6. Цит. по: Толстой Л.Л. Опыт моей жизни. Комментарии [Электронный ресурс] // URL: <http://okno poetry.narod.ru/No10/comments.html> (дата обращения: 22.10.2022).

В номере от 10 марта была опубликована статья Л.Л. Толстого «Неизбежный путь». Этим путём являлось именно «расселение и переход от общинного к личному началу». Подобно тому, как предлагал взглянуть на дворянский вопрос Головин, так же и Толстой считал, что вопрос об общине «запутан так, что его уже никто никогда не распутает и не разберёт». Он интересен не сам по себе, «как не мусор и его происхождение интересны», а интересна сама община и настоящая жизнь крестьян. При этом Толстой предлагал отрешиться от теорий, «путаницы понятий», в том числе и от «немца Маркса», который причастен к русской общине не более Канта или Шопенгауэра, и «внимательно, чистыми от тумана глазами взглянуть на вопрос».

Чистый от тумана взгляд заключался, по статье, в том, что община представляет собой «далеко не первичное, не совершенное, а изуродованное, искусственное учреждение... крепостную общую собственность», которое неизбежно падёт «с развитием гражданской личности нашего крестьянина, с дарованием ему больших прав и свободы». Вспомнил Толстой и того же Левицкого, но и его проект, и другие попытки создать общину, лучшую современной, он рассматривал как «только средства, выдуманные для более плодотворной обработки крестьянской земли при современных условиях деревни». Публицист был уверен, что «близок час... когда мы услышим, наконец, великую и радостную весть об окончательном освобождении нашего народа»⁴³⁵.

Хотя Суворин и писал Л.Л. Толстому о «наших взглядах на общину», ранее, в сентябре 1896 г., явно за развитие частного хозяйства помимо общины высказался Сыромятников. В деревне «заветная мечта каждого – прикупить себе земли, иметь свою землю, независимую от мира». Публицист «не знал что подумать» об «особенностях мышления» тех, кто «убаюкивает» себя словами о том, что «народ имеет психологическую потребность в общине». При этом

⁴³⁵ Толстой Л.Л. Неизбежный путь // Новое время. 10 (22) марта 1899. № 8273. С. 2–3.

он готов был понять, когда так считали «крайние западники», которые «прямо игнорировали мужика и полагали, что низшее существо должно коснеть в низшем обиходе жизни», – то есть общинный строй Сыромятниковым откровенно признавался «низшим».

Относительно решения социально-экономических проблем Сыромятников проводил мысль о сочетании свободной инициативы и государственного контроля с целью предотвратить чрезмерное усиление одних за счёт других. Его «формула очень проста: давайте все льготы частной предприимчивости капиталистов», но «не забывайте, что русскому правительству равно дороги интересы всех классов его населения... преследуйте всякую эксплуатацию слабых сильными, примиряйте их взаимные интересы»⁴³⁶.

«Политика... по необходимости – компромисс, примирение», – писал Сыромятников вскорости. Примирение предполагает «третейского судью», который бы «сдвигал общественные отношения с мёртвой точки» и поддерживал равновесие, при котором «могут с пользой существовать не только сильные, но и слабые»⁴³⁷. «Государство служит защитой не для богатых и сильных, а для бедных и слабых. Следовательно, расшатывая государство, мы прежде всего работаем против бедных и слабых, на руку сильным и смелым, которые выплывут с выгодой из всякого смутного времени»,⁴³⁸ – писал Сыромятников в «Опытах русской мысли».

На воззрения Сыромятникова большое влияние оказал его интерес к Востоку. «Восточный политический идеал», объяснял он в «Опытах русской мысли», состоит в том, что «земля принадлежит тем, кто её обрабатывает и пока они её обрабатывают», подать платится не с земли, а с урожая, царь «есть первый воин во время войны и первый пахарь во время мира», он «назначает своих представителей в каждую самоуправляющуюся земскую единицу для

⁴³⁶ *Сигма*. Из провинции // Новое время. 22 сентября (4 октября) 1896. № 7389. С. 2.

⁴³⁷ *Сигма*. О Неве, телефонных барышнях и прочем // Новое время. 3 (15) ноября 1896. № 7431. С. 2.

⁴³⁸ *Сигма*. Опыты русской мысли. Ч. XII // Новое время. 4 (17) марта 1901. № 8985. С. 2.

объединения этих единиц» и «поддерживает духовную связь своего государства»⁴³⁹.

«Предоставление крестьян самим себе в гражданском и государственном отношениях, которое всеми силами защищают идеологи крестьянского мира, равняется предоставлению самим себе детей школьного возраста», – писал Сыромятников в мае 1902 г., по видимости, защищая государственное вмешательство. Но тут же он развернул мысль в сторону восточных идеалов: «земля Божия, она принадлежит тому, кто её обрабатывает и пока он её обрабатывает – так думали и думают на Востоке». Восток «гораздо справедливее современных социалистов, которые требуют, чтобы богатые платили налоги за бедных». А далее получалось, что всё-таки «предоставление самим себе» в определённом смысле должно быть: «каждое хозяйство есть личность, которая может развиваться только по её внутренним законам и государства гибли от того, что они живую личность хозяйства заставляли делать не то, что она могла и должна была делать»⁴⁴⁰.

В мае–июне 1902 г. на страницах «Нового времени» появился ряд материалов, уверенно призывавших к преодолению общинного строя. «Горячие и глубоко продуманные статьи против общины, предупреждая позднейший закон 17-го июня 1910 года», – писал А.П. Никольский, вспоминая перешедший к Суворину из «Недели» В.М. Грибовский. Тут же он приводил и слова самого Суворина о том, что община – это «остаток крепостного права»⁴⁴¹.

«Оставить общину *in status quo* – это самое простое решение вопроса, но оно равносильно тому, чтобы оставить крестьян в нынешней экономической слабости и скудности», – писал Никольский в статье «О земельном устройстве крестьян», утверждая, что община препятствует образованию «крепких и

⁴³⁹ *Сигма*. Опыты русской мысли. Ч. VI // Новое время. 21 января (3 февраля) 1901. № 8945. С. 3.

⁴⁴⁰ *Сигма*. Дома. Ч. XX // Новое время. 19 мая (1 июня) 1902. № 9442. С. 2.

⁴⁴¹ *Грибовский В.М.* Несколько встреч с А.С. Сувориным (По личным воспоминаниям) // Телохранитель России. А.С. Суворин в воспоминаниях современников. Воронеж, 2001. С. 126.

стойких хозяйственных единиц». Крестьяне должны получить равенство перед законом с другими сословиями, и «если у нас на крестьян будут распространены общие гражданские законы... и общие же учреждения, и будет дано право выделяться из общины», то община сама «постепенно уничтожится всюду, где она уже не соответствует современным потребностям крестьянского хозяйства»⁴⁴².

Вскоре, 16 мая, газета опубликовала статью «Община и чересполосица», утверждавшая, в ответ «Русским ведомостям», что чересполосица является следствием общинного строя: «всюду общинное землевладение создаёт дробность и чересполосицу». Автор, П.Д., утверждал, что «на юге и юго-западе Германии, благодаря господству французского права в эпоху великой революции, крестьяне при свободной мобилизации земли быстро устроили свои хозяйства без всяких консолидаций и сепараций»⁴⁴³. Последние слова выглядят пугающе, если учитывать, что опубликованы они были на фоне разворачивающихся в южных губерниях крестьянских выступлений.

Такое же по сути утверждение о французской революции как причине решения аграрного вопроса в Европе прозвучало вскорости на швейцарском съезде «освобожденцев», проходившем 20–22 июля 1903 г. На нём С.Н. Булгаков представил доклад, в котором утверждал, что «пронёсся революционный ураган, принёсший всему французскому народу свободу, а французскому крестьянству сверх того освобождение от феодальной зависимости... политическое освобождение и для Франции сыграло роль самой радикальной аграрной реформы». В том же докладе звучала и другая мысль, которую мы только что видели в «Новом времени» – необходимость уравнивания крестьян в правах с другими сословиями: «Крестьянство составляет какой-то *status in statu* (государство в государстве (*лат.*) – Д.И.), на который до сих пор не распространяются нормы общего права... Русскому юридическому

⁴⁴² Никольский А. О земельном устройстве крестьян // Новое время. 7 (20) мая 1902. № 9400. С. 2–3.

⁴⁴³ П.Д. Община и чересполосица // Новое время. 16 (29) мая 1902. № 9409. С. 2.

творчеству ставится поэтому задача выработки такого общегражданского права, которое уничтожило бы даже самое понятие “крестьян” в юридическом смысле»⁴⁴⁴. Таким образом, здесь мы видим сближение мыслей, высказывавшихся в «Новом времени» хотя бы одним из авторов, с представлениями из революционной среды.

На следующий день П.Д. продолжил тему «свободной мобилизации», рассуждая, что при ней земля «распределяется так, как этого требуют экономические интересы страны» и «регулятором процесса служит живая жизнь народа». У крестьян развито чувство собственности, они держатся за свою землю, а «общинное землевладение противоречит существу юридических отношений между людьми»⁴⁴⁵.

Другие голоса возражали против разрушения общины. Н.А. Энгельгардт осторожно напоминал, что межевое дело – «сложное, трудное, деликатное и дорогое», что «реформа фактического перехода от общинного землепользования к подворному с размежеванием очень, очень дорогая реформа»⁴⁴⁶. «Всё же нужно принимать в соображение, что община является краеугольным камнем быта десятков миллионов людей»,⁴⁴⁷ – писал С. Глинка. П.Д., в свою очередь, признавал, что «сразу нельзя установить свободную мобилизацию», она должна проходить в режиме «постепенного приучения» «разумным и попечительным правительством». Зато результатом станет «с одной стороны... прочное и многочисленное крестьянство на Руси, а с другой – богатое городское сословие».

В целом можно сказать, что в вопросе об общине «Новое время» заняло именно ту позицию «парламента мнений», о которой мы упоминали во введении. В данном случае Суворин позволял достаточно длительное время публиковать в газете статьи с различным отношением к общине и различной

⁴⁴⁴ Доклад С.Н. Булгакова по аграрному вопросу // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 43.

⁴⁴⁵ П.Д. Община и чересполосица // Новое время. 17 (30) мая 1902. № 9410. С. 2.

⁴⁴⁶ Энгельгардт Ник. Дёшево ли и легко ли размежеваться? // Новое время. 18 (31) мая 1902. № 9411. С. 2.

⁴⁴⁷ Глинка С. Спор об общине // Новое время. 11 (24) мая 1902. № 9404. С. 2.

аргументацией. Видимо, его собственное отношение к вопросу колебалось, он не был уверен, является ли община тормозом для развития крестьян или же нет, готовы ли они самостоятельно перейти к частному хозяйству.

«Гражданин» также не утверждал однозначного решения вопроса об общине. Мещерский писал в дневниках, что никто решительно, «с твёрдым убеждением в непогрешимости своего суждения» не будет стоять ни за уничтожение общины, ни за её сохранение «во что бы то ни стало». На этом фоне князь «принялся думать... о том, что единственное средство спасти в России остатки земельного дворянства, – это устройство дворянской земельной общины», основным началом которой был бы принцип: «все за одного – один за всех»⁴⁴⁸. «Ното» убеждал читателей в необходимости разрешения самых практических вопросов сельской жизни: «не образование сразу даст крестьянам средства и даже не «общинное землевладение», а практические способы материальной помощи нужны крестьянству»⁴⁴⁹.

Позднее «Гражданин» высказался определеннее, опубликовав в трёх частях статью «Сельскохозяйственные комитеты» за подписью Д.Н. С.-М. «Реформа нашего крестьянского землепользования, на наш взгляд, неизбежна: в этом вопросе весь центр тяжести крестьянского оскудения», – писал автор, связывая с общинным строем и материальное оскудение, и нравственный упадок. Но он же высказывал пожелание, чтобы правительство поступило при её проведении «с меньшей резкостью и торопливостью, чем в своё время при освобождении крестьян»⁴⁵⁰.

Об актуальном и для марксистов, и для народников вопросе о развитии капитализма в России и связанной с ним судьбе кустарного промысла писал А-т (В.К. Петерсен) в опубликованном в «Новом времени» очерке о Нижегородской промышленной выставке «Россия под Нижним Новгородом». Очерк назывался «Кустарь 1882 и кустарь 1896 г.» «Кустарь 1882 года

⁴⁴⁸ Дневники // Гражданин. № 38. 23 мая 1902. С. 18.

⁴⁴⁹ Ното. Друзья и покровители народа // Гражданин. № 43. 9 июня 1902. С. 3.

⁴⁵⁰ Д.Н. С.-М. Сельскохозяйственные комитеты // Гражданин. № 17. 27 февраля 1903. С. 10.

оптимист; напротив, кустарь современный заражён отчаянным пессимизмом» – утверждал Петерсен и признавался, что сам в этой же газете писал ранее, «захлёбываясь в упованиях о расцвете кустарей на Руси и изрыгая хулу на всякую обращённую в их сторону критику», когда «были мы молоды и верили честно в свои мечты и фантазии».

Петерсен описывал, как развитие промышленного производства губило производство кустарное, что ускорялось государственными попытками улучшить последнее. «Кустарь 1882 года явился на общее торжество промышленности патронированное властью рукою князя В.А. Долгорукова... тогда шёл как некий победитель, влекомый ликторами, возвещавшими его грядущую славу». Но, заставляя кустарей-крестьян работать лучше и больше, чиновники обрекли их на разорение: кустари потеряли старые условия работы, когда они были обычными крестьянами, на досуге делавшими разные предметы, а в новых не могли соперничать с фабрикой. При этом в статье вновь можно видеть акцент на национализме. Промышленное производство являлось иностранным: «Как только явилась улучшенная форма, с предпринимателем во главе, сейчас же наехали германцы... явились с улучшенными формами, но фабричного производства, и бедный улучшенный чиновником кустарь сел на мель. На той же мели более красивого и изящного рисунка села вологодская кружевница, так как ее фасоны переняли французские кружевные и тюлевые фабрики».

Петерсен выражал недоумение в связи с тем, что, как он писал, в павильонах выставки одинаковые по качеству и цене предметы значились одни как кустарные, другие как промышленные. В любом случае «кустарь, конечно, мёртв, ибо и время, когда он мог работать не спеша, внося известную индивидуальность даже в ложкарное производство, прошло и не вернётся более». Самый удачливый из них сам «становится фабрикантом, выписывает немца Адама Адамовича, и если не спивается с круга и не передаёт через два-три или пять лет свою фабрику немцу за два ведра водки, то продолжает жить эксплуататором». Заканчивая статью, Петерсен в одной фразе дал ответ, чем

же отличаются кустари 1882 и 1896 гг.: «один был умирающим гладиатором, а другой просто нарождающийся кулак-предприниматель и ничего более»⁴⁵¹.

Столкновение мнений об интеллигенции и народе, их взаимоотношениях и нигилизме народном и интеллигентском произошло между «Новым временем» и «Гражданином» в январе 1902 г. Поводом к нему стала статья французского путешественника и писателя Мельхиора де-Вогюэ из «Revue de deux Mondes», в которой шла речь о распространении в России нигилизма.

Суворин высказал суждение, что нигилизм в России вышел из массы простого народа, который ругается и пьёт водку. В России отсутствовала европейская свобода, породившая умственную дисциплину (здесь уместно вспомнить письма Меншикова, в которых он обвинял Суворина в уповании на европейский труд и культуру, а не на свободу). У нас всё судорожно и бессистемно, но надежда – в том же народе. Его надо просвещать. И Разина, и Пугачёва, и босяков, их преступления и отрицания «перемолола русская мельница и обратила в муку... Здравого смысла у русского народа пропасть. Он нам порукой, что всё сгладится, окрепнет, буддистами мы не станем, а будет идти работа непрерывно в нашем громадном царстве»⁴⁵².

В «Гражданине» Суворину ответил И.И. Кольшко (Серенький), назвав очередной выпуск своих «Маленьких мыслей» – «Идейка». Суворин приводил в качестве примеров нигилизма Разина и Пугачёва; Кольшко отвечал, что они-то как раз не были нигилистами, а явились выражением «положительного идеала». «Разве в движениях пугачевцев и других самозванцев не было положительного идеала? Разве не было веры в подлинность призвания лиц, поднимавших массы?... пены не бывает без воды; а вода массовых движений на Руси всегда стремилась к морю – к созиданию, к положительным целям». Народные бунты, таким оказывалась явлением лучшим, чем интеллигенция.

⁴⁵¹ *А-т.* Россия под Нижним Новгородом. Ч. 25. Кустарь 1882 и кустарь 1896 г. // Новое время. 6 (18) августа 1896. № 7342. С. 1.

⁴⁵² *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 8 (21) января 1902. № 9284. С. 2–3.

Если бунт – проявление жизни, идущее «от сердца», то нигилизм интеллигентов шёл «от ума». «Разница... между отрицанием сверху и снизу не в том ли главном, что одно – умственное, а другое – сердечное?» Здесь вновь можно видеть противопоставление «доктрины» и «жизни».

На позицию Суворина Колышко отвечал обратным утверждением: не из народа шёл нигилизм, а, напротив, от интеллигенции он шёл к народу в качестве «идейки». «“Идейка” пристала к босякам от интеллигенции». Чехов и Горький воспели «идейку», она привилась к народному сердцу, и получился «причудливый, мало правдоподобный в реальном смысле, но близкий к истине в идейном, – тип босяка». Опасность представлялась в том, что люди, подобные интеллигентам-героям Чехова и босякам-героям Горького, войдут в народ и развратят его. Народ и так подвергся «умственной смуте». Относительно её причин Колышко определённо намекал на положение с «устоями»: причины эти – «религиозного и политического свойства. Копаясь в них, мы несомненно дойдём до Бога и до Царя». Колышко признавался, что «тоже жаждет просвещения народа», но желает, «чтобы «идейка» просвещения не предупредила идею его»⁴⁵³.

Вместе с вопросом о народе рассмотрим и вопрос об отношении «Гражданина» и «Нового времени» к марксизму и, в более широком смысле, социализму как учениях, непосредственно затрагивающих вопрос о дальнейших путях народной жизни.

В октябре 1896 г., 8 числа, «Новое время» опубликовало статью-рецензию на труд Анри Мишеля «Идея государства». Статья называлась «Индивидуализм и социализм» и говорила, соответственно своему названию, об истории двух направлений государственной и экономической европейской мысли – индивидуалистском и социалистическом. Социализм стал следствием «потрясающих душу последствий индивидуальной свободы», которыми стал «финансовый феодализм, в тысячу раз более деспотический, более

⁴⁵³ *Серенький*. Маленькие мысли // Гражданин. № 4. 13 января 1902. С. 2–6.

стеснительный, более жестокий, нежели феодализм средних веков». Но к социализму отношение автора было не менее отрицательным: «в социалистическом строе нет государства, а есть бог, нет личности, а есть раб».

Для определения вопроса, как же должны складываться отношения государства и личности, в статье предлагалось «твёрдо и категорично установить принцип и конечную цель социальной жизни». Такой целью не могло быть «что-либо иное, кроме блага личности, как таковой». При этом благо личности отлично от блага индивида, которое является «благом животного», и «заключается, прежде всего и главным образом, в свободе». А чтобы не вышло «финансового феодализма», свободу следует понимать не отрицательно как независимость личности от государства, а положительно, как «возможность полного и всестороннего развития личностью своих способностей и сил». Задача государства при этом – «содействовать личности», «охраняя и создавая материальные основы личного существования, регулируя свободное стремление личности к совершенству», обращая главное внимание «на обездоленных, на побеждённых в социальной борьбе». Отсюда следует и принцип «всякой политической философии»: «индивидуализм в указанном смысле, как цель и государственное начало, этатизм, как средство»⁴⁵⁴.

Подобная точка зрения является ничем иным, как социальным либерализмом, а описанный здесь индивидуализм – классическим либерализмом.

Статьи о марксизме стали появляться в «Новом времени» в 1899 г. «Марксисты не без торжественности и с великим задором объявили, что «народ» – устарелое знамя», – говорила неподписанная статья «Народ и марксисты». Напротив, «у людей старой школы, не у народников только, а у всех, кто не чужд гражданской этики, народ – это верховный критерий всей политической и общественной жизни». Что же марксисты предлагали взамен,

⁴⁵⁴ В.Г. Индивидуализм и социализм // Новое время. 8 (20) октября 1896. № 7405. С. 2–3.

это, как прямо говорилось, «малоинтересно». Что бы они не предлагали, «такой силы ещё нет на свете, которая могла бы уложить великий народ на прокрустово ложе узенькой декадентской или какой другой доктрины»⁴⁵⁵.

В номере от 2 мая появилось объявление, что в книжные магазины «Нового Времени» поступили книги А.А. Велицина «Торжество социализма» и Вильяма Мэллока «Социальное равенство». В том же номере С.Н. Сыромятников разместил статью «Мечты», в которой очень одобрительно отозвался о книге Велицина. Она представляла собой антиутопию, описывавшую, как «в середине будущего века во Франции установилась, наконец, социальная демократия». Государство регламентирует и подчиняет себе все стороны жизни своих граждан. Рабочие ничего не делают, потому что стоит выборным надзирателям «навлечь на себя неудовольствие, и рабочие немедленно заменяют их другими». Отказавшаяся платить по долгам Франция вступает в войну с Россией, Германией и Англией, одновременно в ней начинается восстание.

«Эта небольшая книжка стоит того, чтобы её прочли», – писал Сыромятников, потому что «нет ничего опаснее для общества, как туманные, бесформенные мечты, сияющие таинственным блеском». Но «часто блестящее, манящее и загадочное оказывается на поверку ложным, фальшивым и вздорным», и вся привлекательность мечты «заключалась только в том, что мечтатель на дал себе труда вывести из неё все логические последствия»⁴⁵⁶.

«Новое время» отнеслось к марксизму так же, как «Гражданин» – к либерализму: это доктрина, пытающаяся заменить собой реальную жизнь. Но если «Гражданин» видел (как мы постарались показать, небезосновательно) социализм в российском либерализме, то «Новое время» критиковало социализм в конкретной ипостаси марксизма, понимая либерализм гораздо

⁴⁵⁵ Александр Новиков. Народ и марксисты // Новое время. 12 (24) апреля 1899. № 8306. С. 2.

⁴⁵⁶ Сигма. Мечты // Новое время. 2 (14) мая 1899. № 8324. С. 2–3.

более широко – в качестве стремления к прогрессу.

Оба исследуемых издания констатировали наличие серьёзных проблем в народном быте, но его перспективы представлялись в «Новом времени» более оптимистично, чем в «Гражданине». В обоих изданиях народный вопрос рассматривался как во внутренних аспектах (низкий уровень нравственности, образования), так и во внешних (недостатки законодательства, хозяйственная неустроенность). При этом «Гражданин» делал акцент на нравственности крестьянства и улучшении его положения в неразрывной связи с дворянством, «Новое время» – на развитии за счёт либо просвещения, либо внутренних сил.

Говоря в целом о позиции «Гражданина» и «Нового времени» по общественным вопросам, следует отметить её связь с современными им утопическими моделями: интеллигентской (интеллигент как провозвестник прогресса), народнической (творческие силы народа), марксисткой (промышленный прогресс). Эти модели, или системы взглядов, повторялись в публицистике рубежа веков и видны в полемических материалах исследуемых изданий. Все они уверенно отмечались «Гражданином», предлагавшим возрождение идеалов традиционного общества в сочетании с равновесием «подлинных» либеральной и консервативной мысли. «Новое время», декларируя ценности просвещения и развития самодеятельности, скептически оценивало возможности интеллигенции и прямо отвергало марксизм.

Заключение

Рассмотрев публикации «Гражданина» и «Нового времени» по вопросам общественно-политического положения в России на рубеже XIX – XX веков, мы пришли к следующим выводам.

Относясь по своей репутации к изданиям консервативного направления, «Гражданин» и «Новое время» значительно различались вплоть до непримиримости. Характеризуя консерватизм одного и другого, можно сказать, что у «Гражданина» он имел в большей степени политический характер, будучи неразрывно связан с идеей неограниченного самодержавия. Консервативная репутация журнала князя Мещерского имела свою основу в его ориентации на защиту самодержавия и постоянной критике в адрес «либералов». Со своей стороны, консерватизм «Нового времени» был привязан к национальной тематике и неприятию революционных выступлений. Жёсткая и принципиальная позиция защиты самодержавия для суворинской газеты, в отличие от «Гражданина», была не характерна. Тем не менее, оба издания заслужили репутацию консервативных и даже «реакционных», и это показывает, насколько неоднозначным и разнородным являлся российский консерватизм в целом и в частности – в лице исследуемых нами изданий.

И «Гражданин», и, хотя и в меньшей степени, «Новое время», большое значение придавали оппозиции «либеральный–консервативный», и эти термины использовались для выражения отношения к множеству касающихся власти и общества вопросов. При этом данные понятия носили явно эмоционально окрашенный характер, создавая у читателя нужное отношение к тому или иному предмету.

«Гражданин» на протяжении рассмотренного периода уверенно декларировал верность традиционным, консервативным ценностям. Тем не менее, журнал князя Мещерского признавал в целом необходимость реформ и прогресса, не конкретизируя их содержание. При этом либерализм и консерватизм должны были уравновешивать друг друга. Именно такое

равновесие «Гражданин» видел условием нормального существования государства и общества, а обеспечить его мог только самодержавный, а не конституционный, строй.

Необходимость равновесия либерализма и консерватизма признавалась и «Новым временем», но, в отличие от «Гражданина», оно изображало прогресс безличной и даже жестокой силой, которая не зависит от человеческого выбора и которой должна подчиниться даже самодержавная власть.

Наиболее болезненными вопросами, в которых позиции изданий оказывались противоположными и непримиримыми, явились понимание природы русского самодержавия, роль и положение дворянства в российском обществе и необходимость просвещения народа, в первую очередь – крестьян. Можно заметить, что эти вопросы сводились к теме участия населения в жизни государства. Мещерский был верен принципу вертикали, когда самодержавный монарх являет свою волю народу, проводя её через дворян и своих верных работников, в числе которых князь видел и себя. Со своей стороны, «Новое время» рисовало идеал расширения и распространения политического участия во всём русском обществе, которое должно было прийти к нему через труд и просвещение.

Выражалось различие и в образах, которые использовали издания. Для «Гражданина» характерен образ государства как семьи, объединённой вокруг фигуры самодержца. Общественные отношения журнал Мещерского описывал в понятиях любви, доверия, соединения воли царя и народа. «Жизнь» при этом противопоставлялась «доктрине» как мёртвой, рассудочной теории, равнодушной к подлинным нуждам народа. В «Новом времени» также прослеживается это противопоставление, но образ государства в газете приобретал иные, более рациональные, механистические черты.

При различии в приоритетах, видно сходство в аргументации: и «Гражданин», и «Новое время» возводили свои идеалы к прошлому, апеллировали к русской истории и традиции. «Гражданин» показывал

созидательную роль сильной власти и служилого сословия. «Новое время», со своей стороны, указывало на существование в прошлом общественной самодеятельности, прерванной в петровское время и которая могла бы, как надеялся Суворин, возродиться после Великих реформ.

Несмотря на разницу в подходах, эпоху Великих реформ можно назвать ключевой и для «Гражданина», и для «Нового времени». Оба издания были согласны с тем, что в этот период родилась перспектива для значительных изменений русского государства и общества, но к чему эти изменения приведут и какой характер примут, признавалось неясным.

В качестве основного фактора, повлиявшего на редакторскую политику «Гражданина», можно уверенно назвать направление на защиту устоев, взятое князем Мещерским изначально, при основании журнала. Но это не было бесконечным повторением одних и тех же призывов – князь и сотрудничавшие с его журналом авторы внимательно следили за общественно-политической ситуацией и были способны дать весьма точный её анализ, сравнив при этом с европейскими реалиями. Причину распространения либеральных идей они находили преимущественно в нравственной сфере жизни. Описанный в «Гражданине» либерал (либерал-доктринёр) чаще всего выглядел как невежда, не знавший ни России, ни русского народа, ни Европы, на которую он пытался ориентироваться.

Изменение мнений, высказываемых в «Гражданине», происходило прежде всего под влиянием преследовавших журнал обвинений в реакционности, противодействию свободе. Мы видели, как год от года «Гражданин» доказывал, что он не против свободы и шёл на компромиссы, признавая «либеральные» институты, что хорошо видно на примере земства. Плодом компромиссов стала показанная в целом ряде публикаций фигура «природного либерала», либерального из любви к народу, а не к доктрине. Складывается впечатление, главной целью журнала было показать возможность примирения и сотрудничества либералов и консерваторов на общей «жизненной» основе.

Со своей стороны, на позицию «Нового времени» влияли убежденность в необходимости просвещения и развития общественной самодеятельности, отстаивание интересов русского народа в империи (Россия для русских) и, наконец, сильно выраженное фаталистическое представление о неизбежном ходе истории, который не управляется человеком, а, скорее, заставляет подчиниться себе под угрозой обнищания, ослабления и уничтожения. С одной стороны, в газете Суворина видна преемственность этих идей на протяжении всего рассмотренного нами периода, с другой – в конкретных вопросах действовал принцип «парламента мнений», при котором были возможны открытые дискуссии между авторами статей.

В «Гражданине» в гораздо большей степени, нежели в «Новом времени», видна идеологическая направленность издания. Князь Мещерский сознательно ориентировал свой журнал на публику, разделявшую его убеждения, и декларировал отсутствие страха кому-то не понравиться, получить дурную репутацию в «либеральном» обществе. Но его же повторявшиеся рассуждения о «природных либералах» и готовность к компромиссу свидетельствуют об обратном: что «Гражданин» стремился найти идейную платформу для отношений со своими противниками. Также видно стремление журнала опереться на определённые профессиональные сообщества, что видно из его отношения к земским начальникам.

«Новое время», напротив, стремилось быть массовой газетой, обращённой к множеству читателей независимо от их идейных симпатий. Но если «Гражданин» стремился объединять русских людей на основе преданности самодержавию, то суворинская газета предлагала объединяться на более абстрактной основе идеалов труда, культуры и прогресса.

Во введении мы упоминали типологизацию русского консерватизма, предложенную А.С. Карцовым. Напомним, что он выделил три варианта типологизации консерватизма: по отношению к направленности и темпам социальных изменений, к уникальности культурно-государственного пути и к

равенству составляющих общество социальных групп⁴⁵⁷. Если отнести эту типологизацию к «Гражданину» и «Новому времени», то можно сказать, что позиция этих изданий решительно расходилась именно по третьему вопросу. Как мы видели, и Мещерский, и Суворин так или иначе соглашались с неизбежностью прогресса. Уникальность культурно-государственного пути очевидно отстаивалась «Гражданином», в «Новом времени» она встречалась в виде национализма, подчёркивания значения русских в империи в сравнении с прочими народами, что было не характерно для «Гражданина».

Относительно возможной дальнейшей разработки темы укажем на вопросы об отношениях «Гражданина» и «Нового времени» с другими современными им изданиями, особенности полемики относительно конкретных событий. Интересным вопросом является воздействие событий на позицию изданий и жизнь издателей, как, например, студенческого движения 1899 года на «Новое время» и лично Суворина.

⁴⁵⁷ Карцов А.С. Проблема общественного идеала в русском консерватизме (вторая половина XIX – первая половина XX вв.). С. 28–29.

Библиография

Источники

Архивные фонды

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 459 (Суворин Алексей Сергеевич). Оп. 1. Д. 2628. Оп. 2. Д. 813.

Опубликованные источники

Периодика

Голос.

1. *Градовский А.* Задача русской молодёжи // Голос. 1879. № 211.

Гражданин.

1. 21 октября 1894 г. // Гражданин. 1894. № 290.
2. *Ното.* Друзья и покровители народа // Гражданин. 1902. № 43.
3. *Астраханский казак.* О земстве у казаков // Гражданин. 1898. № 27.
4. *Бодиско Д.* Союз интеллигентов и лендлордов против помещного дворянства // Гражданин. 1898. № 11.
5. *Бодиско Д.* Интеллигенты и проявление их в жизни современной деревни // Гражданин. 1898. № 5.
6. *Вслух* // Гражданин. 1894. № 10.
7. *Граф Пётр Кутузов.* Городское «представительство» и его «покровители» // Гражданин. 1902. № 71.
8. *Деревенский житель.* Неоконсерватор // Гражданин. 1901. № 24.
9. *Дневник* // Гражданин. 1887. № 91.

10. Дневник // Гражданин. 1894. № 9.
11. Дневник // Гражданин. 1894. № 10.
12. Дневник // Гражданин. 1894. № 291.
13. Дневник // Гражданин. 1894. № 294.
14. Дневник // Гражданин. 1895. № 17.
15. Дневник // Гражданин. №18. 1895.
16. Дневник // Гражданин. 1895. № 19.
17. Дневник // Гражданин. 1895. № 69.
18. Дневник // Гражданин. 1895. № 354.
19. Дневник // Гражданин. 1895. № 355.
20. Дневник // Гражданин. 1898. № 12 и 13.
21. Дневник // Гражданин. 1901. № 20.
22. Дневник // Гражданин. 1902. № 7.
23. Дневник // Гражданин. 1902. № 54.
24. Дневники // Гражданин. 1894. № 92.
25. Дневник // Гражданин. 1895. № 69.
26. Дневники // Гражданин. 1896. № 83.
27. Дневники // Гражданин. 1896. № 92.
28. Дневники // Гражданин. 1897. № 2.
29. Дневники // Гражданин. 1898. № 7.
30. Дневники // Гражданин. 1898. № 29.
31. Дневники // Гражданин. 1898. № 57.
32. Дневники // Гражданин. 1898. № 59.
33. Дневники // Гражданин. 1898. № 61.
34. Дневники // Гражданин. 1898. № 85.
35. Дневники // Гражданин. 1898. № 93.
36. Дневники // Гражданин. 1899. № 2.
37. Дневники // Гражданин. 1899. № 15.
38. Дневники // Гражданин. 1899. № 64.
39. Дневники // Гражданин. 1899. № 66.

40. Дневники // Гражданин. 1899. № 69.
41. Дневники // Гражданин. 1900. № 1.
42. Дневники // Гражданин. 1900. № 3
43. Дневники // Гражданин. 1901. № 9.
44. Дневники // Гражданин. 1901. № 17.
45. Дневники // Гражданин. 1901. № 50.
46. Дневники // Гражданин. 1901. № 56.
47. Дневники // Гражданин. 1902. № 1–2.
48. Дневники // Гражданин. 1902. № 4.
49. Дневники // Гражданин. 1902. № 7.
50. Дневники // Гражданин. 1902. № 10.
51. Дневники // Гражданин. 1902. № 15.
52. Дневники // Гражданин. 1902. № 34.
53. Дневники // Гражданин. 1902. № 36.
54. Дневники // Гражданин. 1902. № 38.
55. Дневники // Гражданин. 1902. № 90.
56. Дневники // Гражданин. 1903. № 3.
57. Дневники // Гражданин. 1903. № 7.
58. Дневники // Гражданин. 1903. № 8.
59. Дневники // Гражданин. 1903. № 11.
60. Дневники // Гражданин. 1903. № 35.
61. Д.Н. С.-М. Сельскохозяйственные комитеты // Гражданин. 1903. №17.
62. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1894. № 89.
63. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1896. № 44.
64. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1898. № 26.
65. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1898. № 31.
66. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1898. № 71.
67. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1898. № 85.
68. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1898. № 87.
69. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1899. № 1.

70. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1899. № 15.
71. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1899. № 68.
72. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1900. № 3.
73. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1901. № 50.
74. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1901. № 51.
75. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1901. № 56.
76. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1902. № 1 и 2.
77. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1902. № 4.
78. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1902. № 5.
79. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1902. № 6.
80. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1902. № 15.
81. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1902. № 39.
82. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1902. № 41.
83. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1902. № 50.
84. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1902. № 56.
85. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1902. № 87.
86. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1903. № 4.
87. *Карцов А.* Банк на замену помещика! // Гражданин. 1898. № 15.
88. *Кудрявцев А.* Задачи воспитания народной интеллигенции // Гражданин. 1903. № 35.
89. *Марций.* Дворянство и земство (мысли постороннего наблюдателя) // Гражданин. 1902. № 5.
90. *Москвич.* Народное горе // Гражданин. 1894. № 292.
91. Мысли дворянина // Гражданин. 1902. № 50.
92. Наше оскудение и дворянский вопрос // Гражданин. 1894. № 10.
93. *Н.А.* Мысли на Новый Год // Гражданин. 1903. № 1 и 2.
94. *Н.та.* Из жизни деревни // Гражданин. 1902. № 33.
95. Об усовершенствовании дворянских учреждений и пересмотре законоположений о сих учреждениях // Гражданин. 1902. № 56.
96. Отклики из деревенской глуши // Гражданин. 1896. № 83.

97. *Павлов Н.А.* Мысли дворянина // Гражданин. 1902. № 51.
98. *Павлов Н.А.* Мысли дворянина // Гражданин. 1902. № 52.
99. Под первым впечатлением // Гражданин. 1894. № 291.
100. *Пржецлавский А.* Заметка по поводу действительных, коренных нужд крестьянского сельского хозяйства // Гражданин. 1902. № 35.
101. Призраки и угрозы // Гражданин. 1896. № 44.
102. Профессор // Гражданин. 1896. № 93.
103. Размышления у Красного крыльца // Гражданин. 1896. № 37.
104. Размышления у Красного крыльца // Гражданин. 1896. № 38.
105. *Серенький.* Маленькие мысли // Гражданин. 1901. № 10.
106. *Серенький.* Маленькие мысли // Гражданин. 1902. № 4.
107. *Серенький.* Маленькие мысли // Гражданин. 1902. № 6.
108. *Серенький.* Маленькие мысли // Гражданин. 1902. № 9.
109. *Тамбовский дворянин.* На земле // Гражданин. 1902. № 18.
110. Угодное истории!! // Гражданин. 1897. № 36.
111. Университетский вопрос // Гражданин. 1896. № 95.
112. *Шарапов С.* Два слова о самоуправлении (письмо издателю «Гражданина») // Гражданин. 1899. № 65.
113. *Шарапов С.* Историческое и современное // Гражданин. 1899. № 68.
114. *Шарапов С.* «Рамки» (письмо к издателю «Гражданина») // Гражданин. 1899. № 66.
115. *Шиловский П.* О Парламенте Британской Империи // Гражданин. 1899. № 76.
116. *Шиловский П.* О Парламенте Британской Империи // Гражданин. 1899. № 77.
117. *Шиловский П.* О Парламенте Британской Империи // Гражданин. 1899. № 79.
118. *Шиловский П.* О Парламенте Британской Империи // Гражданин. 1899. № 80.

Журнал Министерства народного просвещения.

1. Правила для студентов университета во время прохождения курса // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Июль.

Новое время.

1. Audiatur et altera pars – о дворянском вопросе // Новое время. 1898. № 7896.
2. Old Gentleman. Этюды // Новое время. 1898. № 8070.
3. *А-т.* Недуги культуры // Новое время. 1895. № 7020.
4. *А-т.* Россия под Нижним Новгородом. Кустарь 1882 и кустарь 1896 г. // Новое время. 1896. № 7342.
5. Бить или не быть? // Новое время. 1895. № 7038.
6. *Буглима.* Петербургские разговоры // Новое время. 1899. № 8218.
7. *Буренин В.* Критические очерки // Новое время. 1894. № 6470.
8. *Валентин Горлов.* Нравственная сила и воспитание народа // Новое время. 1897. № 7727.
9. *В.Г.* Индивидуализм и социализм // Новое время. 1896. № 7405.
10. В защиту земств // Новое время. 1895. № 6975.
11. *Гарин Н.* Дворянский вопрос // Новое время. 1897. № 7616.
12. *Глинка С.* «Гражданин» и земство // Новое время. 1902. № 9452.
13. *Глинка С.* Спор об общине // Новое время. 1902. № 9404.
14. *Головин К.* В земских собраниях // Новое время. 1903. № 9928.
15. *Головин К.* Дворянский вопрос // Новое время. 1898. № 7937.
16. *Головин К.* Дворянский вопрос // Новое время. 1898. № 7939.
17. Да здравствует Франция! // Новое время. 1897. № 7706.
18. *Дворянин.* Дворяне прежде и теперь // Новое время. 1897. № 7613.
19. Дворянство и чины // Новое время. 1898. № 7902.
20. *Дедлов Б.* Эпические картины В.М. Васнецова // Новое время. 1901. № 8947.
21. День коронации // Новое время. 1896. № 7258.

22. Земский mot d'ordre // Новое время. 1896. № 7429.
23. Земства и образование // Новое время. 1895. № 7026.
24. Земства о введении всеобщего обучения // Новое время. 1895. № 7035.
25. Земства – о нуждах сельского хозяйства // Новое время. 1896. № 7412.
26. Император Александр III // Новое время. 1894. № 6698.
27. Историческая справка по дворянскому вопросу // Новое время. 1898. № 7899.
28. Какая служба требуется от земского начальника? // Новое время. 1895. № 6835.
29. К виленскому торжеству. Об открытии памятника М.Н. Муравьеву // Новое время. 1897. № 7759.
30. Корни и плоды бюрократизма // Новое время. 1895. № 7014.
31. Крестьянское дело // Новое время. 1895. № 7055.
32. Лишняя напраслина о реформах Александра II // Новое время. 1895. № 7027.
33. *Лобачевский Н.О.* Колонии интеллигентных земледельцев // Новое время. 1895. № 6990.
34. *Менделеев Д.* Подъем русской промышленности в царствование императора Александра Александровича // Новое время. 1894. № 6703.
35. *Меньшиков М.О.* Из писем к ближним // Новое время. 1902. № 9303.
36. *Меньшиков М.О.* Из писем к ближним. Ubi bene // Новое время. 1902. № 9384.
37. Мир и личность // Новое время. 1899. № 8219.
38. Начало нового царствования // Новое время. 1894. № 6710.
39. Недоразумения около земства // Новое время. 1899. № 8332.
40. *Незнакомец.* Недельные очерки и картинки // Новое время. 1879. № 1089.
41. *Никольский А.* О земельном устройстве крестьян // Новое время. 1902. № 9400.

42. *Новиков А.* Народ и марксисты // Новое время. 1899. № 8306.
43. О народном образовании // Новое время. 1894. № 6717.
44. Оскудение центра // Новое время. 1898. № 7947.
45. Оскудение центра, община и деревенские неурядки // Новое время. 1899. № 8220.
46. Отечествоведение // Новое время. 1901. № 9069.
47. Памятник гр. М.Н. Муравьеву // Новое время. 1897. № 7759.
48. *П.Д.* Община и череспосоица // Новое время. 1902. № 9409.
49. *П.Д.* Община и череспосоица // Новое время. 1902. № 9410.
50. Пора помочь деревне! // Новое время. 1899. № 8368.
51. Последняя встреча // Новое время. 1894. № 6709.
52. Правительственное сообщение о крестьянских беспорядках // Новое время. 1902. № 9393.
53. Предательская нескромность // Новое время. 1894. № 6449.
54. *Ровинский.* Для чего нам нужна мелкая земская единица // Новое время. 1902. № 9316.
55. *Ровинский.* Для чего нам нужна мелкая земская единица // Новое время. 1902. № 9317.
56. *Розанов В. С.А.* Рачинский и его Татеве // Новое время. 1902. № 9415.
57. *Ромер Ф.* Орловский «мужик» // Новое время. 1894. № 6475.
58. *Ромер Ф.* Орловский «мужик» // Новое время. 1894. № 6489.
59. С.А. Рачинский (некролог) // Новое время. 1902. № 9396.
60. Связь вопросов о центре и дворянстве // Новое время. 1898. № 7950.
61. *Сигма.* Вампир Востока // Новое время. 1897. № 7633.
62. *Сигма.* Великая доука // Новое время. 1899. № 8302.
63. *Сигма.* Дома // Новое время. 1902. № 9289.
64. *Сигма.* Дома // Новое время. 1902. № 9337.
65. *Сигма.* Дома // Новое время. 1902. № 9384.
66. *Сигма.* Дома // Новое время. 1902. № 9405.
67. *Сигма.* Дома // Новое время. 1902. № 9442.

68. *Сигма*. Дома. Ч. XXVIII // Новое время. 1902. № 9530.
69. *Сигма*. Ещё раз об оптимизме // Новое время. 1899. № 8365.
70. *Сигма*. Из недавнего прошлого // Новое время. 1895. № 6803.
71. *Сигма*. Из провинции // Новое время. 1896. № 7389.
72. *Сигма*. Люди будущего века // Новое время. 1895. № 7114.
73. *Сигма*. Мечты // Новое время. 1899. № 8324.
74. *Сигма*. Мысли оптимиста // Новое время. 1899. № 8359.
75. *Сигма*. На стрелке // Новое время. 1895. № 6896.
76. *Сигма*. Обо всём // Новое время. 1896. № 7154.
77. *Сигма*. Обо всём // Новое время. 1899. № 8477.
78. *Сигма*. О Неве, телефонных барышнях и прочем // Новое время. 1896. № 7431.
79. *Сигма*. О духовном и физическом голоде // Новое время. 1898. № 7952.
80. *Сигма*. Опыты русской мысли // Новое время. 1900. № 8870.
81. *Сигма*. Опыты русской мысли // Новое время. 1901. № 8945.
82. *Сигма*. Опыты русской мысли // Новое время. 1901. № 8985.
83. *Сигма*. Поездка в Японию // Новое время. 1897. № 7771.
84. *Сигма*. Разложение воли // Новое время. 1894. № 6526.
85. *Сигма*. Россия и Франция // Новое время. 1902. № 9398.
86. Среди газет и журналов // Новое время. 1893. № 6317.
87. Среди газет и журналов // Новое время. 1897. № 7576.
88. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1894. № 6750.
89. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1895. № 6776.
90. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1895. № 6837.
91. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1895. № 6932.
92. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1895. № 7120.
93. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1895. № 7122.
94. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1896 г. № 7154.
95. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1896. № 7190.

96. Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 1896. № 7224.
97. Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 1896. № 7465.
98. Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 1896. № 7482.
99. Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 1897. № 7620.
100. Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 1898. № 8070.
101. Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 1899. № 8257.
102. Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 1899. № 8259.
103. Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 1899. № 8279.
104. Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 1899. № 8446.
105. Суворин А. Маленькие письма // Новое время. 1902. № 9284.
106. Толстой Л.Л. Мир-дурак // Новое время. 1899. № 8210.
107. Толстой Л.Л. Неизбежный путь // Новое время. 1899. № 8273.
108. Феодальное земство // Новое время. 1895. № 6978.
109. Фингал. «Две большие разницы» // Новое время. 1899. № 8265.
110. Фингал. Духовная жажда // Новое время. 1897. № 7582.
111. Фингал. Образованный человек // Новое время. 1895. № 7023.
112. Фингал. Психопаты // Новое время. 1899. № 8215.
113. Фингал. Разговор // Новое время. 1897. № 7536.
114. Фингал. Сфинкс // Новое время. 1898. № 8112.
115. «Честные люди» // Новое время. 1895. № 7107.
116. «Чиновники» – мужики // Новое время. 1901. № 9175.
117. Энгельгардт Н. Дёшево ли и легко ли размежеваться? // Новое время. 1902. № 9411.
118. Энгельгардт Н. Кризис интеллигенции // Новое время. 1897. № 7682.
119. Энгельгардт Н. Мысли кстати // Новое время. 1903. № 9877.

Русские ведомости

1. Открытое письмо издателю «Гражданина» // Русские ведомости. 1902. № 6.

Публицистика, дневники, мемуары

1. *Витте С.Ю.* Избранные труды. М., 2010.
2. *Герцен А.И.* Былое и думы. М., 2003.
3. Земская несостоятельность. О выборном начале // Мещерский В.П. За великую Россию. Против либерализма. С. 282–321.
4. *Суворин А.С.* Дневник. М., 1999.
5. *Изгоев А.С.* Об интеллигентной молодёжи (Заметки о её быте и настроениях) // Вехи. Из глубины. М., 1991.
6. *Констан Б.* Принципы политики, пригодные для всякого правления // Классический французский либерализм: сборник. М., 2000. С. 23–196.
7. *Короленко В.Г.* Дневник: в 4 т. Полтава: Гос. Изд-во Украины, 1925–1928.
8. *Короленко В.Г.* Метаморфоза «Гражданина» // Полное собрание сочинений В.Г. Короленко. Т. 6. СПб, 1914.
9. *Кошелев А.И.* Самодержавие и земская дума. М., 2011.
10. *Макарова О. А.С.* Суворин в дневниках С.И. Смирновой-Сазоновой. Ч. 2 // Новое литературное обозрение. 2015. № 1.
11. Нигилизм – порождение либерально-чиновничьего Петербурга // Мещерский В.П. За великую Россию. Против либерализма. С. 250–279.
12. *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988.
13. *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 2002.
14. Переписка А.П. Чехова: в 3 т. М., 1996.
15. *Победоносцев К.П.* Московский сборник // Победоносцев К.П. Избранное. М., 2010.
16. Порядок и свобода / А.С. Суворин; публ. А.Ю. Минакова // Берег. Воронеж, 2000. 12 мая.
17. *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. Опавшие листья. М., 2015.

18. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Том 22. Признаки времени (статьи и очерки 1912 г.). М., 2006.
19. *Самуэль Герберт.* Либерализм: опыт изложения принципов и программы современного либерализма. М., 2010.
20. *Сементковский Р.* К истории либерализма // Исторический вестник. 1893. №2. С. 481–501.
21. *Снеессарев Н.* Мираж Нового времени. Почти роман. СПб, 1914.
22. Студенческое движение 1899 года: сборник. Под редакцией В. Черткова. Издание «Свободного слова». №29. А. Tsertkoff: Purleigh, Maldon, Essex, England. 1900.
23. *Толстой Л.Л.* Опыт моей жизни // Окно. 2012. №10 (13).
24. *Тургенев И.С.* Сфинкс // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1982. Т. 10.
25. *Чичерин Б.Н.* История политических учений: в III томах. СПб, 2006.
26. *Чичерин Б.Н.* Несколько современных вопросов. М., 2002.

Историография

1. *Андреев А.Е.* Тверские губернаторы на рубеже XIX – XX вв.: стиль работы и образ жизни // Вестник Томского государственного университета. 2014. №. 389. С. 123–127.
2. *Ананьич Б.В. и др.* Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.
3. *Ананьич Б.В.* О тексте манифеста 26 февраля 1903 г. (из архива В.П. Мещерского) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1983. Т. 15.
4. *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 год. М., 1984.
5. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996.
6. *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910 - 1917). М., 2016.
7. *Гордон Г.* Дневник Суворина // Печать и революция. 1924. № 1. С. 68–

71

8. *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин: человек, сделавший карьеру. М., 1998.
9. *Динерштейн Е.А.* Публицист «крайних убеждений». Путь А.С. Суворина к «Новому Времени».
10. *Дронов И.Е.* Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. №10. С. 57–84.
11. *Дронов И.Е.* Путь консерватора // Князь В.П. Мещерский. Гражданин консерватор. М., 2005. С. 8–84.
12. *Дронов И.Е.* Разработка консервативной концепции развития России в творчестве В.П. Мещерского. Дисс. ... к.и.н. М., 2007.
13. *Есин Б.И.* История русской журналистики XIX века: уч. пособие. М., 2008.
14. *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX века. М., 1970.
15. *Заславский Д.О.* Дневник А.С. Суворина // Былое. 1924. № 4. С. 281–283.
16. *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.
17. *Иванов А.Е.* Студенчество в России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999.
18. *Карцов А.С.* Общественно-политическая деятельность кн. В.П. Мещерского, 1860-1890-е гг.: дисс. канд. филос. наук. СПб., 2000.
19. *Карцов А.С.* Правовая идеология русского консерватизма (II половина XIX – начало XX веков): дисс. докт. юрид. наук. М., 2008.
20. *Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX – нач. XX в. (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004.
21. Классический французский либерализм первой четверти XIX века // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 5–23.
22. *Климаков Ю.В.* Предисловие // *Мещерский В.П.* За великую Россию. Против либерализма. М., 2010. С. 5–26.

23. *Кузичева А.П.* Чехов. Жизнь «отдельного человека». М., 2012.
Т. V. С. 21–72.
24. *Ленин В.И.* Карьера // Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 22. С. 43–44.
25. *Ленин В.И.* О русском либерализме и о русских реформах // Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 24. С. 20–21.
26. *Леонов М.М.* «Духовные сыновья»: интимный патронат в салоне В.П. Мещерского // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. № 2. 2010. С. 52–55.
27. *Леонтович В.В.* История либерализма в России (1762–1914) // Исследования новейшей русской истории. Ч. 1. М.: Русский путь, 1995.
28. *Макашина Л.П.* Вокруг Суворина: опыт литературно-политической биографии. Екатеринбург, 1999.
29. *Минаков А.Ю.* Суворин Алексей Сергеевич // Русский консерватизм середины ХУІІІ – нач. ХХ в.: энциклопедия. М., 2010. С. 499–500.
30. *Мокшин Г.Н.* Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж. Научная книга. 2007.
31. *Ольденбург С.С.* Царствование Николая II. М., 2008.
32. *Ореханов Г.* Русская Православная Церковь и граф Л.Н. Толстой: конфликт глазами современников. М., 2010.
33. *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
34. *Рейтблат А., Тарасова Ф. Макашина Л.П.* Вокруг Суворина. Екатеринбург, 1999 // Новое литературное обозрение. 2000. № 44.
35. *Рейфилд Д.* Король Лир из Санкт-Петербурга // Персона. 1999. № 11.
36. *Роскина Н.А.* Суворин Алексей Сергеевич. Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. Стб. 243–244. М., 1972.
37. Русский консерватизм ХІХ столетия. Идеология и практика. Под редакцией В.Я. Гросула. М., 2000.
38. «Самодержавие может расти с земством...»: Полемика А. С. Суворина

с С.Ю. Витте / предисл., публ. и коммент.: А. Ю. Минаков // *Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – начале XX века*. Воронеж, 2002. С. 247.

39. *Санькова С.М.* А.С. Суворин: в поисках национального единства // *Национальные приоритеты России*. 2012. № 2(7).

40. *Санькова С.М.* Два лица «Нового Времени». А.С. Суворин и М.О. Меньшиков в зеркале историографии. Орёл, 2011.

41. *Секиринский С.С., Шелохаев В.В.* Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX - нач. XX в.). М., 1995.

42. *Селезнёв Ф.А.* Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006.

43. *Селезнёв Ф.А.* Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии // *Вопросы истории*. 2006. № 9.

44. *Соловьёва И., Шитова В.* А.С. Суворин: портрет на фоне газеты // *Вопросы литературы*. 1977. № 2.

45. *Соловьёв Ю.Б.* К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1979. Т. 11. С. 192–201.

46. *Соловьёв Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.

47. *Соловьёв Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981.

48. *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (кон. XIX – нач. XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.

49. *Ульянова Л.В.* Колыбель российского либерализма: тверские либералы глазами политической полиции (1880–1905) // *Вестник МГУ. Серия 8. История*. 2008. № 6. С. 53–63.

50. *Хуторова Л.М.* Алексей Сергеевич Суворин, 1834–1912 гг.: судьба и взгляды: дисс. канд. ист. наук. Казань, 2001.

51. *Черникова Н.В.* «Гражданин» // *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в.: энциклопедия*. М., 2010. С. 126–128.

52. *Черникова Н.В.* Князь Владимир Петрович Мещерский в

общественной жизни России. Последняя треть XIX – начало XX века: дисс. канд. ист. наук. М., 2001.

53. *Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017.

54. *Черникова Н.В.* Русский консерватизм от Карамзина до Мещерского: взгляд через столетие // Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004.

55. *Чужой К.* Из закулисных влияний. Князь В.П. Мещерский и А.В. Кривошеин // Русское прошлое. Кн. 5. М.-Пг., 1923. С. 77–80.

56. *Цейтлин А.* «Гражданин» // Литературная энциклопедия: в 10 т. Т. 7. М., 1929–1939. С. 294.

57. *Ambler E. K.* Russland Journalism and Politics. The Career of A.S. Suvorin. 1861–1881. Detroit. 1972.

58. *Lieven D.* Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven; London, 1989.

59. *Vinogradoff I.* Some Russians Imperial Letters to Prince V.P. Meshchersky // Oxford Slavonic Papers. Vol. 10. 1962. P. 105–158.